

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

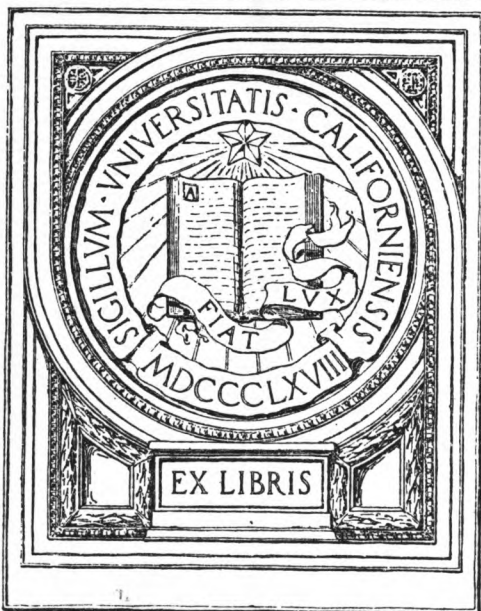
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

\$B 86 451

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·

EX LIBRIS

Н. Р. Kinnard
Д-ръ Мед. Товардъ П. Хиннардъ.

Russkii
Русскій
Krest'ianin
крест'янинъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. И. Сувинова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Русскій крестьянинъ.

Кемаль-Бек

Д-ръ Мед. Товардъ П. Хикхардъ.

Русскій крестьяникъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. И. Сувилова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

1880

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

1880

DK32
K425

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ не преувеличиваетъ скромнаго значенія выпускаемаго имъ краткаго очерка о «Русскомъ Крестьянинѣ». Предлагаемое произведеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться глубокимъ, исчерпывающимъ критическимъ изслѣдованіемъ о крестьянинѣ и о крестьянскомъ вопросѣ; такому изслѣдованію авторъ надѣется посвятить свой будущій трудъ. Въ настоящемъ очеркѣ читатель найдетъ только *контуры* картины жизни тѣхъ безчисленныхъ милліоновъ крестьянъ, которые образуютъ настоящее ядро Россіи.

Авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о крестьянахъ изъ личныхъ сношеній съ ними; онъ жилъ съ ними въ деревняхъ во всѣхъ частяхъ Россіи,— на болѣе культурномъ западѣ, отъ Петербурга и до границъ Польши; на холодномъ и мало населенномъ сѣверѣ; въ громадной области Велико-россіи, орошаемой матушкой Волгой отъ Казани и до Кавказа, и въ Сибири. Онъ изучалъ крестьянина въ мирное время, наблюдалъ его простую монотонную жизнь въ деревенской избѣ, а во

М156415

время послѣдняго русско-японскаго столкновѣнія имѣлъ возможность видѣть его на войнѣ, гдѣ этотъ крестьянинъ проявилъ свое удивительное терпѣніе и выносливость. Далѣе, въ настоящее время авторъ работаетъ и наблюдаетъ среди крестьянъ, потерпѣвшихъ отъ ужаснаго небывалаго неурожая, вслѣдствіе котораго болѣе 20.000.000 человѣкъ доведены до голоданія и болѣзней.

Историческія свѣдѣнія авторъ черпалъ изъ старыхъ мемуаровъ Гея Флетчера, Антона Дженкинсона, изъ древней Псковской Хроники, изъ Хроники Троицкаго монастыря, изъ *Секретной Хроники двора Екатерины II*, *Московскихъ Писемъ*, *Мемуаровъ де Маннгейма*, *Исторіи Россіи* Карамзина и изъ многочисленныхъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, находящихся въ музеяхъ Петербурга и Москвы. Кромѣ того, онъ заимствовалъ изъ произведеній Джоффрея Дрэджа (Geoffrey Drage), сэра Дональда Мэкензи Уоллеса (Donald Mackenzie Wallace), Леруа Больё, Василевскаго (Васильчикова?) и Морфиля (Morfill); наконецъ, авторъ высказываетъ свою глубокую благодарность за помощь, оказанную ему въ его путешествіяхъ и работахъ въ Россіи его превосходительствомъ де-Кербедзъ и госпожею Евгеніей де-Кербедзъ, дружбу которыхъ онъ цѣнилъ и цѣнитъ очень высоко и любезное содѣйствіе которыхъ вызываетъ у него чувство глубочайшей благодарности. Кромѣ того, авторъ многимъ обя-

занъ мистеру Монгомери Гровъ, — британскому консулу въ Москвѣ, князю Николаю Щербатову, талантливому корреспонденту *Standard'a* въ Москвѣ, — мист. Виктору Мэрсдену, князю Голицыну, гг. Гулькевичу, Татаринову, Николаю Шишкову, своему другу мист. Л. А. Р. Уоллесу, безъ котораго настоящая книга никогда не появилась бы на свѣтъ, и нашему бывшему послу въ С.-Петербургѣ, сэру Чарльзу Гардингу, помогавшему получить особыя разрѣшенія, которыя значительно облегчили путешествія и работу автора.

Въ заключеніе авторъ долженъ сказать, что выпуская настоящій трудъ, онъ надѣется, что публика отнесется къ послѣднему безъ излишней требовательности, приметъ его съ благосклонной снисходительностью.

Д-ръ медиц. Говардъ П. Киннардъ.

Самара, Россія,

17 мая 1907.

ГЛАВА I.

Деревенская жизнь.

Россія! Самое слово въ умахъ безчисленнаго количества людей вызываетъ представленіе о чемъ-то таинственномъ. Франція, Германія, Индія, Японія, Америка, Австралія, даже Китай,—все это извѣстныя страны; но передъ Россіей останавливаешься какъ передъ чѣмъ-то въ высшей степени темнымъ и громаднымъ и въ мозгу шевелятся мысли о деспотизмѣ, невѣжествѣ и рабствѣ. Для безчисленныхъ тысячъ это слово означаетъ таинственность и тюремныя рѣшетки, Сибирь и кнутъ. Есть и причина того, что иностранцы, мало знающіе Россію, имѣютъ о ней такое представленіе. Если бросать достаточное количество грязи, то можно быть увѣреннымъ, что часть ея пристанетъ, а несомнѣнно, что въ несчастную Россію достаточно бросали грязью. Но упорно держащійся слухъ обыкновенно содержитъ въ себѣ зерно истины, а насколько дѣло касается Россіи, можно сказать, что молва едва ли хоть сколько нибудь преувеличила дѣйствительность.

Поѣзжайте къ Востоку, пересѣките Волгу, переберитесь черезъ гребни Уральскаго Хребта и двигайтесь въ любомъ направленіи по долинамъ Сибири. Тамъ время отъ времени вамъ будутъ попадаться партіи несчастныхъ ссыльныхъ, жалкихъ, оборванныхъ, часто босыхъ, изнуренныхъ усталостью и недостаткомъ пищи; опустивъ головы, усталыми шагами, эти люди идутъ молча и ихъ ужасное молчаніе дѣлаетъ еще болѣе щемлящимъ чувство одиночества, внушаемое этой безграничной пустыней, въ которой меланхолическое звяканье цѣпей и длинная, длинная колонна товарищей по несчастію замѣняютъ музыку и картины природы. Нѣтъ глубокаго голубого неба, нѣтъ веселаго солнечнаго блеска, которые облегчили бы ихъ тяжелое состояніе духа, и нѣтъ для нихъ надежды. Не слышно щебетанія птицъ, которое приласкало бы ихъ полныя отчаянія души,—изо дня въ день, отъ восхода и до заката солнца, въ ихъ ушахъ раздается только музыка звенящихъ цѣпей. Топъ-топъ-топъ, устало шагаютъ они, старые и молодые, женщины и мужчины, всѣ связанные между собою общностью страданія: интеллигентные и невинные на ряду съ гнусными преступниками, воспитанные и культурные вмѣстѣ со скотски-невѣжественными и жестокими,—всѣ скованные въ одну длинную цѣпь смертныхъ, идущихъ на свою гибель.

Надежда, бодрость у нихъ потеряны; домашній очагъ, семейство, доброе имя,—все это оста-

лось въ прошломъ; на лицѣ каждого изъ нихъ можно видѣть только неизгладимый отпечатокъ отчаянія. Топъ-топъ-топъ, шагаютъ несчастные подъ рѣжущій ухо аккомпаниментъ лязга цѣпей, этого оркестра смерти, играющаго прелюдію къ вѣчному покою въ какой-нибудь наскоро вырытой въ промерзлой степи Сибири могилѣ въ томъ случаѣ, если Богъ по Своей милости скоро освободитъ ихъ отъ страданій, или, въ противоположномъ случаѣ, прелюдію къ похоронамъ заживо въ глубинѣ промерзлыхъ шахтъ! Нарисованная картина не есть плодъ излишней впечатлительности. Правда, желѣзная дорога такъ облегчила перевозку, какъ этого нельзя было и допустить нѣсколько времени тому назадъ, и сибирская дорога теперь доставляетъ къ мѣсту ихъ назначенія многихъ несчастныхъ ссыльныхъ, которые безъ нея умерли бы въ пути. Но желѣзной дорогой нельзя пользоваться для доставки въ болѣе отдаленныя мѣстности, въ холодныя пустыни сѣвера, въ которыя даже въ двадцатомъ столѣтіи христіанской эры человѣкъ считалъ возможнымъ посылать своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ и въ настоящее время часто можно встрѣтить эти извивающіяся подобно змѣямъ колонны созданныхъ Богомъ по своему подобию существъ, медленно совершающихъ свой путь милю за милей, день за днемъ, недѣлю за недѣлей, покуда смерть своимъ костлявымъ пальцемъ не укажетъ имъ мѣста отдыха.

Пойдите по пути одного изъ этихъ похоронныхъ шествій и обратите вниманіе на небольшія кучки земли, которые вы увидите: онѣ указываютъ, что здѣсь успокоился какой-нибудь несчастный, вся жизнь котораго была наполнена борьбой и молчаливымъ страданіемъ, длинной борьбой за свободу, за родину,—за все хорошее, что Богъ далъ человѣку.

Я часто оставался охваченный думами посреди небольшой кучки покрытыхъ снѣгомъ могилъ,—кладбища ссыльныхъ. Кто покоится въ той изъ нихъ? Вбитый въ промерзлую землю столбъ повидимому свидѣтельствуешь о томъ, что дѣлались усилія отмѣтить мѣсто, гдѣ покоится какая нибудь замученная жизнью душа. Былъ ли то выдающійся, пользующійся міровой извѣстностью человѣкъ, таланты котораго принуждали его къ дѣйствию, заставили употребить данныя ему способности на то, чтобы поднять свою несчастную страну изъ грязи, втянули его въ круговоротъ политики и въ партійную борьбу и наконецъ довели до того, что онъ долженъ былъ тратить свою жизнь въ пустынь, расточать свои богатые умственные способности, свое остроуміе, свои возвышенныя благородныя мысли передъ грубыми тюремными сторожами, передъ отбросами человѣчества, — худшими преступниками? Было ли его гордое, несчастное сердце разбито сознаніемъ, что его жизнь прошла бесплодно, бесполезно? Закончилась ли его молодая жизнь

среди товарищей, которые могли стать таковыми только благодаря практикуемой русскими властями жестокой системѣ смѣшенія безъ разбора людей и животныхъ?

Но эта картина представляетъ собою только одну сторону русской жизни, бросающуюся въ глаза путешественнику, который проникнетъ въ неизмѣримую глубину этой страны. Россія страна контрастовъ и крайностей—она полна меланхолии и веселья, проста и даже ласкова и, несмотря на это,—ужасна, отталкиваетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровываетъ и влечетъ къ себѣ, полна таинственности и въ то же время открыта какъ ея безграничныя степи, стара и въ то же время молодая,—да, молодая какъ новорожденное дитя; отраженіе всѣхъ этихъ контрастовъ и противорѣчій можно найти и въ характерѣ русскаго народа. Какъ бы тамъ ни было, но въ настоящее время слово Россія прежде всего вызываетъ представленіе о чемъ-то таинственномъ; она кажется окруженной непроницаемымъ покрываломъ тьмы, которое какъ бы отталкиваетъ желающихъ проникнуть сквозь него и узнать страну, занимающую одну шестую часть обитаемой поверхности земли и имѣющую не менѣе 140.000.000 населенія, относительно четырехъ пятыхъ котораго буквально ничего не извѣстно. Въ этой странѣ есть масса равнинъ, масса степей, есть постоянно остающаяся круглый годъ замерзшею земля и вмѣстѣ съ тѣмъ богатый черноземъ, равнаго

которому нѣтъ ни въ одной странѣ міра, есть необозримыя пустыни,—многія изъ которыхъ и до сихъ поръ еще не посѣщались путешественниками,—слабо населенныя вырождающимся существованіемъ, остатками давно исчезнувшихъ расъ, и настолько обширныя, что жителю Запада, незнакому съ настоящими пустынями, трудно дать представленіе о нихъ.

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витія
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ нивъ,
И выгибаются дугою
Цѣлуясь съ матерью—землею
Колосья безконечныхъ нивъ...

Такъ поетъ знаменитый русскій поэтъ Некрасовъ о своей любимой родинѣ, которая занимаетъ сплошную поверхность болѣе чѣмъ въ 8.500.000 квадратныхъ миль и простирается отъ скованнаго льдомъ Ледовитаго океана, омывающаго ея сѣверные берега, до береговъ Чернаго моря, отъ береговъ Балтійскаго моря и границъ Германіи, Австріи и Балканскихъ государствъ, черезъ равнины Восточной Европы и безконечное число миль промерзлой сибирской степи,—до теплыхъ водъ Тихаго океана и такимъ образомъ, давитъ своими постоянно расширяющимися границами на границы Швеціи, культурнаго Запада,

Турціи, Афганистана, Китая и Маньчжуріи и содержитъ въ своихъ предѣлахъ 140.000.000 населенія. При всемъ этомъ, до очень недавняго времени эта обширная страна представляла собою закрытую книгу, въ которую не могъ заглянуть стоящій внѣ ея міръ; послѣдній зналъ только ея имя и обо всемъ остальномъ относительно ея имѣлъ также мало понятія, какъ ребенокъ. Но откуда же такое удивительное незнаніе этой страны? Оно заставляетъ предполагать, или что западныя націи мало интересовались ею, или же что причиной этого была какая-нибудь существенная особенность самой Россіи.

Прежде всего, изъ кого же состоитъ население Россіи? Страна, имѣющая 140.000,000 населенія, которое въ настоящее время съ каждымъ годомъ увеличивается на 2.000,000 человѣкъ, у неподготовленнаго вызываетъ представленіе о державѣ, которая уже давно должна была заставить почувствовать свое могущество отъ одного конца свѣта до другого, тѣмъ болѣе что эти милліоны состоятъ изъ людей бѣлой расы. Въ сорокъ разъ больше Франціи и 140.000,000 населенія! Гдѣ распределены эти массы? изъ кого онѣ состоятъ? Изъ нихъ, пятнадцать милліоновъ человѣкъ живутъ по городамъ,—это крупные и мелкіе правительственные чиновники, лица свободныхъ профессій, служащіе и промышленники и торговцы; 3.000,000 работаютъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ, разсѣянныхъ по всей странѣ; къ этимъ

двумъ группамъ нужно еще прибавить 7.000,000 человѣкъ, работающихъ при желѣзныхъ дорогахъ, мелкихъ провинціальныхъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, землевладѣльцевъ и всѣхъ тѣхъ, которые могутъ претендовать на то, чтобы быть численными къ интеллигеніи, къ числу интеллигентныхъ членовъ общества. Далѣе, можно предположить, что 15.000,000 человѣкъ составляютъ разбросанныя по всему необъятному пространству Россіи племена различныхъ расъ: финны, татары, кавказцы, лапландцы, самоѣды, монголы, башкиры, валахи, черемисы и другіе, имя которымъ легионъ.

Такимъ образомъ набирается сорокъ милліоновъ; изъ кого же состоитъ остальная часть населенія? Изъ кого же состоитъ громадная масса въ 100.000,000 человѣкъ, которыхъ нельзя отнести ни къ собраннымъ въ Россіи племенамъ различныхъ расъ, ни къ числу обыкновенныхъ интеллигентныхъ людей? Знаетъ ли про нихъ чтонибудь Европа? Нѣтъ! Знаетъ ли ихъ Россія, та Россія, которая представляется правительственными чиновниками, людьми свободныхъ профессій, промышленными и торговыми классами? Нѣтъ, — тысячу разъ нѣтъ. Но кто же тогда эти люди? Отвѣтъ простъ, простъ до трогательности: они принадлежатъ къ одному классу, къ классу *русскихъ крестьянъ*, въ составъ котораго входятъ 100.000.000 человѣкъ, и объ этихъ 100.000.000 человѣкъ ничего не извѣстно. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что въ теченіе четырехъ послѣднихъ

полныхъ событіями десятилѣтій, русскіе правящіе классы и русская интеллигенція были вынуждены обратить вниманіе на эту ранѣе бывшую въ пренебреженіи массу человѣческихъ существъ, интересы которой въ продолженіе прошедшихъ вѣковъ, несмотря на ея преобладающее количественное значеніе, совершенно игнорировались.

Первая нота прозвучала въ устахъ Императора Александра II, въ его рѣчи къ московскому дворянству (мартъ 1856). Отрицая и успокаивая въ началѣ рѣчи, онъ кончилъ такимъ прозрачнымъ намекомъ, что присутствовавшіе на собраніи тотчасъ же поняли его дѣйствительныя намѣренія:

„Слухи носятъ, что я хочу объявить освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ на право и налѣво. Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого; мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и въ одного мнѣнія со мною; слѣдовательно гораздо лучше чтобы это произошло выше, нежели снизу“.

Многозначительныя слова! Это не предложеніе, защищаемое конституціоннымъ монархомъ или президентомъ республики, но спокойное, самодержавное требованіе чловѣка, имѣющаго неограниченную власть надъ Россіей и надъ русскимъ народомъ, требованіе, не позволяющее сомнѣваться въ его истинномъ значеніи, недопускающее возраженій, высказанное устами самаго всемогущаго

изъ людей, устами Царя всей Россіи, каждое слово котораго законъ.

Жребій былъ брошенъ и судьба крѣпостного права съ этого момента была рѣшена; съ этого же момента крестьянская масса съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе вдвигалась въ поле зрѣнія русскаго общества и русскаго правительства, такъ что теперь крестьянинъ не только признается факторомъ, съ которымъ нужно считаться, въ крестьянахъ стали видѣть не только классъ, для котораго должны быть приняты государственныя законодательныя мѣры первостепенной важности, но крестьянскій вопросъ занялъ центральное положеніе между вопросами, которые теперь надлежитъ разрѣшить Россіи, сталъ ключемъ къ выходу изъ настоящаго положенія.

Въ настоящее время Россія пробуждается подобно какому нибудь доисторическому мамонту, который спалъ въ теченіе долгихъ столѣтій, распростерши свое громадное неуклюжее тѣло въ грязи и съ теченіемъ времени росъ, увеличивалъ свой объемъ на счетъ окружающихъ его. Теперь она просыпается, встряхивается и открываетъ приэтомъ, что за то время, какъ она постоянно росла по объему, ея жизненная сила замерла: ея пренебрегали, и она осталась неразвитой. Это жизненное начало,—жизнь Россіи, самое существо ея,—есть ни что иное какъ русскій крестьянинъ, умъ котораго въ теченіе долгихъ вѣковъ коснѣлъ въ глубокомъ мракѣ невѣ-

жества, самая человѣческая личность котораго не признавалась и который смиренно мирился со своей судьбой. Съ терпѣніемъ, на которое способны только русскіе, безчисленные поколѣнія этихъ крестьянъ смиренно оставались только живыми машинами, вещами, по своему умственному уровню близкими къ домашнимъ животнымъ.

Что же представляетъ собою крестьянинъ въ настоящее время?

Я возьму васъ съ собою въ мои сани, въ которыхъ я передвигаюсь по снѣгамъ Россіи, по этой вѣчно бѣлой пеленѣ, украшающей страну въ продолженіе двухъ третей года, и покажу вамъ этого страннаго индивидуума.

Закутанные въ наши шубы, которыя покрываютъ не только тѣло, но и голову и лицо, оставляя только глаза и кончикъ носа на тридцатиградусномъ морозѣ, еще болѣе остроумъ вслѣдствіе легкаго сѣверовосточнаго вѣтра, мы шибко ѣдемъ на нашей парѣ лошадей. Твердый блестящій снѣгъ скрипитъ подъ каждымъ ударомъ копытъ и наши сани безшумно катятся, какъ будто безъ какихъ либо усилій со стороны двухъ прекрасныхъ животныхъ, совсѣмъ не нуждающихся въ тѣхъ «Ну, ну малютка мой; Ну, ну,—иди», съ которыми ласково убѣдительнымъ тономъ обращается къ нимъ сидящій съ вытянутыми руками и держащій въ каждой изъ нихъ по возжѣ ямщикъ, погоняющій животныхъ только голосомъ. Мы быстро скользимъ впередъ, наслаждаясь тѣмъ

пріятнымъ ощущеніемъ, которое можно испытывать только сидя въ быстро ѣдущихъ саняхъ и имѣя на себѣ хорошую богатую шубу, какъ вдругъ въ воздухѣ раздается крикъ нашего возницы, Ивана, «берегись, берегись, ей, дуракъ берегись». На это не слѣдуетъ отвѣта и Иванъ, напрягая всѣ свои силы, осаживаетъ разгорячившихся лошадей; животныя встаютъ на дыбы и бѣшено машутъ ногами, дѣлая напрасныя усилія продолжать свой быстрый бѣгъ. «Берегись, берегись», продолжаетъ онъ кричать громкимъ голосомъ, «право!»; но отвѣта опять нѣтъ.

Мы совершенно останавливаемся и черезъ головы лошадей намъ видны низкія треугольныя деревянныя сани, всѣ устланныя соломой, во всю длину которыхъ лежитъ что-то, повидимому не одушевленное. Иванъ изо всѣхъ силъ ударяетъ десятокъ разъ своимъ кнутомъ,—который онъ, за исключеніемъ такихъ случаевъ, употребляетъ очень рѣдко,—по лежащему въ саняхъ предмету и послѣ этого предметъ просыпается и оказывается челоуѣческимъ существомъ.

Это и есть то существо, съ которымъ мы хотимъ познакомиться,—русскій крестьянинъ. Мы видимъ передъ собою длинный овечій полушубокъ, нѣкогда бывшій желтовато-коричневаго цвѣта, а теперь блестящій грязно-бурый, смятый и сморщенный отъ времени и покрытый слоемъ лоснящейся грязи, посрединѣ опоясанный веревкой; пару громадныхъ ступней и ногъ, одѣтыхъ

въ объемистые войлочные сапоги, съ полосами кожи въ качествѣ подошвъ; высокую остроконечную пирамидальную шапку изъ овчины, изъ-подъ краевъ которой мѣстами выступаютъ пряди нечесанныхъ лохматыхъ волосъ; ниже видны красновато-желтая борода, пара бессмысленныхъ мутныхъ глазъ и кончикъ широко расплоснутого носа. Это и есть тотъ крестьянинъ, съ которымъ мы хотимъ познакомиться.

Нарисуйте въ вашемъ воображеніи описанную нами картину и вы будете имѣть передъ вашимъ умственнымъ взоромъ точный портретъ крестьянина, какимъ онъ бываетъ въ продолженіе большей части года, т. е. въ продолженіе семи длинныхъ зимнихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, примыкающихъ къ этому періоду; дѣйствительно, крестьянинъ смотритъ на лѣто какъ на временный перерывъ, какъ на нѣ-котораго рода ошибку природы; на лѣтнее время онъ выходитъ изъ своей слишкомъ теплой одежды только вслѣдствіе физической невозможности переносить жару и съ большой радостью торопится опять закутаться въ нее по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до того, какъ это сдѣлается необходимымъ; онъ освобождаетъ свое тѣло отъ соприкосновенія съ этой невыразимо грязной и вонючей одеждой только послѣ того, какъ весеннее солнце въ четыре недѣли сгонитъ снѣгъ.

Таковъ крестьянинъ, сонъ котораго мы нару-

шили. Онъ не слышитъ рѣчи, не видитъ того, что дѣлается; онъ неспособенъ наблюдать, неспособенъ понять что нибудь; его мозги никогда не работаютъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ натывается на какое нибудь неожиданное препятствіе; онъ просто *дѣлаетъ*, дѣлаетъ, подобно вьючному животному, не понимая ни зачѣмъ, ни почему, не спрашивая и не ожидая быть спрошеннымъ, ничего не зная и не ощущая потребности что либо знать; не обращая ни на что вниманія, онъ лежитъ, растянувшись во всю длину, на своихъ топорныхъ деревянныхъ, нагруженныхъ дровами саяхъ, въ которыя запряжено изнуренное подобіе лошади. Давно измученный гнетущей тяжестью жизни, онъ плетется по снѣгу несмотря никуда, съ опущенной головой, дремлющій, спящій, равнодушный ко всему, что онъ видитъ и слышитъ, къ вѣтрамъ и къ погодѣ,—овечья шкура снаружи, овечьи мозги внутри.

Но развѣ это типъ русскаго крестьянина? спросятъ меня. Да,—это типъ, и если откинуть извѣстное разнообразіе лицъ, діалектовъ и обычаевъ, встрѣчающееся на всемъ протяженіи современной Россійской имперіи, то это типъ *par excellence*.

Но какія же хорошія стороны имѣетъ это несчастное созданіе? Въ немъ очень много простоты, прямодушія, довѣрчивости, готовности повиноваться тому, кого онъ дѣйствительно считаетъ

авторитетомъ, и все это соединено съ природной хитростью, порожденной самымъ его невѣжествомъ и поддерживаемой инстинктомъ самосохраненія, который къ сожалѣнію слишкомъ часто совершенно сбиваетъ съ толку его убогій разумъ; эта хитрость многими поверхностными наблюдателями принималась за настоящее умственное развитіе. Но послѣднее въ высшей степени ошибочно. Его умъ совершенно неразвитъ.

Мои обширныя сношенія съ русскими крестьянами убѣдили меня, что что бы ни крылось въ этой покрытой взлохмаченными волосами головѣ, до сихъ поръ она продолжаетъ оставаться залежью, разработка которой еще не начиналась. Тамъ кроется богатство, ожидающее эксплоатаціи посредствомъ широкихъ либеральныхъ мѣръ къ распространенію образованія, которыя будутъ приняты просвѣщеннымъ правительствомъ будущаго, но до этого онъ долженъ проснуться самъ; онъ самъ долженъ дать первую искру; міръ можетъ сколько нибудь точно судить о томъ, скрыто ли что нибудь подъ этимъ кажущимся безконечно толстымъ черепомъ, въ который ничего не входитъ и изъ котораго никогда не выходитъ ничего связнаго, только тогда, когда онъ увидитъ давно ожидаемыя усилія съ его стороны. Я говорю о русскомъ крестьянинѣ вообще, объ обычныхъ заурядныхъ типахъ, а не объ исключеніяхъ. Между 100.000,000 крестьянъ много и такихъ, которые не подходятъ подъ мое описаніе; было бы чудомъ,

если бы между этими миллионами *не было* нѣсколькихъ исключеній, но эти исключенія относительно немногочисленны, разбросаны по отдаленнымъ одна отъ другой мѣстностямъ и сравнительно незначительны какъ капли въ морѣ. Объ этихъ исключеніяхъ мѣръ и слышитъ, что они ведутъ политическую агитацію въ деревняхъ, принимаютъ участіе въ организации дѣльныхъ собраний, на которыхъ разумно обсуждаются вопросы о правахъ человѣка, о положеніи страны, о нуждахъ крестьянства; эти исключенія избираются и въ уполномоченные на избирательныя собранія для выбора членовъ въ Государственную Думу, а въ настоящее время и въ члены самой Думы; благодаря этимъ изолированнымъ фактамъ, непосвященные въ русскія дѣла, и въ особенности незнакомые съ русскимъ крестьянствомъ, и получаютъ впечатлѣніе, что типы, которые можно встрѣтить на вышеупомянутыхъ собраніяхъ или въ Думѣ и являются обычными типами русскаго крестьянскаго класса. Трудно придумать болѣе грубую ошибку. Настоящій крестьянинъ некультуренъ, необразованъ, не знаетъ самыхъ элементарныхъ вещей, которыя въ другихъ странахъ Запада и Востока извѣстны малымъ дѣтямъ, неспособенъ мыслить и погрязъ въ тинѣ грубости и безнадёжнаго индифферентизма.

Въ моихъ поѣздкахъ по западнымъ округамъ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, мнѣ лично пришлось оказать медицин-

*

скую помощь 1.300 человѣкамъ крестьянъ; врачуя ихъ тѣла, я тщательно наблюдалъ состояніе ихъ умственного развитія. Изъ этихъ 1.300 человѣкъ, въ составъ которыхъ входили русскіе, литовцы и поляки, только 80 человѣкъ, т. е. 6⁰/₁₀₀, могли кое-какъ читать и писать; но откинувъ поляковъ и литовцевъ, я нашелъ, что между настоящими русскими крестьянами читать и писать могли только 2⁰/₁₀₀.

Мои прошлогоднія изслѣдованія въ центральной Россіи, въ Орловской губерніи, дали нѣсколько болѣе благоприятный процентъ. Здѣсь я нашелъ, что въ среднемъ изъ ста человѣкъ читать и писать могли 4, но распредѣленіе этихъ ученыхъ людей было въ высшей степени неравномѣрнымъ. Иногда приходилось встрѣчать деревню, имѣющую отъ 700 до 2.000 жителей, изъ которыхъ 10⁰/₁₀₀ могли читать газету, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, спрашивая о грамотности населенія у такихъ лицъ, какъ у священника, у деревенскаго лавочника, и у самихъ крестьянъ, къ моему удивленію я получалъ отвѣтъ: «Здѣсь ни одинъ человѣкъ не умѣетъ читать и писать», и это было въ деревняхъ, имѣющихъ 500—2.500 душъ населенія! Причины этого печальнаго, почти невѣроятнаго невѣжества найти не трудно и я упомяну о нихъ въ послѣдней части этого небольшого труда. Здѣсь я хочу только сказать, что русскія правительства прошедшаго времени и тѣ, которые въ прошедшемъ держали въ своихъ рукахъ скипетръ

Россіи, заслуживаютъ порицанія,—самого серьезнаго порицанія.

Но гдѣ же проходитъ жизнь крестьянина?

Прикрывъ рукой глаза отъ ослѣпительнаго блеска снѣга, присмотритесь къ расположеннымъ неподалеку, у замерзшаго озера, холмикамъ и вы замѣтите кучку бѣлыхъ пятенъ, выдѣляющихся на еще болѣе бѣломъ фонѣ, который тянется однообразной пеленой такъ далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ, и еще дальше, за чертой снѣжной линіи горизонта, по всей необъятной Россіи. Если вамъ удастся разсмотрѣть то, что находится подъ этими бѣлыми покрывальцами, вы откроете, что эта кучка безпорядочно разбросанныхъ небольшихъ пятенъ есть ни что иное, какъ масса полуразвалившихся деревянныхъ домовъ. Только нѣсколько темныхъ, непокрытыхъ снѣгомъ бревенъ на сторонахъ отдѣльныхъ избъ, да мѣстами выходящая струйки синяго дыма и показываютъ, что эта имѣющая унылый видъ бѣлая масса, погребенная подъ снѣгомъ и одиноко выдерживающая носящіеся по пустынѣ зимніе вѣтры, на самомъ дѣлѣ есть группа человѣческихъ жилищъ. Тамъ же, поднимаясь надъ низкими крышами, блеститъ на солнцѣ золотой шаръ, увѣнчанный крестомъ и полумѣсяцемъ; подъ нимъ видна имѣющая голубую крышу церковь, эмблема той религіи, служители которой почти въ такой же сильной степени

отвѣтственны за настоящее положеніе крестьянъ, какъ и само правительство.

Заговоримъ съ однимъ изъ жителей этого села, идущаго по направленію къ нему, и посѣтимъ съ нимъ его домъ. Онъ оборачивается, смотритъ на насъ съ раскрытымъ ртомъ и въ отвѣтъ на наши привѣтствія говоритъ намъ «здравствуйте», снимая въ то же время шапку съ своей лохматой головы и несмотря на ужасный холодъ, съ полминуты держа ее въ рукахъ; его лицо самое обыкновенное лицо русскаго крестьянина,—низкій, широкій, изборожденный глубокими горизонтальными морщинами лобъ, большой расширяющійся къ ноздрямъ и однако въ общемъ красивый носъ, большой грубый ротъ съ толстыми губами, прикрытый спутанными красноватыми волосами бороды и усовъ. «Здравствуйте», говоритъ онъ, и въ отвѣтъ на нашу просьбу въ высшей степени ласково предлагаетъ намъ отправиться съ нимъ въ его домъ.

Жители другихъ, болѣе счастливыхъ, странъ, въ которыхъ благодаря, цивилизаци и распространенію образованія, труженики земли и населеніе городовъ и поселковъ сравнительно окружены настоящей роскошью, увидятъ нѣчто для нихъ совершенно новое, если они посѣтятъ одну изъ этихъ деревень, въ особенности зимою.

Многие съ содроганіемъ вернутся назадъ сейчасъ же какъ только они приблизятся къ русской де-

ревнѣ на такое разстояние, на которое распространяется испускаемый ею запахъ; но найдется много и такихъ, которые искренно интересуются участіемъ бѣдняковъ, и этихъ послѣднихъ я попрошу теперь идти со мною. Мы постараемся насколько возможно полнѣе познакомиться съ повседневной жизнью русскаго крестьянина, этой почти средневѣковой личности.

Испытывая сильнѣйшую тряску, мы подвигаемся по узкой, покрытой снѣгомъ и заѣзженной санями дорогѣ, ведущей въ село; одна изъ особенностей русскихъ дорогъ по которымъ бываетъ много ѣзды, состоитъ въ томъ, что онѣ покрыты множествомъ глубокихъ рытвинъ и ухабовъ. Для непосвященнаго причина этого можетъ показаться нѣсколько загадочной, но въ дѣйствительности явленіе объясняется очень просто. Еще до выпада снѣга, дорога мѣстами бываетъ покрыта незначительными углубленіями; затѣмъ выпадаетъ снѣгъ, по дорогѣ начинается непрерывное движеніе широкихъ плоскихъ крестьянскихъ саней и, по мѣрѣ того, какъ снѣга дѣлается больше, эти ухабы углубляются. Рѣзкій пересѣкающій дорогу вѣтеръ довершаетъ дѣло и обыкновенно нѣсколько дней спустя послѣ того какъ выпадетъ снѣгъ, появляется непрерывный рядъ этихъ ухабовъ, благодаря которымъ хорошо заѣзженная проселочная дорога превращается въ рядъ подъёмовъ и спусковъ.

По одной изъ такихъ дорогъ мы теперь и

движемся при яркомъ сіяніи солнца, и въ ложбинѣ, между холмовъ, намъ ясно видны крыши села, въ которое мы направляемся. Первое, что во всякомъ русскомъ селѣ поражаетъ глазъ путешественника, это золотой куполъ сельской церкви, видъ которой наводитъ на размышленія, заставляемъ дѣлать сравненія. При видѣ этого блестящаго красиваго зданія, возвышающагося посреди самага невѣроятнаго убожества, въ умѣ невольно возникаетъ вопросъ: къ чему же оно здѣсь? Какая польза этимъ несчастнымъ существамъ отъ того, что они видятъ эту блестящую драгоценность, отъ которой они не могутъ получить даже пищи для ихъ голодныхъ дѣтей, не говоря уже объ удовлетвореніи ихъ религіозныхъ потребностей? Какая, по вашему мнѣнію, польза этимъ несчастнымъ бѣднякамъ отъ того, что они видятъ эту пышную внѣшность, отъ того, что имъ говорятъ, что это эмблема Церкви и Божій домъ, когда, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ селахъ, они часто могутъ видѣть служителя Бога такимъ же пьянымъ, какъ послѣдній изъ его прихожанъ, или же позволяющимъ себѣ позорное барышничество, по нашимъ понятіямъ, собственное только отбросамъ населенія Лондона и континентальныхъ большихъ городовъ?

Внутренность этихъ зданій, предназначенныхъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ, для благочестивыхъ размышленій или для принятія духовной пищи, обманчива еще болѣе. Все бле-

ститъ, все полно таинственности, все разсчитано, и было намѣренно разсчитано духовенствомъ прошедшихъ вѣковъ, на то, чтобы породить въ простомъ умѣ крестьянина не столько благочестіе, сколько суевѣріе и страхъ. Все, какъ снаружи такъ и внутри, только показная пышность. Интеллигентнаго крестьянина, который вошелъ бы въ это блестящее зданіе съ надеждой найти душевное успокоеніе, можно было бы сравнить съ умирающимъ отъ голода ребенкомъ, стоящимъ передъ большимъ гастрономическимъ магазиномъ, на роскошныя яства котораго онъ можетъ только смотрѣть. Нѣчто подобное представляетъ собою и русская церковь. Запахъ ладана, необыкновенно большое количество золотыхъ иконъ, обиліе украшеній, все это подобно сахару на богатомъ пирогѣ, все это восхищаетъ умъ, но оставляетъ неудовлетворенной душу. Эти зданія, являющіяся живописными дополненіями ландшафта, представляютъ собой матеріальныя воплощенія русской православной Церкви, служители, которой вмѣстѣ съ бюрократіей сдѣлали больше, чѣмъ кто либо другой, для деградациі несчастнаго крестьянина. Блескъ снаружи, блескъ внутри и ничего болѣе.

Но вотъ мы въѣзжаемъ въ самое село; по обѣимъ сторонамъ покрытой снѣжными ухабами дороги, насколько хватаетъ глазъ, стоятъ, образуя собою зигзагообразныя линіи, два ряда полуразрушенныхъ, кособокихъ, деревянныхъ лагугъ. Эти постройки расположены совершенно

безъ плана. Каждый построилъ свою избу гдѣ и какъ ему нравится, поставилъ ее такъ или иначе: фасады зданій обращены то на востокъ, то на западъ, то куда нибудь еще; самыя зданія, повидимому, поставлены безъ какого либо плана, безъ какой нибудь руководящей мысли.

Многіе изъ моихъ читателей навѣрно видали ирландскія хижины; послѣднія во многихъ отношеніяхъ лучше русскихъ избъ. Такъ напри- мѣръ, ирландская хижина по крайней мѣрѣ снабжена такой роскошью, какъ дымовая труба; но вы напрасно стали бы искать дымовыхъ трубъ въ полуразвалившихся избахъ многихъ русскихъ деревень и селъ, и село, которое мы готовимся посѣтить, не является исключеніемъ изъ этого правила. Трубы есть на сельской вин- ной лавкѣ, на домѣ священника; быть можетъ вы найдете еще одну или двѣ на болѣе изыскан- ныхъ домахъ сельскаго старосты, господина, кото- рый обыкновенно, если ему дать достаточно времени, сумѣетъ написать нѣсколько словъ, быть можетъ слышалъ о существованіи другихъ странъ, кромѣ Россіи, и, можетъ быть, полусознательно интере- суется въ такъ называемыхъ «выборахъ» въ учре- жденіе, носящее ужасно импонирующее названіе— Государственная Дума. На избахъ такихъ дере- венскихъ интеллигентовъ, какъ эти, вы можете видѣть дымовыя трубы, но вы напрасно стали бы искать ихъ на другихъ избахъ. Правда, въ сто- ронѣ отъ деревни вы увидите каменный домъ,

построенный совершенно также, какъ построены многія виллы въ пригородахъ Лондона, но это жилище помѣщика, землевладѣльца, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Теперь намъ нужно посѣтить домъ крестьянина, того крестьянина, котораго мы время отъ времени видимъ за небольшими, приблизительно въ квадратный футъ, стеклами оконъ, смотрящимъ на насъ когда мы ѣдемъ по главной и единственной улицѣ села, слѣдуя за нашимъ новымъ знакомымъ. Послѣдній, наконецъ, останавливается передъ крытымъ соломой полуразрушеннымъ, занесеннымъ снѣгомъ строеніемъ, и говоритъ: «пожалуйста господа» такимъ голосомъ и съ такимъ видомъ, въ которыхъ мы замѣчаемъ почти отгѣнокъ гордости, и движеніемъ руки показываетъ намъ, что это его домъ, который онъ проситъ насъ посѣтить.

Большіе камни и глыбы земли, расположенные безъ какой либо претензіи на красоту, образуютъ высокій фундаментъ, на которомъ лежатъ длинныя деревянныя доски, образующія полъ жилья. Стѣны сдѣланы изъ положенныхъ одно на другое бревенъ, такъ что каждое бревно вложено въ полукруглую вырѣзку, сдѣланную въ лежащемъ подъ нимъ бревнѣ. Промежутки между бревнами забиты паклей и мхомъ. Крыша сдѣлана изъ досокъ и очень дурно покрыта соломой; но на большинствѣ избъ соломы нѣтъ совсѣмъ, такъ какъ эта солома нужна на кормъ скоту и по-

тому постепенно исчезаетъ съ крышъ. Деревянная постройка возвышается приблизительно на восемь футовъ надъ зѣмлей и занимаетъ площадь въ 14—20 квадратныхъ футовъ, больше или меньше въ зависимости отъ того, имѣетъ ли лачуга двѣ комнаты или одну.

Мы остаемся наружи, съ удивленіемъ смотря на жилье, когда нашъ знакомый опять проситъ насъ войти; мы готовы сдѣлать это и воображеніе уже рисуетъ намъ картину того, что должно представлять собою внутренность такой постройки. Читатель, вы можете дать полную волю вашему воображенію, чтобы оно нарисовало вамъ картину крайней степени нищеты и связанной съ нею грязи, но вы все-таки никогда не получите вѣрнаго представленія о внутренности избы русскаго крестьянина. Я постараюсь описать послѣднюю, но чувствую, что не буду въ состояніи дать вамъ вѣрнаго изображенія ея. Для того, чтобы получить вѣрное и неизгладимое представленіе объ этихъ худшихъ изъ лачугъ, въ которыхъ живутъ человѣческія существа бѣлой расы, и къ тому же европейцы, необходимо посѣтить ихъ самому. Вотъ дверь,—массивный кусокъ дерева въ четыре фута вышиной, на верхней сторонѣ котораго прикрѣпленъ толстый брусъ; ручкой служитъ треугольный кусокъ желѣза. Отворивъ эту дверь, мы переступаемъ черезъ порогъ, низко наклоняясь изъ боязни разбить черепа о косолежащее бревно, образующее

сводъ надъ входомъ. Дверь за нами шумно за-
творяется и мы чувствуемъ себя какъ мышь,
попавшая въ ловушку,—наши ноги по ступню
погружаются въ мягкую жирную грязь, напоми-
нающую о скотномъ дворѣ, тогда какъ совер-
шенная темнота заставляетъ насъ остановиться:
мы боимся, что съ этой навозной кучи мы по-
падемъ въ какую нибудь канаву для стока не-
чистотъ. Мы слышимъ шуршаніе крыльевъ ле-
тающихъ надъ нами птицъ и на наши раскрытыя
головы сыплется ихъ пометъ. Мимо нашихъ
ногъ пробѣгаетъ сломя голову какое-то живот-
ное и послѣ нѣкотораго размышленія мы дога-
дываемся, что это была свинья; другіе экземпляры
той же породы, перепуганный козелъ и еще бо-
лѣе перепуганныя куры мечутся во всѣ стороны,
напрасно стараясь скрыться отъ людей, которые,
какъ имъ кажется, преслѣдуютъ ихъ. Наконецъ
наши глаза привыкаютъ къ густой темнотѣ и
мы начинаемъ различать стоящую въ углу кадку
и прикрѣпленныя къ потолку жерди, на кото-
рыхъ обыкновенно сидятъ встревоженные нами
куры. Мѣстами видны слабо отражающія свѣтъ
лужи невыразимо зловонной грязи. Нашъ зна-
комый крестьянинъ проситъ насъ быть осторож-
нѣе, чтобы не ступить въ нихъ, но намъ не
нужно предостереженій; послѣ того какъ мы
испытали прелести *entrée* намъ кажется, что мы
уже знаемъ, чего можно ожидать дальше. По
свойственному людямъ тщеславію, мы уже гор-

димся тѣмъ, что бравировали таинственные ужасы крестьянской лачуги и льстимъ себя надеждой, что худшее уже миновало.

Но подождите!—та дверь въ стѣнѣ, повидимому, ведетъ въ другую комнату, если это названіе можно приложить къ нездоровому логовищу, въ которомъ мы находились. Мы нѣсколько разъ пытаемся отворить эту массивную деревянную дверь, нѣсколько болѣе широкую чѣмъ та, черезъ которую мы вошли, но наши усилія остаются безплодными покуда извнутри намъ не оказываютъ помощь и дверь распахивается; насъ обдаетъ такой атмосферой,—клубами пара, пропитанного самыми невыразимыми запахами, что мы невольно нѣсколько отступаемъ въ темноту первой комнаты; сквозь отверстіе отворенной двери выходитъ струя перегрѣтаго, густого, испорченнаго воздуха, настолько невыразимо зловоннаго, что мы могли только съ ужасомъ раскрыть глаза и закрыть наши носы руками въ безполезномъ усиліи избавиться отъ дурнаго запаха. Мы ощущаемъ такое глубокое омерзеніе, насъ охватываетъ чувство такого отвращенія, что на одинъ моментъ мы теряемъ мужество, готовы вернуться. Но жребій брошенъ, самолюбіе противъ нашей воли толкаетъ насъ впередъ; собравъ всю нашу рѣшимость, мы въ полномъ смыслѣ слова прокладываемъ себѣ путь сквозь клубы вызывающаго тошноту пара и послѣ того, какъ за нами затворилась дверь, мы очутились въ полной паре норѣ, несравненно болѣе

вонючей, чѣмъ та, изъ которой мы только-что вышли. Мы оказались отгороженными отъ наружнаго воздуха, отъ свѣта,—въ полной темнотѣ,—въ обстановкѣ, въ которой, казалось бы, не могло жить человѣческое существо. Первоначально, густые клубы дыма и пара мѣшаютъ намъ различить что либо, но постепенно, по мѣрѣ того, какъ наши глаза привыкаютъ къ неестественной обстановкѣ, мы начинаемъ видѣть помещеніе, въ которое привело насъ наше любопытство.

Сквозь клубы удушливаго нездороваго тумана мы различаемъ большую бѣлую каменную массу, занимающую треть небольшой комнаты и поднимающуюся футовъ на пять надъ поломъ. Это печь, которая необходима крестьянину. Отъ нея поднимается свинцовая (?) труба, которая вскорѣ перегибается подъ прямымъ угломъ, идетъ параллельно потолку, и выходитъ въ отверстіе надъ дверью; по этой трубѣ дымъ можетъ быть выпускаемъ въ переднюю комнату, когда находятъ нужнымъ сдѣлать это. Отверстіе въ трубѣ, закрываемое, когда это нужно, свинцовой (?) заслонкой, позволяетъ выпускать дымъ въ эту главную комнату русской избы, которая такимъ образомъ наполняется пріятнымъ тепломъ. Выше мы говорили, что въ обыкновенныхъ избахъ нѣтъ дымовыхъ трубъ. Дымъ выпускается внутри строенія и несчастные обитатели послѣдняго не только подобно свиньямъ дышать зачумленнымъ воздухомъ, полнымъ запаховъ свойственныхъ вы-

дѣленіямъ людей и животныхъ,—такъ какъ здѣсь лежить свинья и, кромѣ того, видны нѣсколько куръ!—но временами дѣйствительно пользуются имъ какъ паровой баней. Крестьянину милъ этотъ наполненный парами воздухъ,—онъ выросъ въ такой атмосферѣ; она для него то же, что легкіе вѣтры, дующіе по горамъ и долинамъ Шотландіи, для крѣпкихъ жителей этой страны; безъ нея онъ потерянь. Паръ возбуждаетъ въ немъ чувство пріятнаго комфорта. Про русскаго крестьянина безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что свое до тошноты вонючее жилище онъ любитъ больше, чѣмъ безграничный просторъ свѣжаго воздуха наружи. Онъ какъ бы сросся съ своей пропитанной грязью избой.

Печь, кромѣ того что она доставляетъ паръ и тепло, служить и для приготовленія пищи; въ ней готовится вся пища, въ ней же хранится все, что должно держаться въ теплѣ. Далѣе, она служить общей постелью для семейства, такъ какъ на ней по ночамъ, а иногда и въ долгіе зимніе дни, спятъ мужчины, женщины, и дѣти,—столько человѣкъ, сколько могутъ умѣститься на ея широкой удобной поверхности. Здѣсь спятъ мужъ и жена, братъ и сестра, а нерѣдко сынъ хозяина, женившись, приводитъ на ту же печь и свою жену, гдѣ она занимаетъ мѣсто между своими новыми родственниками, и такимъ образомъ перенаселенная изба принимаетъ въ себя еще одно человѣческое существо. Свиньи, ягнята, куры,—

все это лежитъ гдѣ можетъ и все это кишить различными паразитами, на которыхъ крестьянинъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Привычка сдѣлала его нечувствительнымъ къ ихъ укусамъ и отвратительныя насѣкомыя живутъ ни кѣмъ не тревожимыя. Притока свѣжаго воздуха нѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ входитъ черезъ наружную дверь и профильтровывается черезъ сравнительно чистую атмосферу первой комнаты.

Маленькое, имѣющее 12 — 14 квадратныхъ дюймовъ, стекло служить окномъ, которое не отворяется и настолько мало, что очень слабо освѣщаетъ помещеніе; въ этомъ полусвѣтѣ можно различить составныя части убогой обстановки,— ушатъ, столъ, скамью и нѣсколько деревянныхъ и желѣзныхъ кухонныхъ принадлежностей. Другихъ источниковъ свѣта нѣтъ. Такимъ образомъ, живущіе здѣсь несчастныя созданія лишены свѣта и воздуха, этихъ необходимыхъ условій человѣческаго существованія, опрятности, нравственности. День и ночь, изъ года въ годъ, отецъ, мать, братъ, сестра, маленькія дѣти остаются скученными въ смирномъ логовищѣ, которое представляетъ собою эта спальная, гостиная и рабочая комната русской избы, остаются въ немъ безъ воздуха, безъ Божьяго свѣта, незнающіе даже о существованіи Бога, какъ мы понимаемъ его. Правда, въ каждой избѣ, въ углу противъ двери, мы найдемъ икону,—полухудожественное изображеніе въ по-

ловину роста Божьей Матери; все изображеніе, за исключеніемъ лица и рукъ, обыкновенно покрыто какимъ нибудь металломъ, чаще всего оловомъ. Это эмблема ихъ религіи, религіи, которая воздѣйствуетъ скорѣе посредствомъ страха, чѣмъ черезъ любовь. Для этихъ людей религія сводится къ суевѣріямъ; къ этому вопросу я еще вернусь ниже, но и сказаннаго довольно, чтобы показать, что при томъ состояніи, въ которомъ находятся эти люди, было бы чудомъ, если бы они сохранили духовную чистоту, если бы они были нравственными. Дѣйствительно, развѣ нравственность можетъ ужиться въ такой грязной обстановкѣ? Какъ могли они придти къ благоговѣнію передъ Божьимъ милосердіемъ, когда суевѣріе есть все, чему они могли научиться отъ своихъ священниковъ, которые, до послѣдняго времени, почти всѣ безъ исключенія сами позорили носимое ими платье и были образцами безнравственности? Откуда могли крестьяне научиться почитать Природу и величіе Творца, когда въ теченіе вѣковъ они прозябали въ своихъ грязныхъ домахъ, не видя и тѣни заботы со стороны власть имѣющихъ о томъ, чтобы образовать и просвѣтить ихъ, и до 1861 г., года освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, подвергались такой тиранніи, другого примѣра которой нѣтъ въ исторіи міра? Я говорю до 1861 г., но не было бы большой ошибкой сказать до 1907 г., такъ какъ усилія бюрократическаго режима до сихъ поръ постоянно направлены къ

тому, чтобы ставить помѣхи просвѣщенію крестьянъ и эти усилія очень умѣло поддерживаются жестокой полиціей, еще болѣе жестокой военной силой и last, but not least, — духовенствомъ. Потому я полагаю, что если обращеніе съ крестьянами и улучшилось со времени царствованія Екатерины Второй, то оно улучшилось мало. А при такихъ условіяхъ, что же удивительнаго въ томъ, что крестьянинъ находится въ такомъ положеніи? что удивительнаго въ томъ, что онъ живетъ въ такой избѣ? какъ удивляться всему, что мы знаемъ о немъ и о его жалкомъ существованіи? Въ настоящее время онъ только «существуетъ» и продолжаетъ влечить свое существованіе въ полуразвалившейся избѣ, которую мы описали.

Но избы въ различныхъ областяхъ страны бываютъ различны. На сѣверѣ, гдѣ почва дурна, но гдѣ много дерева, изба по необходимости строится изъ дерева. На югѣ, гдѣ почва лучше, но гдѣ дерева мало, матеріаломъ служитъ камень; здѣсь и встрѣчаются лучшія избы. Но въ центрѣ Россіи, гдѣ находится богатый черноземъ, лучшая почва въ мірѣ, нѣтъ ни дерева, ни камня; мѣстность представляетъ собою обширную сплошную степь. Здѣсь избы строятся изъ тонкаго дерева, которое приходится привозить изъ далека, и кроются главнымъ образомъ соломой; все остальное: помѣщенія для скота, сараи и т. д. дѣлается изъ соломы.

*

Но и одна и та же изба имѣетъ различный видъ, въ зависимости отъ того, смотримъ ли мы на нее осенью или весною. Осенью избы вновь покрываются соломой и имѣютъ если и не роскошный, то все же щеголеватый и опрятный видъ; но что же остается дѣлать крестьянину весною, послѣ испытаній ужасной зимы, когда рожь уже давно свезена на рынокъ, а что осталось отъ нея пошло на уплату податей, когда уже нѣтъ болѣе сѣна и животныя отошали до того, что стали похожи на скелеты? Единственный выходъ, — снять съ крыши солому и дать ее несчастной, умирающей съ голода скотинѣ.

Въ то время, когда въ избѣ есть больной, она дѣлается еще болѣе невыносимой, чѣмъ я это описалъ. Во время моего путешествія я обыкновенно имѣлъ при себѣ запасъ лѣкарствъ, для того чтобы давать ихъ больнымъ или голодающимъ крестьянамъ, и та степень нищеты, которая представлялась моимъ глазамъ, если бы я могъ описать ее, заставила бы заплакать камень. Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собою голодъ почти безпримѣрныхъ размѣровъ; теперь время къ тому чтобы филантропы, люди со средствами, почувствовали состраданіе, развязали свои кошельки и пришли на помощь.

Позвольте мнѣ цитировать письмо одного русскаго, г. Шишкина, появившееся нѣсколько дней тому назадъ въ Times'ѣ. Онъ пишетъ:

„Сотни тысячъ людей находятся на краю голодной смерти; цынга и тифъ, эти два неизбежные спутника голода, начинаютъ свое разрушительное дѣло. Больше чѣмъ въ 25 губерніяхъ урожай былъ ниже средняго, а въ восьми или десяти изъ нихъ дѣйствительно не было собрано ничего. Напримѣръ въ нашей обширной Самарской губерніи, въ 1906 г. въ среднемъ было собрано менѣе 100 фунтовъ съ акра, т. е. менѣе половины посѣяннаго количества. И на этотъ урожай въ теченіе года должны жить 3.000.000 человѣкъ! Ужасная засуха, приведшая къ такимъ результатамъ, въ то же время погубила почти всю траву и вредно повліяла на ростъ даже этого незначительнаго количества хлѣбовъ, такъ что у нашихъ крестьянъ нѣтъ ни сѣна, ни соломы. Люди не только должны голодать, но они въ то же время видятъ, какъ быстро гибнетъ ихъ единственная надежда на будущее, ихъ рабочій скотъ. За послѣдніе два мѣсяца, въ одной только этой губерніи было убито или погибло болѣе 200.000 лошадей и 85.000 молочныхъ коровъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ убыль доходитъ до 20—34%. Въ состояніи ли англійскій читатель представить себѣ, какъ можетъ жить семейство изъ восьми человѣкъ, изъ которыхъ пять взрослыхъ, въ теченіе цѣлаго года менѣе чѣмъ на одинъ шиллингъ въ день? А между тѣмъ такова средняя стоимость пищи нашего крестьянина въ тѣ года, когда урожай бываетъ хорошимъ. Но въ года подобные настоящему, жизнь крестьянина становится очень горькой не только вслѣдствіе недостатка пищи: ему приходится страдать и отъ всѣхъ послѣдствій крайняго разоренія. Голодь заставляетъ его продавать все свое имущество,—свою теплую одежду, свои орудія, свой послѣдній скотъ, иногда и свою избу, но очень часто свой будущій урожай и свой трудъ. Хозяйственныя постройки, — помѣщенія для скота, пустые амбары,—все идетъ на топливо во время су-

ровыхъ морозовъ русской зимы, такъ какъ если нѣтъ денегъ на пищу, то не на что купить и топлива. Нерѣдко два или три семейства скучиваются въ одной избѣ, на какихъ нибудь 20 квадратныхъ футахъ, и разоряютъ другія избы, для того чтобы топить одну оставшуюся печь. Нужно видѣть все это, для того чтобы понять, что можетъ вытерпѣть человекъ прежде чѣмъ отказаться отъ мучительной борьбы за существованіе».

«Несчастные крестьяне, продавъ все, что можетъ быть продано, пытаются увеличить имѣющійся у нихъ запасъ ржаной муки или проса, примѣшивая къ этому всевозможные съѣдобные но бесполезные ингредиенты,—отруби, семена травъ, мякину и даже солому. Этой осенью тысячи людей въ продолженіе цѣлыхъ недѣль питались желудями, которые поджаривались, растирались съ небольшимъ количествомъ ржи или пшеницы и употреблялись въ пищу или въ видѣ похлѣбки, или испеченными въ черные твердые сухари. Часто, для того чтобы увеличить количество этой ужасной пищи, къ блюду прибавлялась скорлупа отъ желудей. Я сильно сомнѣваюсь, стало ли бы ѣсть эту пищу какое нибудь животное, а между тѣмъ она давалась въ небольшихъ количествахъ даже слабымъ дѣтямъ. Последнее средство, къ которому прибѣгали голодающіе, состояло въ томъ, что они лежали день и ночь безъ движенія, такъ какъ каждое движеніе обостряло муки голода. Неудивительно, что послѣ одного, двухъ мѣсяцевъ такого питанія, началась эпидемія тифа и цынги».

Такъ пишетъ г. Шишкинъ и я могу подтвердить на основаніи личнаго опыта, что каждое слово этого печальнаго разсказа—правда. Я приведу только одинъ печальный примѣръ, выб-

ранный изъ безчисленнаго количества подобныхъ ему.

Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ дѣйствительно наступила зима, я узналъ, что въ одной деревнѣ начинался голодъ и распространялась цынга. Я отправился туда на своихъ саняхъ, для того чтобы посмотреть, чѣмъ можно помочь. Деревня оказалась жалкой кучкой лачугъ, стоящихъ посреди болота, образовавшагося изъ полурастаявшаго снѣга и толстаго слоя грязи. На одномъ изъ самыхъ грязныхъ мѣстъ расположено полуразвалившееся строеніе, кое-какъ покрытое досками и лишенное нѣкогда украшавшей ее крышу соломъ. Дымовой трубы не было.

Въ это жилище вела небольшая деревянная дверь для того чтобы приблизиться къ которой, нужно было пройти по достигающей до колѣнъ грязи, и которая была такъ низка, что пройти въ нее можно было только низко нагнувшись. Внутренность избы, какъ и всегда, была наполнена густыми клубами вонючаго пара. На соломѣ, разостланной на деревянной скамейкѣ, лежала несчастная изнуренная дѣвушка лѣтъ семнадцати, полуодѣтая и невыразимо грязная; насѣкомыя совершенно свободно ползали по ея тѣлу и членамъ, и къ моему ужасу я замѣтилъ кучи большихъ мухъ, толкающихъ одна другую въ ихъ усиліяхъ присосаться къ мѣстамъ, укушеннымъ отвратительными паразитами. Ея чахоточныя щеки и впалые глаза, вмѣстѣ съ удушливомъ кацдемъ, не оставляли никакого сомнѣнія

въ ея положеніи: дѣвушка умирала отъ чахотки, которой предшествовали голоданіе и цынга. Нѣсколько выше, на самой печи, находились грудной ребенокъ и дитя трехъ-четырехъ лѣтъ, завернутые въ грязныя тряпки, а непосредственно надъ ними сидѣла пара куръ. На полу, не далѣе какъ въ трехъ футахъ отъ умирающей дѣвушки, на смѣшанной съ навозомъ грязной соломѣ лежалъ молодой теленокъ; на перекладинахъ тонкой крыши сидѣли еще нѣсколько куръ.

Но это не все. Въ другомъ углу комнаты лежалъ парень, тоже умирающій отъ голоданія, жертва тифа и цынги; его лицо было худо и блѣдно, его десны размякли; при малѣйшемъ прикосновеніи онѣ болѣли и изъ нихъ сочилась кровь; его зубы свободно качались въ своихъ ямкахъ; онъ не могъ ѣсть чего либо твердаго, даже если бы ему дали такой пищи, и отъ слабости не могъ ни говорить, ни двигаться; его ноги распухли, а воспаленныя мѣста кожи причиняли самый сильный зудъ и боль; вслѣдствіе разрыва поверхностныхъ кровеносныхъ сосудовъ, кожа здѣсь имѣла черносиній цвѣтъ. Мѣстами растянутая кожа лопнула и такимъ образомъ возникли большія открытыя раны. Дыханіе молодого человѣка было невыразимо зловонно и, самое лучшее, чего ему можно было бы пожелать, такъ это скорѣйшаго освобожденія отъ его страданій въ этомъ мірѣ.

Кромѣ того, въ комнатѣ было еще шесть

болѣе или менѣе полураздѣтыхъ человѣческихъ существъ, три матери и три ребенка, всѣ въ высшей степени грязные и изнуренные, съ невыразимо спутанными волосами, склеенными выдѣленіями изъ невидимыхъ, вѣроятно, застарѣвшихъ ранокъ. Изъ опроса этихъ людей я узналъ, что ихъ кормилецъ-отецъ умеръ за свою родину въ Манчжуріи, и благодарное правительство такъ заботилось о нуждахъ его умирающихъ жены и дѣтей. Пищей имъ служила полужадовитая трава, растертая вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ ржаной муки, желудей и дубовой коры. Въ подобныхъ же условіяхъ жила вся деревня.

Что же дѣлало русское правительство для облегченія такихъ страданій? Оно допускало продажу изъ этихъ губерній хлѣба за границу и отрицало существованіе голода для всей Россіи. «Голодъ», говорили его представители, «голода нѣтъ; это—выборный маневръ революціонеровъ». Русское правительство *не хотѣло* знать о такомъ ужасномъ положеніи вещей въ центрѣ страны, такъ какъ, по его мнѣнію, весь хлѣбъ до послѣдняго золотника нужно было выслать за границу, для того чтобы этотъ годъ могъ фигурировать въ бюджетѣ какъ благополучный и чтобы Россія могла не только уплатить проценты по своимъ иностраннымъ займамъ, но и расположить другія страны къ соглашенію на заключеніе ею новыхъ займовъ. Такимъ образомъ, официально не было

голода, также какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, официально не было голода на юго-востокѣ Россіи.

«Запретите вывозъ хлѣба за границу», говорили гуманные люди. «Мы это сдѣлали», говорило русское правительство въ 1891 г. «но это не помогло»,—но оно не указывало на причину этого: вывозъ былъ запрещенъ *послѣ того, какъ послѣдній золотникъ хлѣба уже былъ отправленъ!*

Несмотря на то, что настоящій голодъ является самымъ распространеннымъ и самымъ ужаснымъ за послѣднее время, еще нѣсколько недѣль тому назадъ въ докладахъ мѣстныхъ губернаторовъ и другихъ чиновниковъ говорилось только о незначительномъ «мѣстномъ недородѣ» и далѣе, когда наконецъ выяснилась истинная природа бѣдствія и никакія сомнѣнія стали невозможны, то при расходованіи милліоновъ, предназначенныхъ на помощь страдающимъ крестьянамъ, не обошлось безъ злоупотребленій со стороны представителей испорченной бюрократіи.

Перейдемъ теперь отъ матеріальныхъ условій существованія живущаго въ своей избѣ во время здоровья и болѣзни крестьянина къ его характеру. Прежде всего я долженъ сказать, что онъ въ высшей степени безнравствененъ и лѣнивъ; онъ ничего такъ не желаетъ, какъ имѣть достаточное количество денегъ или запасовъ, съ которымъ онъ могъ бы устроить продолжительную попойку и побольше спать.

Безпримѣрная лѣность русскаго крестьянина, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ отчасти, обязана своимъ происхожденіемъ климату, благодаря которому снѣгъ мѣшаетъ ему работать въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году, который парализуетъ его усилія и сокращаетъ возможность приложить его трудъ. Далѣе, его лѣность, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ ужаснымъ невѣжествомъ, въ которомъ онъ коснѣетъ, и съ энергичными совмѣстными усиліями правительства и Церкви, дать ему необыкновенно большое число церковныхъ и свѣтскихъ праздниковъ, въ которые онъ не долженъ работать.

Когда крестьянинъ не работаетъ, онъ не знаетъ, что ему дѣлать, кромѣ какъ спать, и съ удовольствіемъ спитъ во всякое время и гдѣ бы то ни было. Заурядный крестьянинъ не можетъ заняться ни чтеніемъ, ни письмомъ. По моимъ собственнымъ вычисленіямъ оказывается, что въ Западной Россіи нѣсколько читать и писать могутъ два процента, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Центральной Россіи—четыре проц. Но, кромѣ того, русскій крестьянинъ по самой своей природѣ очень лѣнивъ; его любовь къ праздности ведетъ его къ пороку и сама по себѣ въ значительной степени препятствуетъ всѣмъ видамъ прогресса на всемъ пространствѣ этой обширной страны. Если крестьянинъ *можетъ* лѣниться, то онъ и *будетъ* лѣниться; если онъ, не имѣя непосредственной нужды, рѣшитъ ничего не дѣлать,

то нужно много убѣждать его, предлагать ему необыкновенно выгодныя условія, для того чтобы побудить его взяться за что нибудь, хотя онъ и будетъ знать, что по прошествіи нѣкотораго времени онъ останется безъ копѣйки. Въ карманѣ русскаго мужика есть дыра, сквозь которую деньги уходятъ также скоро, какъ онѣ вошли туда. Короче сказать, крестьянинъ представляетъ собою настоящій типъ расточителя и не имѣетъ себѣ равнаго по лѣности. Лѣтомъ онъ работаетъ въ полѣ; зимою, если у него есть лошадь, онъ нанимается возить хлѣбъ, лѣсъ, товары и т. д.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны крестьяне, благодаря похвальной инициативѣ нѣкоторыхъ дворянъ и землевладѣльцевъ, занимаются такъ называемымъ «кустарнымъ дѣломъ» или «ручнымъ производствомъ» корзины, ложекъ, вилокъ, игрушекъ, посуды и т. д. Въ Павловѣ и въ окрестныхъ селахъ крестьяне заняты изготовленіемъ ножеваго товара; во владимірской губерніи они зарабатываютъ себѣ средства къ существованію главнымъ образомъ изготовленіемъ иконъ; князь Голицынъ сообщаетъ мнѣ, что онъ прилагаетъ много усилій къ тому, чтобы распространить между крестьянами изготовленіе глиняной посуды, и къ настоящему времени этимъ уже заняты тысячи народа. Далѣе, г-жа Мольтъ организовала изготовленіе крестьянскими женщинами ручнымъ способомъ бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій. Изъ ярославской губерніи выходятъ служащіе въ трактирахъ, а каси-

мовскіе татары охотно берутся въ качествѣ служащихъ въ лучшіе русскіе отели Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ имперіи.

Другая отличительная черта, общая большинству крестьянъ, состоитъ въ томъ, что они почти такъ же хитры, какъ они лѣнны, но, разумѣется, ихъ хитрость порождена невѣжествомъ и смѣшана съ удивительнымъ дѣтскимъ легковѣріемъ.

О замѣчательномъ примѣрѣ этого легковѣрія я услыхалъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ, когда я ѣздилъ по Орловской губерніи, лежащей въ центрѣ Россіи. Въ одинъ прекрасный день, въ одну изъ деревень этой губерніи явился импонирующей наружности человѣкъ, съ длинной рыжей бородой, въ монашеской одеждѣ и съ длиннымъ странническимъ посохомъ, который какъ бы долженъ былъ указывать на то, что этотъ человѣкъ пришелъ изъ далека; въ пользу этого же предположенія свидѣтельствовалъ и тотъ фактъ, что его сапоги были въ дырахъ и что при каждомъ шагѣ онъ сильно хромалъ. Онъ съ дикимъ оживленіемъ рассказывалъ какъ онъ былъ посланъ Императоромъ, для того чтобы избрать одну изъ деревень, въ которыхъ имѣлись церкви. Населеніе почувствовало себя очень польщеннымъ тѣмъ, что праведный человѣкъ изъ всѣхъ русскихъ селъ избралъ именно ихъ село для посѣщенія Царемъ. Кромѣ того, и самый фактъ, что Царь удостоитъ ихъ село своимъ посѣщеніемъ наполнялъ ихъ гордостью. Нѣкоторымъ все это

показалось подозрительнымъ, и ихъ подозрѣнія еще усилились, когда праведный человѣкъ сказалъ, что они необходимо должны поднести Царю какой нибудь пищи и сколько нибудь скота и далѣе, что нужно собрать по крайней мѣрѣ 100 рублей на церковь, такъ какъ посѣщенія Царя явится безпримѣрнымъ въ исторіи христіанства торжествомъ. По словамъ странника, нетолько пища и скотъ будутъ возвращены Царемъ въ двадцатикратномъ количествѣ, но и церковь заплатитъ за каждый собранный рубль десять.

Это было дѣйствительно заманчиво; но подозрѣвающіе все еще сомнѣвались въ словахъ праведника и наконецъ спросили его, къ кому же собственно пріѣдетъ Царь. Божій человѣкъ ожидалъ этого вопроса: представляясь очень разгнѣваннымъ, рвя на себѣ волосы, онъ сказалъ: «Несчастные безбожники, маловѣрные, пусть Богъ проститъ вамъ невѣріе, которое заставляетъ васъ сомнѣваться въ моихъ словахъ, въ словахъ его посланника. Императоръ пріѣдетъ сюда къ самому Богу».

Эти слова произвели поразительное дѣйствіе. Крестьяне, какъ бы наэлектризованные, стояли нѣмыми и смущенными; подозрѣвающіе отступили назадъ, опустивъ головы, стыдясь, что они были достаточно нечестивы, чтобы не довѣрять посланному самимъ Богомъ и чуть не отказались отъ посѣщенія ихъ Творцомъ. Деньги были не-

медленно собраны, и не 100 рублей, а 200, такъ какъ, разсуждали хитрые и въ то же время довѣрчивые мужики, «если Богъ возвратитъ намъ въ десять разъ, то вмѣсто 100 дадимъ 200». Подобнымъ же образомъ и по той же причинѣ деревня освободилась отъ своего скота, отъ лошадей и всякаго добра.

Началось всеобщее ликованіе и лицо Божьяго человѣка выражало священный энтузіазмъ.

Послѣ того какъ пожертвованные предметы были собраны, онъ заявилъ, что собранный скотъ лучше всего отвести въ обширный, стоящій въ пяти миляхъ сарай, гдѣ и будутъ сдѣланы приготовленія къ тому, чтобы черезъ недѣлю преподнести это явившимся туда Богу и Императору. «До тѣхъ поръ», сказалъ онъ, «вы должны проводить время въ постѣ и молитвѣ, а на седьмой день съ благоговѣніемъ отправиться на условленное мѣсто».

Крестьяне въ точности исполнили что имъ было предписано: постились всю недѣлю, что было тѣмъ легче, что они отдали большую часть имѣвшихся у нихъ съѣстныхъ припасовъ, и усердно молились о томъ, чтобы ихъ приношенія были приняты тѣми, кому они предназначались, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи они должны были возвратиться имъ въ десятикратномъ количествѣ.

Прошло шесть дней и на седьмой длинная процессія жителей села двинулась къ сараю. Удивительное дѣло! Приближаясь къ нему, они не могли

замѣтить ничего особеннаго. «Эге» подумали они, «Богъ любитъ таинственность. Онъ ожидаетъ насъ внутри, окруженный толпою ангеловъ. Онъ можетъ сдѣлать то, о чемъ мы и не воображаемъ».

Они приблизились къ сараю, открыли широкія створчатыя двери и къ своему крайнему изумленію нашли, что скотъ и пожертвованное ими добро,—все это исчезло! Крестьяне не довѣряли своимъ чувствамъ и многіе начали молиться, чтобы Богъ явился къ нимъ, но ни Богъ, ни Императоръ не появлялись; не появлялся и Божій человѣкъ и позднѣе они уже ничего не слышали о пожертвованныхъ ими деньгахъ и вещахъ.

Подобныя происшествія не рѣдкость между невѣжественными русскими крестьянами; ихъ порожденная невѣжествомъ хитрость достаточна для того, чтобы предохранить ихъ отъ всякаго рода обмана, за исключеніемъ такого, который основанъ на религиозныхъ вѣрованіяхъ. Религія, къ которой они относятся не столько съ почитаніемъ, сколько со страхомъ, имѣетъ на нихъ такое сильное вліяніе, что самое невѣроятное, будучи связано съ нею, пріобрѣтаетъ для нихъ значеніе несомнѣнной истины. Ко внѣшнему выраженію своихъ религиозныхъ чувствъ они прибѣгаютъ чаще, чѣмъ жители какой нибудь другой страны въ мірѣ. Ни одинъ русскій крестьянинъ не войдетъ въ избу другого безъ того чтобы первоначально почтительно не поклониться домашнимъ иконамъ, висящимъ у потолка въ переднемъ

углу комнаты, и не перекреститься съ такимъ усердіемъ, видя которое можно подумать, что ему платятъ за него.

На всемъ пространствѣ Россіи, гдѣ бы вы ни были, въ городѣ или въ деревнѣ, на людной улицѣ или въ спокойномъ уединеніи изолированной избы, вы всегда увидите крестьящагося крестьянина и насколько я могу судить послѣ того, какъ я наблюдалъ его при различныхъ окружающихъ обстоятельствахъ, онъ крестится не столько подъ влияніемъ дѣйствительнаго религіознаго чувства, сколько для того, чтобы засвидѣтельствовать свое усердіе, чтобы показать Божеству, что онъ не забылъ Его.

Какъ я уже сказалъ, у русскихъ крестьянъ въ основѣ религіознаго чувства лежитъ скорѣе страхъ, чѣмъ почитаніе и это дѣлается тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ шире въ Россіи распространяется образованіе, такъ какъ самое это образованіе порождаетъ индифферентизмъ. Чѣмъ полнѣе русскій освобождается отъ сѣтей суевѣрій, въ которыхъ въ продолженіе вѣковъ держали его духовныя и свѣтскія власти, тѣмъ болѣе онъ пріучается смотрѣть на церковныя обряды и на тѣ различныя требованія, которыя Церковь предъявляетъ къ своимъ чадамъ, какъ на нѣчто такое, что слѣдуетъ выполнить, чтобы не думать о нихъ болѣе.

Говоря вообще, можно сказать, что между образованными классами нѣтъ вѣры въ дѣйстви-

тельность крестнаго знаменія; здѣсь не замѣтно чувства благоговѣнія при его совершеніи. Въ высшей степени смѣхотворное доказательство этого можно видѣть, наблюдая, какъ оно совершается, напримѣръ, послѣ торжественнаго обѣда. Крестьяся безсознательно, а нѣкоторые совершаютъ крестное знаменіе надъ областью желудка; нѣкоторые, крестьяся, разговариваютъ и смѣются и нѣсколько разъ мнѣ приходилось наблюдать, какъ сложенные для крестнаго знаменія пальцы, во время какого нибудь замѣчанія крестьящагося или во время конвульсивнаго взрыва гомерическаго хохота, вдругъ останавливаются въ своемъ движеніи надъ грудью или надъ какимъ нибудь другимъ мѣстомъ и затѣмъ механически движутся далѣе. Но низшіе классы, сознательно или механически, совершаютъ крестное знаменіе передъ ѣдой и послѣ ѣды, ложась въ постель и вставая, при всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ церковнаго или государственнаго характера, а также и при церемоніяхъ, совершающихся въ деревенской общинѣ; крестьяся проходя мимо церкви или часовни, въ особенности если церковь посвящена святому, имя котораго носить проходящій; крестьяся привѣтствуя своихъ знакомыхъ утромъ и прощаясь съ ними вечеромъ, но что всего печальнѣе, такъ это то, что этотъ обрядъ совершается каждымъ негодяемъ (который вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, ставитъ въ церкви свѣчку или жертвуетъ что нибудь своему святому) пе-

редъ тѣмъ, какъ онъ готовится совершить какое нибудь преступленіе,—огрabitъ, обмануть или убить; это показываетъ, что злоумышленники также полагаютъ, что крестное знаменіе окажетъ имъ помощь въ исполненіи ихъ гнусныхъ замысловъ, какъ и тѣ, которыхъ считаютъ порядочными людьми, ожидаютъ, что оно поможетъ имъ въ ихъ хорошихъ дѣлахъ.

Когда русскій перекрестится достаточное по его мнѣнію количество разъ и поставитъ достаточно дорогую свѣчку особо чтимому имъ святому, онъ чувствуетъ себя въ такой же безопасности отъ когтей дьявола, какъ если бы онъ уже покоился на лонѣ Авраама.

Одинъ негодяй писалъ своему сообщнику:

„Завтра, дорогой Ваня, мы можемъ наконецъ приступить къ нашему предпріятію. Прошу тебя, не забудь завтра въ девять часовъ поставить свѣчку Пресвятой Богородицѣ въ Казанскомъ Соборѣ. Я поставлю свѣчку св. Іоанну въ церкви Святой Троицы“.

Предпріятіе, о которомъ шла рѣчь, состояло въ томъ, чтобы ограбить своего хозяина на 10.000 руб. что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, причемъ и убилъ свою жертву, въ то время какъ еще горѣли поставленные имъ свѣчи; по всей вѣроятности, къ нимъ впослѣдствіи были прибавлены новыя, въ благодарность за успѣхъ дѣла.

Къ числу болѣе мелкихъ особенностей русскаго народа принадлежитъ его склонность къ

*

дракѣ: на каждомъ шагѣ можно видѣть, какъ дерутся между собою крестьяне, городскіе извозчики и вообще люди низшихъ классовъ (хотя правда, драки не имѣютъ слишкомъ жестокаго характера, такъ какъ настоящій русскій не отличается энергіей) и интересно слышать ругательства, которыми противники осыпаютъ другъ друга, перемѣшивая ихъ съ многочисленными крестными знаменіями.

Въ Петербургѣ и въ Москвѣ каждый день можно наблюдать, какъ извозчики бросаются какъ сумасшедшіе чтобы захватить выходящаго изъ гостинницы сѣдока и какъ затѣмъ, послѣ того какъ одинъ дѣйствительно посадитъ его, другіе гонятся за удачникомъ, осыпая его цѣлымъ градомъ ругательствъ. Закипаетъ словесная война, во время которой противники награждаютъ другъ друга ударами кнута по покрытымъ полушубками спинамъ, когда вдругъ, поровнявшись съ какой нибудь извѣстной часовой или блестящей церковью, они начинаютъ ѣхать тише, прекращаютъ свои ругательства, благоговѣнно снимаютъ шапки и крестятся. Послѣ этого ссора продолжается какъ будто бы этого перерыва и не было. Такую картину можно видѣть ежедневно и во всякое время въ большихъ и маленькихъ городахъ Россіи и она очень краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какое значеніе придается этому предписываемому православной Церковью обряду.

По всей Россіи въ каждомъ домѣ, въ каждой

комнатѣ виситъ икона. У богатыхъ этими внѣшними знаками благочестія увѣшаны всѣ дома. Въ городѣ, въ квартирѣ одного столь же вульгарнаго, какъ и богатаго купца, я встрѣтилъ шкафы съ иконами въ серебрѣ, мѣди, оловѣ, и даже въ золотѣ. Эти священные изображенія составляютъ почти единственное украшеніе крестьянскихъ избъ, причемъ нерѣдко иконы содержатся недостаточно чисто, дурно написаны и тусклы; во многихъ случаяхъ,—во время праздниковъ, постовъ, при родахъ, крещеніи, погребеніи, въ особомъ подсвѣчникѣ передъ висящей въ переднемъ углу комнаты иконой зажигается свѣчка.

Когда крестьянинъ зѣваетъ, онъ повернется къ своей иконѣ и осѣнитъ свой открытый ротъ крестнымъ знаменіемъ, для того чтобы такимъ образомъ помѣшать дьяволу вскочить туда; точно также, передъ тѣмъ какъ онъ готовится совершить какое нибудь дурное дѣло, какъ напимѣръ обокрасть своего пьянаго товарища или предпринять ночную экспедицію для кражи лѣса,—довольно обычное занятіе крестьянъ зимою,—онъ почтительно обернетъ свое лицо къ висящей на стѣнѣ иконѣ, съ молитвой, чтобы святое изображеніе не видало его грѣха.

Между картинами, украшающими крестьянскую избу, всегда можно встрѣтить запыленное, изъѣденное молью изображеніе Александра II, Царя-Освободителя, а также и дешевыя гравюры, которыя широко распространяемыя по странѣ

настоящимъ правительствомъ. Иногда въ избахъ можно видѣть большія, рѣзущія глазъ, лубочныя картины, въ которыхъ обыкновенно преобладаетъ яркій красный цвѣтъ; на этихъ картинахъ изображены мученія, которымъ дьяволъ подвергаетъ крестьянъ послѣ смерти за содѣянные ими грѣхи, причемъ эти грѣхи обыкновенно представлены образно. Такъ напримѣръ, нарисована церковь, въ которой по мысли художника должна совершаться служба, и около нея стоитъ мужикъ и пьетъ изъ водочной бутылки; этого мужика сзади хватаетъ дьяволъ. На другой картинѣ изображена комната, на стѣнѣ которой виситъ большой царскій портретъ. Противъ него находится толпа почтительно стоящихъ на колѣняхъ и крестящихся крестьянъ, тогда какъ одинъ, — нечистый, — стоитъ съ вызывающимъ видомъ.

Справа отъ этой картины нарисована другая въ высшей степени сильная сцена, которая производитъ должное впечатлѣнiе на несчастнаго русскаго крестьянина. На этой картинѣ изображенъ большой дымящiйся котелъ; у котла стоитъ ярко красный дьяволъ, держащiй въ рукѣ длинныя трехконечныя вилы. Ими онъ подхватываетъ какое-то существо, сидящее въ кипящемъ на медленномъ огнѣ котлѣ; въ этомъ существѣ можно различить несчастнаго мужика; подпись подъ картиной гласитъ «вѣчный огонь».

Такія картины тоже распространяются просвѣщеннымъ правительствомъ.

На картинахъ, напечатанныхъ красной, голубой, зеленой, желтой и другими красками, изображены всѣ чудеса, совершенныя отъ сотворенія міра. Мое вниманіе въ особенности привлекла къ себѣ картина, видѣнная мною въ избѣ довольно зажиточнаго старосты; на ней былъ изображенъ «Денежный дьяволъ».

Дьяволъ нарисованъ ярко красной краской, летящимъ съ распростертыми надо всѣмъ міромъ крыльями и когтями; подъ нимъ видны большіе и малые города и деревни. Изъ каждой части тѣла дьявола, изъ его рта, рукъ, ногъ и волосъ, сыплются золотыя монеты, которыя проливнымъ дождемъ падаютъ на находящуюся подъ нимъ землю. Тысячи людей всѣхъ положеній бѣгутъ за летящимъ дьяволомъ, для того чтобы ловить падающее въ такомъ изобиліи золото. За дьяволомъ, на роскошномъ желтомъ конѣ, ѣдетъ его адъютантъ, погоняющій свое животное жезломъ Меркурія. Одинъ мясникъ накинулъ на злого духа петлю толстаго каната и напрягаетъ всѣ усилія, для того чтобы притянуть его къ себѣ ближе, остановить его бѣшеный полетъ. Другой накинулъ веревку на большой палецъ ноги дьявола и изо всѣхъ силъ старается сдѣлать тоже, что и мясникъ. Трактирщику удалось вставить въ спину дьявола трубку и онъ съ довольнымъ видомъ поглаживаетъ рукою золото и

серебро, которыя непрерывнымъ потокомъ сыпятся въ его винную бочку; русская женщина, обвѣшанная украшеніями, наряженная какъ на балъ, любовно обнимаетъ адъютанта дьявола, ласково упрасиваетъ его дать ей мѣшковъ съ деньгами, причемъ нѣсколько такихъ мѣшковъ уже висятъ вокругъ ея стройной таліи.

Не забыты на картинѣ и духовенство и чиновничество, изъ чего можно заключить, что эта картина распространяется безъ ихъ содѣйствія. Полный священникъ, съ очаровательно сладкой улыбкой, выражающей высшую степень лицемѣрнаго смиренія, стоитъ передъ своей паствой и съ поднятой къверху рукой увѣщаетъ слушателей исполнять ихъ обязанности по отношенію къ ближнимъ и къ церкви. «Не собирайте сокровищей на землѣ», говоритъ онъ и въ тоже время видно, какъ его лѣвая рука протянута изъ подъ стихаря и въ нее сыплется потокъ золотыхъ монетъ, направляемый туда летящимъ дьяволомъ.

Бюрократія представлена въ слѣдующемъ видѣ: передъ гигантской фигурой изображающаго ее челоуѣка, на колѣняхъ, съ умоляющимъ видомъ, стоитъ большая толпа голодныхъ, изнуренныхъ крестьянъ. Жирный, отталкивающий, въ высшей степени вулгарный челоуѣкъ съ двойнымъ подбородкомъ, изображающій бюрократію, стоитъ съ набитыми золотомъ карманами, въ которые дьяволъ сыплеть еще золота; сзади его нарисованъ

Ангель Милосердія, представляющий собой настоящий русскій народъ, и отдастъ бюрократіи свои послѣднія золотыя монеты, для того, чтобы она роздала ихъ несчастнымъ голодающимъ.

Что же дѣлаетъ представитель бюрократіи? Онъ неторопясь раздаетъ умирающей толпѣ копѣйки, а на его оттопырившихся карманахъ стоитъ надпись: «Для личныхъ надобностей». Наконецъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ людей, въ высшей степени иронически улыбаясь, сидитъ маленькая обезьяна, грызущая орѣхи и плюющая на подкатившуюся къ ней золотую монету. Одной рукой она показываетъ на дорожный столбъ, на которомъ написано «Въ Адъ»; въ этомъ нежелательномъ направленіи и движется толпа всѣхъ помѣщенныхъ на картинѣ лицъ. Изъ устъ обезьяны выходятъ несомнѣнно внушенные теоріей Дарвина слова: «Дураки, почему они не хотѣли остаться обезьянами?»

Это показываетъ намъ, что желающіе оказать хорошее или дурное вліяніе на убогій, наразвитой мозгъ безграмотнаго русскаго крестьянина могутъ воздѣйствовать на его умъ и воображеніе даже такимъ вздоромъ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянинъ не только бываетъ жертвой обмана со стороны людей, но что онъ въ еще большей степени рабъ суевѣрій и признаетъ за собой безспорныя обязанности по отношенію къ многочисленнымъ духамъ,

которые, по его мнѣнію, отравляютъ существованіе въ этомъ несовершенномъ мірѣ.

Среди русскихъ крестьянъ распространено вѣрованіе, что по вселенной на свободѣ бродитъ безчисленное количество духовъ,—добрыхъ, злыхъ и безразличныхъ, и ничто не можетъ избавить его отъ этого вѣрованія, которое, повторяю, настойчиво поддерживается въ его легковѣрномъ умѣ криводушными служителями церкви. Такіе духи присутствуютъ повсюду, не исключая даже святыхъ православныхъ церквей. Въ общемъ эти нематеріальныя существа представляютъ собою олицетворенія зла и жестокихъ, неумолимыхъ враговъ человѣческаго рода. Они проникаютъ въ частныя жилища, въ человѣческія тѣла, въ святые зданія; ими кишатъ рѣки, озера, пруды и болота. Они свободно странствуютъ по лѣсамъ и долинамъ, по безграничнымъ равнинамъ, и приносятъ съ собою болѣзнь, искушеніе и всякаго рода несчастіе. Число ихъ легіонъ, и крестьяне надѣляютъ ихъ самыми разнообразными именами,—чортъ, дьяволъ и т. д.

Однако, въ различныхъ губерніяхъ нечистому приписываются различныя злодѣянія, такъ что одинъ и тотъ же духъ можетъ имѣть тридцать-сорокъ названій.

На основаніи свойственныхъ этимъ духамъ особенностей, крестьянское воображеніе раздѣляетъ ихъ на перечисленныя ниже группы; и характерно для умственного состоянія и воспи-

танія несчастнаго крестьянина, характерно и для того нравственнаго и умственнаго развитія, которое онъ получилъ подъ руководствомъ духовенства, что единственный знакомый ему предметъ есть вопросъ объ этихъ злыхъ духахъ. Если онъ не знаетъ какой нибудь подробности относительно одного изъ послѣднихъ, онъ говоритъ: «я спрошу у священника».

Я приведу списокъ духовъ, какъ они извѣстны русскимъ крестьянамъ и духовенству и затѣмъ дамъ краткое описаніе свойствъ, принадлежащихъ духамъ каждой группы:

- 1) Домовой.
- 2) Дворовый домовый.
- 3) Банникъ.
- 4) Овинникъ.
- 5) Кикимора.
- 6) Лѣшій.
- 7) Полевой.
- 8) Водяной.
- 9) Русалки.
- 10) Оборотни (обмѣнки).

Домовой есть тотъ духъ, о которомъ чаще всего говорятъ мужики на работѣ и при отдыхѣ, на рынкѣ, во время церковныхъ и гражданскихъ празднествъ.

«Что-то сегодня сдѣлаетъ домовой», съ этой мыслью встаетъ крестьянинъ.

«Но что же можетъ онъ сдѣлать? спросимъ

мы. Многое! Онъ посѣщаетъ жилища и устраиваетъ разныя каверзы ничего не подозревающимъ хозяйкамъ и ихъ мужьямъ; но онъ можетъ быть и прирученъ, сдѣланъ почти безвреднымъ. Тѣмъ не менѣе, его боятся и крестьяне часто называютъ его «дѣдушкой». Большинство крестьянъ говорили мнѣ, что его нельзя видѣть, но тѣ изъ нихъ, которые утверждаютъ, что имѣли честь лично видѣть его (обыкновенно самые отъявленные лжецы и лицемѣры изъ всей деревни), смотрятъ на него почти съ благоговѣніемъ. По ихъ словамъ, домовый имѣетъ сильный, грубый голосъ и его тѣло, даже ладони, покрыты мягкими, похожими на дѣтскіе, волосами. Его главное занятіе состоитъ въ томъ, что онъ прячется въ амбарахъ, въ шкафахъ, въ сундукахъ и жалобно стонетъ; иногда онъ проявляетъ себя тѣмъ, что садится на грудь спящаго человѣка.

Послѣ сильной попойки и слѣдующаго за нею посѣщенія домового, крестьянинъ прописываетъ себѣ еще бутылку водки и снова напивается пьянымъ. Готовясь къ какимъ нибудь обширнымъ кулинарнымъ операціямъ, русская крестьянка призываетъ на помощь домового; я часто видѣлъ, какъ эти женщины стараются расположить домового въ пользу ихъ непутныхъ мужей, которые, засиживаясь на попойкахъ, не возвращаются домой до поздней ночи: онѣ ставятъ передъ дверью своей избы провизію, какъ напр. хлѣбъ и квасъ, для того чтобы домовый могъ наѣсться и напиться и благополучно

довелъ ихъ мужей до дому. При всѣхъ сколько нибудь значительныхъ семейныхъ событіяхъ, какъ напимѣръ при свадьбахъ, родахъ, смерти, по обѣимъ сторонамъ порога ставятъ пищу для домового со словами: «Это для тебя, дѣдушка домовый; будь милостивъ къ намъ, помоги намъ, чтобы въ нашихъ дѣлахъ была удача, чтобы наши дѣти выросли и наши куры и свиньи множились».

Говорятъ, что за все это оказываемое ему вниманіе домовый, когда онъ хорошо настроенъ, предостерегаетъ своихъ хозяевъ отъ грозящей имъ не-пріятности. Мнѣ никогда не удавалось добиться, какъ онъ это дѣлаетъ, но, повидимому, это дѣлается черезъ посредство сновъ. Далѣе, домовый такимъ же способомъ даетъ крестьянину совѣты и страннымъ образомъ, во снѣ послѣдній часто получаетъ совѣтъ украсть лѣсу, картофеля или чего нибудь еще. Крестьянинъ благоговѣйно исполняетъ такой совѣтъ и чувствуетъ себя при этомъ совершенно правымъ; русскій мужикъ представляетъ собою прекрасный типъ человѣческаго существа, которое можетъ убѣдить себя, что справедливо то, что въ глубинѣ своей души онъ самъ считаетъ несправедливымъ, но относительно чего онъ горячо желаетъ вѣрить, что это справедливо.

Дворовый домовый есть злое существо, которое забавляется тѣмъ, что мучить домашнихъ животныхъ. Благодаря его вліянію, корова сла-

бѣтъ и тощаетъ, лошадь портится и теряетъ хвостъ. Онъ имѣтъ видъ человѣка, но весь покрытъ волосами. Онъ полный хозяинъ на дворѣ, и часто русская хозяйка, когда она беретъ изъ курятника курицу или гуся, старается обмануть этого домового тѣмъ, что она вѣшаетъ передъ курятникомъ голову птицы, для того чтобы духъ, считая своихъ протезе, не замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ исчезъ.

Банникъ обыкновенно пребываетъ въ баняхъ, которыя поэтому и считаются небезопасными послѣ полуночи. Онъ прячется подъ идущими кругомъ бани полками, очень золъ и способенъ на самыя тяжелыя преступленія противъ личности, а потому крестьяне стараются всѣми силами умиловить его. Извѣстно, что въ то время, какъ крестьяне моются въ банѣ, банникъ тоже моется послѣ каждого третьяго человѣка. Время, приходящееся на четвертаго человѣка, банникъ беретъ для себя и потому крестьяне избѣгаютъ мыться четвертыми, боясь, что на нихъ упадутъ горячіе кирпичи, плеснетъ кипяткомъ или ихъ ошпарить паромъ; вслѣдствіе этого, если они моются по одиночкѣ, то послѣ того какъ вымоются трое, баня оставляется ими на 20—30 минутъ въ исключительное пользованіе банника, сами они возвращаются только по прошествіи этого времени. Въ русскихъ деревняхъ никто не станетъ мыться въ банѣ послѣ семи часовъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рас-

пространено вѣрованіе въ банника, такъ какъ здѣсь отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходитъ повѣріе, что послѣ этого часа баней завладѣваетъ банникъ и приглашаетъ въ нее мыться самаго сатану съ его присными. Это повѣріе укоренилось такъ прочно, что во многихъ деревняхъ мнѣ приходилось видѣть, какъ взрослые мужчины и женщины боялись идти по направленію къ банѣ и ни за какія деньги не согласились бы войти въ нее.

Деревенскіе овины представляютъ собою плохія деревянные постройки, которыя благодаря безопасности крестьянъ, часто горятъ; однако крестьяне не хотятъ объяснить эти катастрофы простыми, естественными причинами и приписываютъ ихъ особому духу,—овиннику. Это вредное существо сидитъ въ самомъ темномъ углу овина и видѣть его можно только одинъ разъ въ году, во время обѣдни въ день Пасхи, когда каждому, кто достаточно безстрашенъ, чтобы взглянуть на него, онъ представляется въ видѣ большой черной кошки со сверкающими глазами, которая лаетъ по собачьи и мяучитъ по кошачьи. Обыкновенно онъ не золь и многое можетъ быть сдѣлано для того, чтобы расположить его въ свою пользу. Въ центральныхъ губерніяхъ Россіи я зналъ крестьянъ, которые зимою каждую ночь сжигали близъ овина небольшое количество соломы и дерева, для того чтобы овинникъ, если онъ хочетъ, могъ выйти и погрѣться; они поступали

такъ изъ боязни, чтобы онъ съ этой цѣлью не сжегъ овина и такъ какъ это дѣлалось въ деревняхъ, въ которыхъ дрова были дороги и населеніе бѣдно, то и отсюда видно, до какихъ глупостей доводитъ крестьянъ суевѣріе.

Кикимора живетъ въ ямахъ и устраиваетъ злыя шутки; про нее рассказываютъ, что она путаетъ пряжу и таскаетъ ее. Но ея главная функція состоитъ въ причиненіи эпидемій. Въ настоящее время въ самарской губерніи царитъ голодъ и свирѣпствуетъ вызванные имъ тифъ и цынга и очень вѣроятно, что по мнѣнію крестьянъ, эти бѣдствія причинены кикиморой. Въ 1891 г., когда былъ очень сильный голодъ въ харьковской губерніи, крестьяне собрались и рѣшили черезъ губернатора подать на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ говорилось, что «кикимора, порожденіе дьявола, была единственной виновницей ужаснаго недостатка пищи, и выражалась просьба, чтобы Императоръ принялъ необходимыя мѣры (sic!) къ истребленію этого духа». Исторія умалчиваетъ о томъ, какой отвѣтъ былъ полученъ на это прошеніе, и о томъ, дошло ли оно по назначенію; въ послѣднемъ я сильно сомнѣваюсь.

Лѣшій живетъ въ лѣсахъ, главнымъ образомъ въ старыхъ заросшихъ мохомъ сосновыхъ лѣсахъ. Онъ имѣетъ видъ старика, его глаза свѣтятся мерцающимъ пламенемъ. По своему произволу, онъ можетъ то вырасти до громаднѣхъ

размѣровъ, то исчезнуть въ воздухѣ. Гуляя по своему царству, онъ дѣлается выше самаго высокаго вяза, но когда онъ выходитъ на открытое пространство, онъ можетъ спрятаться подъ листомъ и дѣлаетъ это. Онъ деспотическій монархъ лѣса, сбиваетъ людей съ дороги, запугиваетъ ихъ до смерти; во многихъ мѣстностяхъ его считаютъ ужасно сладострастнымъ существомъ, соблазняющимъ безъ разбора всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ. Къ нѣкоторымъ изъ людей онъ очень благосклоненъ и нерѣдко гонитъ дичь прямо въ руки охотника или приводитъ послѣдняго въ мѣста наиболѣе посѣщаемыя дичью. Крестьяне часто стараются задобрить его, оставляя для него въ лѣсу убитаго зайца или кролика.

Полевой является въ видѣ одѣтаго въ бѣлое крестьянина. Его тѣло черно, глаза у него разныхъ цвѣтовъ, а вмѣсто волосъ онъ имѣетъ зеленую траву. Обыкновенно онъ настроенъ добродушно, но иногда безжалостно мучаетъ людей, въ особенности пьяницъ, и выбираетъ для этого въ большинствѣ случаевъ полдень,—въ высшей степени откровенное признаніе крестьянина относительно того состоянія, въ которомъ онъ часто бываетъ къ этому времени. Иногда полевой дѣлается опаснымъ и задушиваетъ крестьянъ спящихъ въ полѣ. Если земледѣльческія орудія отказываются работать, если какая нибудь часть механизма ломается или если почва слишкомъ тверда для хорошей обработки, то всѣ эти не-

удачи приписываются полемому. Его крестьяне тоже стараются задобрить. Мнѣ пришлось видѣть, какъ одинъ подвыпившій мужикъ, лежа съ спать въ полѣ, поставилъ около себя свѣжую бутылку съ водкой и со словами: «Это для тебя полевой!» заснулъ.

Водяной живетъ въ озерахъ и опасныхъ болотахъ. Онъ ревниво оберегаетъ свои владѣнія и дурно приходится тѣмъ, которые не боятся его гнѣва. Иногда водяной живетъ въ рѣкахъ и потокахъ. Онъ часто спитъ подъ мельничными колесами. Временно онъ показывается въ видѣ обыкновеннаго человѣка, но съ очень длинными пальцами, а ногти на его рукахъ и ногахъ бываютъ отъ фута до ярда длиной; его руки скорѣе похожи на лапы, чѣмъ на обыкновенныя человѣческія руки. Голова его покрыта длинными волосами; у него очень длинный хвостъ и горящіе, какъ угли глаза. Онъ никогда не выходитъ весь изъ воды, но выставляется изъ нея только на половину своего роста. Онъ топить неосторожныхъ или злонамѣренныхъ людей, когда они купаются или плаваютъ въ его владѣніяхъ и съ удовольствіемъ умерщвляетъ тѣхъ, которые не носятъ своего креста или забываютъ Бога. Синія пятна, знаки и раны на тѣлахъ утопленниковъ повсюду считаются доказательствами мученій, причиненныхъ водянымъ. Онъ много вредитъ мельникамъ и рыбакамъ, но нѣкоторымъ изъ послѣднихъ удается войти съ нимъ въ соглашеніе и по-

лучить доказательства его дружбы. Но во всей Россіи крестьяне вѣрятъ, что водяной нуждается въ человѣческихъ жертвахъ для своей ежедневной пищи и ничто не можетъ разубѣдить ихъ въ этомъ.

Около Антонополя, въ витебской губерніи, есть небольшой прудъ, гдѣ, по утверженію мѣстныхъ крестьянъ, въ полночь, тотчасъ же, какъ пробьютъ двѣнадцать часовъ, можно слышать поднимающихся со дна безумные крики мужчинъ и женщинъ. По преданію, пять сотъ лѣтъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ стоялъ замокъ злого русскаго барина; мѣсто это было конечно сухое и его окружалъ наполненный водою ровъ. Этотъ дурной человѣкъ велъ въ своемъ замкѣ развратную жизнь; онъ имѣлъ обыкновеніе рыскать по странѣ въ поискахъ за молодыми женщинами и дѣвушками, которыхъ онъ силой уводилъ въ свою крѣпость. Такъ продолжалось многіе годы, но однажды, наканунѣ Рождества, когда въ замкѣ происходила еще болѣе разнузданная оргія, чѣмъ обыкновенно, послѣ того какъ пробило двѣнадцать часовъ, все зданіе, со всѣми бывшими въ немъ людьми, вдругъ погрузилось въ землю и на мѣстѣ его остался только прудъ, который и указываетъ, гдѣ совершались эти злыя дѣла. Это, говорятъ крестьяне, было дѣломъ водяного, который такимъ образомъ наказалъ злого барина.

Русалокъ народъ представляетъ себѣ въ видѣ красивыхъ, похожихъ на ангеловъ, женщинъ и

дѣвушекъ, поющихъ и танцующихъ при лунномъ свѣтѣ на озерахъ, прудахъ, и т. п.; онѣ пытаются заманить мужчинъ, которыхъ онѣ мучаютъ и топятъ. Наболѣе горячую вѣру въ русалокъ и наболѣе поэтическіе рассказы и пѣсни о нихъ можно найти среди населенія Малороссіи. Про русалокъ рассказываютъ, что онѣ рвутъ сѣти рыбаковъ. Распространено повѣрье, что дѣвушки, которыя топятся вслѣдствіе несчастной любви,—что между русскими крестьянками случается очень рѣдко,—дѣлаются русалками.

Оборотни суть или люди, превращенные колдунами въ животныхъ, деревья, камни, или же злые духи, которые для достиженія своихъ цѣлей принимаютъ всевозможные виды. Чаше всего оборотни имѣютъ видъ волчицы, которая можетъ превратиться въ собаку, въ кошку, въ получеловѣка, въ камень, и затѣмъ опять принять видъ человѣка.

Обмѣнки.—Духи этого рода, по повѣрію, являются дѣтьми дьявола, которыми онъ, пользуясь неосторожностью или забывчивостью матерей, подмѣниваетъ младенцевъ. Вслѣдствіе этого повѣрья иногда приходится терпѣть очень большой вредъ совершенно ни въ чемъ неповиннымъ существамъ. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ пришлось узнать объ одной несчастной женщинѣ, которая оставалась прикованной на цѣпи къ стѣнѣ избы въ продолженіи не менѣе тринадцати лѣтъ. Подробности этого случая со-

стоятъ въ слѣдующемъ: когда ей было девять лѣтъ, у нея появился хриплый горловой кашель и ея лицо имѣло особое, нѣсколько растерянное выраженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по рассказамъ крестьянъ, было замѣчено, что въ какой бы домъ она ни входила, тамъ навѣрно кто нибудь заболѣвалъ. Деревенскіе старики держали по этому поводу совѣтъ, на которомъ безъ возраженій было рѣшено, что эта несчастная дѣвушка была не человѣческимъ ребенкомъ, но ребенкомъ одного изъ безчисленныхъ злыхъ духовъ и была положена въ колыбель для того, чтобы подмѣнить настоящаго грудного младенца матери. Была приглашена старая свѣдущая женщина, бабушка, для того чтобы и она высказала свое мнѣніе; бабушка безъ колебаній присоединилась къ мнѣнію большинства. Ужасное рѣшеніе, заключавшееся въ томъ, чтобы посадить несчастную дѣвушку на цѣпь въ избѣ и такимъ образомъ помѣшать ей бродить по деревнѣ и вредить людямъ, было сообщено ея матери и вѣра крестьянъ въ злыхъ духовъ и во всѣ ихъ свойства настолько сильна, что мать согласилась на это. Это было исполнено и спустя нѣкоторое время ребенокъ лишился разсудка, но все же продолжалъ оставаться на цѣпи тринадцать лѣтъ, покуда онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Мнѣ приходилось слышать и о другихъ случаяхъ такого рода и я увѣренъ, что если бы можно было сосчитать случаи проявленія такого легковѣрія и жестоко-

сти, то они оказались бы очень многочисленными.

Можно думать, что русскій крестьянинъ, вѣрующій не только во всѣ обряды предписываемые Церковью, но и во власть добрыхъ и злыхъ духовъ, населяющихъ этотъ міръ, долженъ благоговѣнно выполнять, лежащія на немъ нравственные обязанности и быть чистымъ душой.

Мы истолкуемъ сомнѣніе въ его пользу и допустимъ, что онъ обладаетъ внутренней чистотой. Что касается до матеріальныхъ условій его существованія, то принимая во вниманіе состояніе его избы, читатель можетъ подумать, что и его тѣло содержитъ приблизительно такъ же, какъ его жилище. Но такое мнѣніе было бы совершенно ошибочнымъ, такъ какъ въ нѣкоторомъ отношеніи русскій крестьянинъ чистоплотнѣе нашего англійскаго земледѣльческаго рабочаго, и можетъ дать послѣднему нѣсколько очковъ впередъ. Крестьяне любятъ свою паровую баню, какъ рыба воду, и не довольствуясь превращеніемъ своихъ избъ въ наполненные паромъ печи, въ которыхъ они могутъ наслаждаться своимъ любимымъ удовольствіемъ, каждую недѣлю или по крайней мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли, они, обыкновенно партіями, посѣщаютъ деревенскую паровую баню. Интересно видѣть, какъ они моются.

По стѣнамъ общественной бани расположены нѣсколько ярусовъ широкихъ полокъ; въ помѣщеніи находятся нѣсколько столовъ, на кото-

рыхъ лежатъ эмблемы порки, въ видѣ связокъ древесныхъ прутьевъ. Въ углу помѣщенія находится громадная печь, съ выступающей изъ нея трубой; изъ этой трубы выходятъ клубы пара, наполняющіе баню влажной теплотой, которая непривычнымъ показалась бы совершенно невыносимой.

Въ деревняхъ, въ которыхъ бани лишены этихъ новѣйшихъ усовершенствованій, для получения пара, до красна накаливаютъ кирпичи и поливаютъ ихъ холодной водой, находящейся въ громадномъ чанѣ, стоящемъ у печи. Образовавшійся такимъ образомъ паръ поднимается большими клубами и наполняетъ помѣщеніе бани. Но какимъ бы образомъ ни получался паръ, пользованіе имъ крестьянами остается однимъ и тѣмъ же во всей Россіи. Когда топится баня, въ нее собираются всѣ, молодые и старые; совершенно голые, моющіеся стоятъ, сидятъ и лежатъ во всю длину, во всевозможныхъ положеніяхъ, на скамьяхъ, столахъ и даже на полу. Они дѣлаются очень оживленными, на ихъ лицахъ видно острое удовольствіе, съ которымъ они ожидаютъ дальнѣйшаго повышенія температуры бани и по мѣрѣ того, какъ густые клубы пара взвиваются къ верху и затѣмъ падаютъ, всеобщее оживленіе растетъ. Подъ вліяніемъ чрезмернаго удовольствія они поютъ и пляшутъ; дѣйствительно, можно подумать, что по мѣрѣ того какъ, вслѣдствіе искусственной жары, поры ихъ

кожи открываются и даютъ выходъ всѣмъ выдѣленіямъ, скопившимся въ ихъ тѣлахъ за предшествующія одну или двѣ недѣли, чрезъ эти же поры въ нихъ входитъ животворящій эфиръ, который, циркулируя по ихъ жиламъ и проникая въ сердце, вызываетъ дикую экзальтацію и производитъ то, что ихъ обычная меланхолія смѣняется безумной радостью, такой, на которую никогда нельзя было бы счесть способнымъ степеннаго, кажушагося инертнымъ, безстрастнаго мужика.

Оживленные, какъ бы опьяненные охватившимъ ихъ воодушевленіемъ, крестьяне хватаютъ вѣники и беспощадно бьютъ ими другъ друга по головѣ, спинѣ, груди и ногамъ. Въ банѣ царитъ ужасный хаосъ,—вы видите передъ собой массу снующихъ туда и сюда, кричащихъ, веселящихся какъ помѣшанные, человѣческихъ существъ; нѣкоторые изъ нихъ прыгаютъ на скамьи и столы, выкидывая при этомъ самыя смѣшныя, почти невозможныя, штуки,—одинъ наприимѣръ стоитъ на головѣ и кричитъ во весь голосъ, въ то время какъ его товарищи стегаютъ его такъ усердно, что повидимому удары должны причинять самую сильную боль и такіе рубцы, которые останутся замѣтными въ теченіе цѣлыхъ недѣль; между тѣмъ въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ и сцена продолжается. Другой растягивается во всю длину на полу, на него становятся и танцуютъ на его распростертотъ тѣлѣ нѣкоторое подобіе шотландской жиги. Третій бѣжитъ

какъ сумасшедшій къ стѣнѣ, ударяется объ нее спиною, затѣмъ кидается опять на середину помѣщенія и исполняетъ какую-то военную пляску, причемъ его руки, ноги и тѣло одновременно движутся по всевозможнымъ направленіямъ; наконецъ онъ падаетъ изнуреннымъ на полъ полной пара бани и остается лежать тяжело дыша, потѣя и не говоря ни слова. До такого состоянія доходятъ почти всѣ участники оргіи, но ихъ члены и легкія изнемогаютъ только на короткое время. Самое главное еще впереди. Всѣ сразу поднимаются и съ леденящимъ кровъ воемъ бѣгутъ къ двери бани, распахиваютъ ее настежь и съ еще болѣе сильнымъ крикомъ и визгомъ катаются по покрывающему землю снѣгу. Это продолжается одну минуту, по прошествіи которой они съ разгорѣвшимися тѣлами и съ необыкновенно ускореннымъ кровообращеніемъ, въ безпорядкѣ возвращаются въ горячую баню, гдѣ садятся утомленными и обтираютъ другъ друга, а затѣмъ опять кадѣваютъ свои грязные полушубки, свои кишасія паразитами рубашки и другія принадлежности ихъ обычнаго костюма.

На этомъ основаніи, читатель, я и говорилъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи русскіе крестьяне по своей чистоплотности превосходятъ нашихъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ; а тотъ же фактъ, что они послѣ здоровой бани завертываютъ свои тѣла въ одежды полныя грязи и заразы, является только лишнимъ печальнымъ доказатель-

ствомъ столь замѣтнаго недостатка у несчастныхъ русскихъ крестьянъ здраваго смысла, предусмотрительности и инициативы. Я не буду останавливаться на этомъ, замѣчу только, что въ настоящее время во многихъ русскихъ деревняхъ,—тамъ куда проникаетъ свѣтъ и гдѣ замѣчаются признаки начинающагося умственнаго развитія,—въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, можно замѣтить извѣстныя улучшения. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ овчинные полушубки и другія принадлежности костюмовъ, въ то время, какъ ихъ почтенные обладатели моются, подвергаются благотворному воздѣйствію высокой температуры въ особо устроенныхъ для этого печахъ.

Относительно крестьянъ этихъ мѣстностей вполне можно сказать, что по чистоплотности они не имѣютъ себѣ равныхъ между крестьянами всего міра. И вообще я долженъ замѣтить, что хотя до сихъ поръ мнѣ приходилось отмѣчать только дурныя стороны русскаго крестьянина, я все же долженъ признать, что на ряду съ ними онъ обладаетъ и дѣйствительными достоинствами, которымъ нельзя не удивляться; русскій крестьянинъ, какъ и его страна, полонъ контрастовъ; но несмотря на всѣ его недостатки, по крайней мѣрѣ я лично не могу не отдать должной дани его неподобному терпѣнію, постоянной вѣжливости, ласковости и гостепріимству, съ которыми онъ относится къ иностранцамъ, его безхитростной

довѣрчивости и его обыкновенно безграничной благодарности.

Отъ описанія духовной пищи крестьянина и тѣхъ средствъ, съ помощію которыхъ онъ очищаетъ себя отъ матеріальной грязи, перейдемъ къ описанію той пищи, которой онъ поддерживаетъ свое существованіе. Что онъ ѣстъ? Въ его ежедневное меню входятъ главнымъ образомъ четыре вещи: щи, огурцы, черный хлѣбъ и картофель; все это смачивается водой, или квасомъ, а по временамъ водкой. Щи представляютъ собою смѣсь рубленой капусты, ячменной муки и соли съ небольшимъ количествомъ кваса,—главнаго національнаго напитка. Зажиточные люди прибавляютъ къ этому масла и муки, а иногда и сливокъ, но крестьянинъ не можетъ позволять себѣ такой роскоши.

Квасъ есть главный напитокъ русскаго крестьянина. Онъ готовится слѣдующимъ образомъ: въ глиняный горшокъ наливается ведро воды, всыпается два фунта ячменной муки и полфунта соли и кладется нѣсколько меду,—болѣе или менѣе, въ зависимости отъ достаточности семейства. Все это ставится вечеромъ въ печь на небольшой огонь и помѣшивается. Утромъ смѣси даютъ отстояться; чистая жидкость сливается и черезъ нѣсколько дней она готова для питья. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ квасомъ запивается все. Картофель, огурцы и черный хлѣбъ дополняютъ списокъ употребляе-

мыхъ крестьянами видовъ пищи. Этой пищею питаются всѣ, всѣ вскармливаютъ ею съ самаго рожденія. Молоко представляетъ собою роскошь, то же можно сказать и про яйца; мясо русскіе крестьяне позволяютъ себѣ употреблять рѣдко, такъ рѣдко, что можно сказать, оно попадаетъ въ ихъ несчастные полуголодные желудки только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ на примѣръ при свадьбахъ и въ большіе праздники.

Но мы не должны забывать еще объ одномъ важномъ продуктѣ, о водкѣ, этомъ несчастіи крестьянъ. Въ 1827 г. въ С.-Петербургѣ было вычислено, что тамъ водки продавалось въ годъ на 8.000.000 руб., что въ среднемъ составляетъ по 20 руб., на душу населенія,—считая въ немъ мужчинъ женщинъ и дѣтей, или по 2¹/₄ ведра. Исключите, отсюда дѣтей, больныхъ, и пожалуй иностранцевъ, и вы увидите, какими горячими поклонниками Бахуса были русскіе въ то время. Къ настоящему времени положеніе, по крайней мѣрѣ среди крестьянъ, измѣнилось къ худшему. Говоря вообще, можно сказать, что крестьянинъ любитъ свою бутылку водки больше всего на свѣтѣ; когда онъ напивается въ деревнѣ или въ городѣ, то необыкновенно странно видѣть то равнодушіе, съ которымъ къ нему относятся другіе, видящіе какъ онъ шатается изъ стороны въ сторону и ежеминутно падаетъ во всю длину на мостовую или въ канаву. Деревенская винная лавка всегда наполнена полупьяной толпой мужи-

ковъ, пропивающихъ тяжело доставшіеся имъ заработки, въ пользу Русскаго правительства, въ рукахъ котораго находится продажа водки во всей Имперіи. За пять лѣтъ, предшествовавшихъ введенію государственной монополіи (1890—1894), потребление водки составило 286.947.500 галлоновъ; въ пятилѣтіе 1894—1899 потребление ея увеличилось до 304.205.000 галлоновъ; когда же монополія была распространена на 35 губерній европейской Россіи, то въ нихъ было потреблено въ 1898—83.997.907 и въ 1899—91.746.140 галлоновъ.

Капиталь, затраченный на введеніе монополіи, до 1899 г. приносилъ 106⁰/₀ и такимъ образомъ питейный доходъ растетъ, тогда какъ нравственность крестьянъ падаетъ; и Русское правительство продолжаетъ ежегодно получать громадный доходъ отъ этой зазорной торговли; для развитія ея стараются всѣми средствами воздѣйствовать на несчастнаго русскаго крестьянина, о которомъ такъ мало заботятся помимо этого.

При празднованіи храмового праздника, когда крестьянинъ позволяетъ себѣ пиръ, о которомъ онъ и думать не можетъ въ другое время, бутылка водки стоитъ на первомъ планѣ. При такихъ случаяхъ намъ во многихъ избахъ приходилось видѣть на столахъ масло, яица, брагу (родъ пива домашняго приготовленія) и кашу,—блюдо приготовленное изъ гречневой крупы и различнаго рода мяса. Много здѣсь и квасу, но

больше всего видно бутылокъ съ водкой. Наканунѣ такого праздника изба подвергается радикальной чисткѣ; передъ висящей въ углу семейной иконой ставится новая свѣчка. Въ самый день праздника крестьяне встаютъ рано и одѣваются въ свое лучшее платье,—мужчины можетъ быть и остаются въ своихъ овчинныхъ полушубкахъ, но они надѣваютъ новые сапоги, разцвѣченные краснымъ или голубымъ жилеты, и повязываютъ шеи яркими шарфами; женщины наряжаются въ полотняныя платья пурпуроваго, оранжеваго или голубого цвѣта, иногда съ разноцвѣтными полосами; вокругъ шеи у нихъ видѣнъ такой же яркій платокъ; другой большой платокъ, отъ розоваго, зеленаго и краснаго до скромнаго чернаго или сѣраго цвѣта, покрываетъ ихъ головы, замѣняя собою колпакъ; у всякой изъ нихъ въ ушахъ серьги.

Обѣдъ бываетъ въ полдень, послѣ очень длинной церковной службы, которая на Святой Руси совершается почти передъ всякимъ свѣтскимъ празднованіемъ. Члены семейства, а иногда и гости, сидятъ вокругъ стола и наѣдаются буквально до того, что они уже не могутъ ѣсть больше; тѣмъ не менѣ мой хозяинъ, слѣдуя стародавнему обычаю, проситъ гостей ѣсть еще, говоря «пожалуйста присядь еще, чтобы куры на моемъ дворѣ неслись, чтобы цыплята и пчелы множились».

Отъ такого приглашенія никогда не отказы-

ваются; опять начинает ходить вокругъ стола бутылка съ водкой и гости снова начинают ѣсть съ такимъ усердіемъ, на которое способенъ только полуголодный русскій крестьянинъ. Къ концу обѣда большинство мужчинъ пьянѣютъ; но самыя поразительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающія оргіи можно видѣть во время большихъ праздниковъ, послѣ продолжительныхъ постовъ.

Тому, кто знаетъ бѣдность крестьянскаго стола въ продолженіе всего года, должно казаться жестокимъ, заставлять его исполнять многочисленные посты; дѣйствительно, всѣмъ извѣстно, что жизнь русскаго крестьянина въ сущности представляетъ собою одинъ длинный постъ, прерываемый періодами скотски разнузданнаго кутежа, послѣ котораго его организмъ находится въ еще худшемъ состояніи, чѣмъ во время поста; но всемогущая Православная Церковь требуетъ, чтобы онъ отказывался даже отъ той пищи, которая у него имѣется. Такимъ образомъ, несчастный крестьянинъ соблюдаетъ строгій постъ въ продолженіе четырнадцати дней въ іюнѣ, семи недѣль передъ Пасхой, отъ начала ноября до Рождества и каждую среду и пятницу въ теченіе всего года, хотя я долженъ замѣтить, на основаніи личныхъ наблюденій, что эти посты въ среду и пятницу не соблюдаются такъ строго, какъ этого хотѣло бы духовенство (по крайней мѣрѣ постъ въ среду). Главнѣйшими изъ этихъ

постовъ и большихъ праздниковъ являются масляница, слѣдующій за нею великій постъ, великій праздникъ Пасхи и Рождество и святки.

Посмотримъ, что происходитъ въ деревнѣ во время масляницы. Весело перезваниваютъ церковные колокола; на улицахъ видно множество саней, въ которыхъ одѣтые по праздничному, громко поющіе и играющіе на гармоникахъ или на балалайкахъ крестьяне катаются взадъ и впередъ по деревнѣ; понукаемые убѣдительными криками полупьянаго возницы лошади несутся галопомъ. Въ первые четыре дня празднованіе происходитъ въ предѣлахъ деревни, такъ сказать дома. Въ это время крестьянинъ старается убаготворить только свой желудокъ и не приглашаетъ къ себѣ гостей, за исключеніемъ родственниковъ и близкихъ друзей. Онъ набиваетъ свой желудокъ съ яростью, неизвѣстной обыкновеннымъ смертнымъ. Въ продолженіе этихъ четырехъ дней, онъ вполнѣ отдается ѣдѣ и питью и если веселится, то веселится у себя дома, или строго говоря, въ границахъ своей деревни. Въ качествѣ изысканнаго блюда на первомъ мѣстѣ стоитъ коровье масло, которое въ виду того, что въ продолженіе слѣдующихъ семи длинныхъ недѣль можетъ быть употреблено только постное масло, теперь поглощается буквально массами. Такимъ образомъ, нашъ крестьянинъ, предвидя предписываемую церковью голодовку, дѣлаетъ неистовую попытку накопить въ своемъ организмѣ запасъ питатель-

ныхъ веществъ. Любимое кушанье называется блины и представляетъ собою особаго рода олады, которыя пекутъ въ маслѣ и подаютъ подъ соусомъ изъ растопленнаго масла.

Въ послѣдніе три дня праздника господствуетъ Бахусъ; развеселѣвшіе и отбросившіе всѣ заботы, всякую бережливость и всѣ мысли о будущемъ крестьяне, съ женами и дѣтьми, разъѣзжаютъ въ своихъ саняхъ по окрестнымъ деревнямъ, въ которыхъ имъ открыты всѣ мужицкія избы. Веселятся во всѣхъ деревняхъ. Непонукаемыя лошади степенно возятъ своихъ весело поющихъ сѣдоковъ; воздухъ оглашается пѣніемъ, криками и привѣтствіями, не лишенными природнаго остроумія, на которое благотворно вліяетъ всемогущій Бахусъ. Всѣ находятся въ благодушномъ настроеніи, вызванномъ обильнымъ пріемомъ алкоголя; но «гвоздь сезона» еще впереди.

Въ пятницу вечеромъ всѣ ложатся рано, для того чтобы подготовиться къ двумъ послѣднимъ и самымъ важнымъ днямъ праздника, къ субботѣ и воскресенью. Въ эти два дня ѣдятъ, катаются, пляшутъ, пьютъ, въ особенности пьютъ, больше чѣмъ когда либо; поглощаются громадныя количества водки (я долженъ замѣтить, что водка бываетъ двухъ сортовъ: 1) содержащая 57⁰/₁₀ и 2) 40⁰/₁₀ чистаго алкоголя). Крестьяне пляшутъ, поютъ, пьютъ, и затѣмъ съ безумнымъ увлеченіемъ катаются по деревнѣ, возвращаясь домой только затѣмъ, чтобы утолить ихъ повидимому

ненасытную жажду. Въ каждой избѣ имѣется столъ, уставленный водкой и яствами и каждый можетъ входить и пить сколько онъ хочетъ.

Въ воскресенье вечеромъ оргія приближается къ своему апогею. Всѣ водятъ хороводы, пляшутъ и пьютъ, пьютъ и пляшутъ, покуда съ приближеніемъ полночи наступаетъ полное царство водки. Многіе напиваются настолько, что не будучи въ состояніи дѣлать что-либо, безпомощно, съ видомъ идиотовъ, бродятъ изъ стороны въ сторону, обнимаютъ всѣхъ, кто имъ попадается, кричатъ при этомъ «Слава Богу», неистово цѣлуютъ другъ друга, клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ, наконецъ, пробуютъ сплясать жигу и падаютъ на снѣгъ неподвижными, ни о чемъ недумаящими, ничего не видящими, лишенными всего человѣческаго; ихъ уводятъ менѣе пьяные товарищи или ихъ родственницы, которыя обыкновенно не принимаютъ участія въ такихъ излишествахъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго раздается унылый звукъ церковнаго колокола: священникъ напоминаетъ своей паствѣ, что близится конецъ праздника. Передъ этимъ такой же звукъ колокола былъ слышенъ въ пять часовъ вечера, но я положительно утверждаю, что это предостереженіе, напомнивъ паствѣ, что праздника остается только нѣсколько часовъ, повело къ тому, что пить стали еще больше, возбужденіе еще усилилось. Начавшійся въ половинѣ двѣнадцатаго

звонъ церковнаго колокола продолжается до двѣнадцати, когда онъ вдругъ прекращается; то, что происходитъ въ эти полчаса, положительно не поддается описанію; звуки колокола святой церкви носятся надъ празднествомъ Бахуса и дьявола. Наступаетъ какой-то бѣсовскій пиръ; всякія соображенія о нравственности, объ опрятности, о приличіи откидываются. Всѣ предаются необузданной скотской оргіи, покуда послѣдніе удары колокола не возвѣщаютъ, что наступило двѣнадцать часовъ, время, въ которое, по предписанію Церкви, праздникъ долженъ кончиться, а съ нимъ должны кончиться веселье, пляска, пьянство, однимъ словомъ все.

Съ этого момента и до Пасхи, т. е. въ продолженіе семи длинныхъ недѣль, крестьянинъ долженъ поститься. Ему запрещено употреблять говядину, птицъ, молоко, яйца, коровье масло, сахаръ, а въ послѣднюю недѣлю и по средамъ и пятницамъ онъ не можетъ ѣсть даже рыбы; послѣднее въ сущности не имѣетъ большого значенія, такъ какъ его средства не позволяютъ ему покупать рыбу. Очень усердные совершенно ничего не ѣдятъ въ три дня, предшествующіе Пасхѣ. Запрещены всѣ напитки, за исключеніемъ воды.

Въ продолженіе этихъ семи недѣль, каждый день, въ девять часовъ утра, раздается звонъ церковнаго колокола, который долженъ напоминать крестьянамъ объ ихъ священныхъ обязанностяхъ. Но церковь и ея предписанія внушаютъ

*

этимъ несчастнымъ такой страхъ, что они едва ли нуждаются въ этомъ напоминаніи.

Только для одного дня за весь постъ предписанія относительно пищи нѣсколько ослабляются, а именно для Вербнаго Воскресенья; во всѣ остальные дни поста эти несчастные, которые и всегда питаются скудно, должны сидѣть на еще болѣе скудной діетѣ. Наканунѣ Вербнаго Воскресенья крестьяне идутъ въ церковь торжественной процессіей и въ подражаніе вѣзду Христа въ Іерусалимъ, несутъ вѣтви и радостно поютъ. Священникъ кадитъ и окропляетъ вѣтви святой водой и затѣмъ народъ уходитъ, унося свои пальмы по домамъ, гдѣ крестьяне вѣшаютъ ихъ надъ своими постелями, вѣря что это принесетъ добро, отгонитъ злыхъ духовъ и избавитъ отъ лихихъ болѣзней. Рано утромъ въ Вербное Воскресенье бываетъ обѣдня и крестьянская молодежь съ грѣховной радостью отыскиваетъ тѣхъ лѣнтяевъ, которые въ это время спятъ. Обычай позволяетъ сѣчь послѣднихъ вербами и дѣлая это, молодые люди на распѣвъ приговариваютъ: «Верба бьетъ, бьетъ до слезъ. Не я бью, верба бьетъ».

Съ наступленіемъ послѣдней недѣли поста, Страстной недѣли, начинаются приготовленія къ великому празднику Пасхи, приближеніе котораго оказываетъ сильно возбуждающее дѣйствіе на крестьянъ. Въ Великій Четвергъ всѣ церкви въ Россіи полны народа, который слушаетъ службу

съ зажженными свѣчами. Крестьяне тратятъ очень много денегъ на свѣчи; цѣна послѣднихъ, когда онѣ покрыты красивыми украшеніями, доходить до одного-двухъ рублей. Эти свѣчи зажигаются въ Великій Четвергъ и тушатся въ Великую Пятницу; онѣ опять зажигаются въ полночь наканунѣ Пасхи, когда крестьяне толпами ходятъ отъ одной деревни въ другую и въ темнотѣ ночи видны массы движущихся въ различныхъ направленіяхъ огней.

Въ Великую Пятницу выносятся гробъ Спасителя, покрытый плащаницею, на которой написано тѣло Христа съ раной на немъ; въ церковь входятъ и выходятъ изъ нея массы народа; слышатся стоны и рыданія; на лицахъ тѣхъ, которые проталкиваются, чтобы приложиться къ изображенію, написано самое острое горе.

Въ субботу все тихо, какъ въ могилѣ. Въ церкви нѣтъ службы; священники скрываются неизвѣстно гдѣ; всѣ утомились за долгій періодъ поста, всѣ отдыхаютъ, готовятся къ великому празднику.

При приближеніи полночи картина мѣняется: въ церковь приходитъ священникъ и за нимъ толпой устремляется народъ; дѣлается такъ тѣсно, что во время службы нельзя пошевелиться; но воодушевленіе еще не начиналось. Когда бьетъ двѣнадцать часовъ, начинаютъ звонить колокола и золотыя или бронзовыя царскія двери широко растворяются, позволяя видѣть внутренность алтаря

и стоящаго тамъ священника окруженнаго густыми клубами дыма отъ ладана. Мгновенно зажигаются свѣчи, находящіяся передъ образами и въ рукахъ каждаго изъ молящихся, и святое зданіе наполняется свѣтомъ. Внутренность церкви потрясается громкимъ возгласомъ всѣхъ присутствующихъ «Христосъ Воскресъ» и раздается чудная мелодія начинающейся тѣми же словами церковной пѣсни; для того чтобы узнать производимое ею впечатлѣніе, нужно послушать поющихъ хоромъ русскихъ. Съ гроба снимается плащаница, священникъ ходитъ по церкви осяняя золотымъ крестомъ стоящій съ наклоненными головами народъ, въ то время какъ раздается выразительное и трогательное пѣніе хора; молящіеся сильно воодушевляются, какъ бы опьяняются охватившими ихъ чувствами; знакомые и незнакомые, друзья и враги, всѣ обнимаютъ другъ друга. Люди впадаютъ въ экзальтированное состояніе. Повсюду въ церкви можно видѣть крестьянъ стоящихъ на колѣняхъ или, несмотря на ходящихъ мимо нихъ, опустившихъ головы на землю; неистово мечущаяся толпа цѣлуетъ ноги Спасителя на безчисленныхъ иконахъ; наконецъ, со слезами радости на глазахъ, народъ, подобно непреодолимой океанской волнѣ, устремляется къ дверямъ алтаря, гдѣ стоитъ священникъ, готовый благословить и поцѣловать каждаго.

Послѣ этого церковь пустѣетъ, но только затѣмъ, чтобы въ четыре часа утра снова напол-

няться массами крестьянъ, приносящими съ собою тѣ сѣбствныя припасы, которыми они будутъ разговляться послѣ долгаго поста, для того, чтобы священникъ благословилъ послѣдніе. Въ церковь приносятся сахаръ, мука, плоды, творогъ, яйца, масло, такъ что ея видъ напоминаетъ обширный рынокъ, заваленный провизіей. Священникъ обходитъ помѣщеніе и кропитъ во всѣ стороны святой водой; крестьяне горячо просятъ его особо благословить тотъ или другой продуктъ. «Батюшка, ради Бога, благословите мой хлѣбъ,—мое мясо» и т. д. Послѣ этого крестьяне возвращаются домой и вкусивъ того, что оставалось для нихъ запрещеннымъ въ продолженіе семи недѣль (причемъ семь человѣкъ изъ десяти прежде всего разрѣшаютъ себѣ остававшуюся запрещенной водку), они спятъ до разсвѣта. Что происходитъ затѣмъ, можетъ быть названо праздникомъ поцѣлуевъ. Каждый цѣлуетъ cadaго и это происходитъ на протяженіи всей Россіи. Утромъ въ первый день праздника цѣлованіе практикуется въ неописуемо широкихъ размѣрахъ. Люди высшихъ и низшихъ классовъ, бѣдные и богатые, всѣ цѣлуются другъ съ другомъ. Обнимаются и цѣлуются въ этотъ радостный день совершенно незнакомые люди, и никто не можетъ отказать отъ этого.

Выдающуюся роль при празднованіи Пасхи играютъ яйца. Куда вы бы ни взглянули, вы повсюду видите яйцо; въ сосудахъ имѣющихъ форму этого продукта, очень красиво разрисованныхъ и

украшенных лентами, вы можете встрѣтить всевозможные съѣдобные предметы и жидкости. Самое большое яйцо мнѣ пришлось видѣть въ прошедшемъ году, въ одной изъ мѣстностей центральной Россіи. Яйцо было приблизительно такой же величины и такой же формы, какъ девятигалонный боченокъ; оно стояло на табуретѣ и его окружала кучка крестьянъ. Это яйцо было бѣлаго цвѣта и украшено самыми трогательными изображеніями смерти и погребенія Спасителя. Меня очень заинтересовало увидать, что содержалъ этотъ большой сосудъ и узнать, чѣмъ вызвано выраженіе смѣси лицемѣрнаго благоговѣнія и предвкушенія гастрономическаго удовольствія, которое я прочелъ на лицахъ сидящихъ вокругъ яйца крестьянъ. Я не долго оставался въ неизвѣстности. Оболочка яйца была проколота, въ отверстіе вставили трубку и оттуда полилась въ поставленные стаканы водка, настоящій кумиръ русскихъ крестьянъ.

Водка имѣетъ громадное значеніе при празднованіи Пасхи крестьянами.. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ полиція позволила мѣстнымъ землевладѣльцамъ и филантропамъ приблизиться къ крестьянамъ и оказать на нихъ воспитательное вліяніе, замѣчается нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи; существуютъ извѣстныя религіозныя секты, какъ примѣръ раскольники, члены которыхъ не дотрогиваются до кофѣчныхъ напитковъ; но нѣтъ ни

какого сомнѣнія, что мужикъ очень любитъ водку, и хотя эта любовь, съ помощью въ высшей степени похвальныхъ усилій, и можетъ иногда быть подавлена въ продолженіе большей части года, при случаѣ она вспыхиваетъ съ силой, удвоенной вслѣдствіе долгаго воздержанія, и благодаря ей, веселья и сами по себѣ невинныя русскія празднованія превращаются въ разнузданныя оргіи.

Праздникъ Пасхи заканчивается церемоніей благословенія хлѣба: священникъ отламываетъ куски отъ хлѣба, на которомъ помѣщена надпись «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ» и раздаетъ ихъ народу. Куски этого хлѣба бросаются ожидающей толпѣ и велика радость тѣхъ, кому попадается кусокъ съ одной или нѣсколькими буквами изъ первыхъ двухъ словъ надписи: это считается очень большимъ счастьемъ, предзнаменующимъ удачу въ теченіе цѣлаго года; но тѣ, которые получаютъ кусокъ съ буквами изъ послѣднихъ словъ, очень огорчаются, потому что это дурное предзнаменованіе и предвѣщаетъ несчастье для того, кто получилъ такой кусокъ и для его семейства.

Наконецъ, въ первый понедѣльникъ послѣ Пасхи великій праздникъ оканчивается. Этотъ день посвящается окончательному завершенію празднованія, окончательному насыщенію аппетитовъ и страстей тѣхъ, которые еще не удовлетворились въ теченіе недѣли, или какъ говоритъ священникъ «утоленію духовной жажды».

Дѣйствительно, въ этотъ день разгулъ крестьянъ достигаетъ своего апогея. Послѣ него все успокаивается. Однако, въ продолженіе нѣсколькихъ дней все еще чувствуютъ утомленіе послѣ необычайныхъ трудовъ по выполненію религіозныхъ обязанностей и непомѣрнаго объѣданія; можно съ увѣренностью сказать, что наиболѣе пострадавшею частью тѣла крестьянина является его желудокъ. Многіе остаются больными въ продолженіе нѣсколькихъ дней и опубликованныя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ однимъ извѣстнымъ врачомъ статистическія данныя показываютъ, что послѣ празднованія Пасхи смертность между дѣтьми всѣхъ возрастовъ удваивается. Такія послѣдствія и не удивительны, если желудки, которые въ продолженіи семи недѣль оставались почти совершенно пустыми, вдругъ набиваются различными кушаньями и напитками, притомъ независимо отъ возраста и состоянія здоровья ихъ обладателей. Трудно сказать, что слѣдуетъ порицать больше, чрезмѣрное воздержаніе или злоупотребленіе пищей. Важнѣе всего, что отвѣтственной за такое положеніе вещей является Церковь.

Какіе же еще интересные обряды можно наблюдать среди русскихъ крестьянъ? Къ числу послѣднихъ несомнѣнно относятся свадебные и похоронные обряды, а также и обряды, связанные съ крещеніемъ. Безъ описанія ихъ настоящій небольшой трудъ оказался бы неполнымъ.

Обычаи, въ особенности свадебные обычаи, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи различны и я коснусь имѣющихъ мистическое значеніе церемоній, наблюдаемыхъ у русскихъ, литовскихъ, эстонскихъ и украинскихъ крестьянъ; всѣ эти крестьяне въ общемъ являются русскими крестьянами, но различаются между собою по обычаямъ, по происхожденію и по діалекту.

Когда русскій парень достигаетъ восемнадцатилѣтняго возраста, его родители уже начинаютъ думать о женитьбѣ его, «такъ какъ, говорятъ они, время чтобы Иванъ, нашъ дорогой сынъ, привелъ намъ помощницу, новую работницу. Мы должны найти ему жену». Этотъ сынъ, быть можетъ и не имѣетъ особой склонности связать себя брачными узами, но это незначительная подробность; по мнѣнію русскаго крестьянина, въ этомъ дѣлѣ прежде всего нужно думать о приобрѣтеніи рабочей силы, производительной способности. И это вполне естественно, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ и до времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости, т. е. до 1861 г., русскіе помѣщики имѣли обыкновеніе назначать женъ ихъ крестьянамъ также, какъ они надѣляли ихъ земельными участками, и хотя крѣпостное право уже отошло въ область прошедшаго, это обыкновеніе оставило неизгладимый слѣдъ въ душахъ настоящаго поколѣнія и такимъ образомъ и теперь, когда вмѣшательство помѣщика устранено, старый обычай еще держится, нѣсколько измѣнивъ свою форму.

Отецъ восемнадцатилѣтняго парня начинаетъ присматриваться къ деревенскимъ дѣвушкамъ; его опытный глазъ старается найти такую, которая была бы покрѣпче и посильнѣе; какъ бы для облегченія такихъ поисковъ жены и невѣстки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи устраиваются собранія, которыя напоминаютъ рынокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ характеръ кутежа. На нихъ собираются мужчины, женщины, дѣвушки и парни со всѣхъ окрестныхъ деревень; въ продолженіе дня дѣвушки, сопровождаемыя своими матерями и одѣтыя въ свои лучшія платья, гуляютъ взадъ и впередъ по главной улицѣ деревни, въ которой происходитъ торжество; онѣ употребляютъ все искусство увлекать, которымъ Богъ наградилъ женщину и кокетливо посматриваютъ на многочисленныхъ жениховъ, стоящихъ группами вмѣстѣ со своими отцами и смотрящихъ на гулянье. Обильно сыплются не лишенныя остроумія шутки. Со стороны обоихъ половъ раздаются критическія замѣчанія относительно достоинствъ тѣхъ, которые готовятся вступить въ бракъ; многія изъ этихъ замѣчаній, какъ и естественно среди необразованныхъ крестьянъ, идутъ довольно далеко. «Дай-ка посмотрѣть твою ногу Настасья». — «Ты скоро почувствуешь ее на твоей упрямой шеѣ, собачій сынъ», отвѣчаетъ молодая барышня. «Такіе волоса хотѣлъ бы имѣть и я», говоритъ другой, указывая на дѣвушку съ красивыми каштановыми волосами. «Зачѣмъ тебѣ волоса, дуракъ, когда у

тебя нѣтъ головы, чтобы носить ихъ». «Будь моею и я буду беречь тебя», говоритъ третій,—«Ты, говоритъ презрительно глядя на него дѣвушка, да для того, чтобы беречь меня, нужно полдюжины такихъ какъ ты». Таковы шутки, которыми перекидываются молодые люди. Но что удивительнѣе всего, такъ это фактъ, что къ концу дня только очень немногія дѣвушки остаются необрученными. Часто можно видѣть, какъ восемнадцатилѣтній парень, съ выраженіемъ смѣси робости и гордости на лицѣ, беретъ за руку свою только что найденную подругу жизни съ такимъ видомъ, какъ ребенокъ беретъ подаренную ему къ празднику игрушку; она въ это время, какъ предписываетъ обычай, стоитъ притворно застѣнчивой, съ опущенной головой, притворяющейся пораженной своимъ новымъ положеніемъ, къ которому она въ дѣйствительности готовилась и которое она обсуждала въ теченіе предшествовавшихъ трехъ лѣтъ.

Но насколько простирается мой личный опытъ, такой способъ выбирать женъ практикуется только въ Западныхъ губерніяхъ.

Обыкновенно же, когда сынъ достигаетъ такого возраста, въ которомъ нужно думать о женитьбѣ его, послѣдняя подготавливается въ большой тайнѣ. Отецъ ходитъ изъ дома въ домъ своей деревни или окрестныхъ деревень и посѣщаетъ множество матерей, имѣющихъ зрѣлыхъ для брака дочерей. Дочери показываются ему

и онъ смотритъ на ихъ красоту и старается узнать ихъ способности; однако, слѣдуетъ замѣтить, что выбирая жену своему сыну, крестьянинъ обращаетъ очень мало вниманія на красоту. Ему нужна главнымъ образомъ дѣвушка, которая дѣйствительно явилась бы новой рабочей силой, которая могла бы шить, вязать, прясть, готовить, ткать и работать въ полѣ. Если при всемъ этомъ она обладаетъ красивой наружностью, то это счастье молодого человѣка, которому она предназначается. Далѣе, за дѣвушкой должно быть дано приданое въ видѣ коровы, свиньи или овцы, смотря по зажиточности семейства; по этому поводу ведутся очень длинные и сложные переговоры.

Отецъ, найдя дѣвушку, въ которой нужныя ему способности соединены съ красотой такимъ образомъ, что она, по его мнѣнію, подходитъ для его сына, приглашаетъ ея мать тайно посѣтить его избу и при томъ посмотреть на «сокровище», какъ онъ всегда въ такихъ случаяхъ называетъ того, кого онъ оказываетъ честь ея дочери предложить ей въ мужья. Приглашеніе принимается. Назначается день для неофициальныхъ смотринъ и рано утромъ полная нетерпѣнія и любопытства мать приходитъ въ избу своего предполагаемаго зятя; въ продолженіе этого дня, и въ особенности во время обильнаго обѣда, который является его главнымъ событіемъ, она наблюдаетъ парня, въ то время какъ мать послѣдняго и его родствен-

ники усердно расписываютъ ей его удивительныя достоинства. Предполагается, что молодой человѣкъ ничего не знаетъ о начатомъ дѣлѣ и открыто онъ не принимаетъ въ немъ никакого участія. Да и могло ли быть иначе? Онъ не видалъ своей будущей невѣсты, ничего не знаетъ о ней и хотя въ дѣйствительности ему извѣстно значеніе совершающейся процедуры, онъ не вмѣшивается въ дѣло и предоставляетъ другимъ сговариваться и торговаться, такъ какъ онъ не знаетъ, хочетъ ли онъ жениться на дѣвушкѣ, о которой идетъ рѣчь, или нѣтъ и не можетъ повліять на состоявшееся по этому поводу рѣшеніе въ томъ или въ другомъ направленіи.

Прежде всего надо выяснить, нѣтъ ли законныхъ препятствій къ браку въ формѣ кровнаго родства, такъ какъ относящіяся сюда предписанія русской Церкви очень строги. Двоюродныя братья и сестры не могутъ вступать въ бракъ, а если къ этому добавить, что и родство, вытекающее изъ отношеній крестнаго отца и крестной матери считается равнозначнымъ кровному родству, то будетъ ясно, какъ сложны должны быть условія возможности брачной сдѣлки. Я называю это сдѣлкой, потому что въ женитьбѣ русскаго крестьянина чувство не играетъ никакой роли.

Когда соглашеніе достигнуто, мать жениха съ другими женщинами, подъ покровомъ темноты и окольными путями, идетъ къ дому невѣсты. Прибывъ къ нему, она стучится три раза, и ожи-

дающіе этого визита родители дѣвушки отворяютъ дверь и съ притворнымъ любопытствомъ спрашиваютъ посѣтителей, что привело ихъ въ такой часъ. Мать отвѣчаетъ. «Намъ хочется ѣсть». Ихъ любезно приглашаютъ войти и затѣмъ начинаются слѣдующіе переговоры.

Мать жениха говоритъ: «У меня есть сынъ, настоящій силачъ, способный вспахать втрое большее количество земли, чѣмъ кто либо въ деревнѣ. Онъ высокъ и красивъ, и каждая дѣвушка въ деревнѣ хотѣла бы имѣть его своимъ мужемъ; но я слышала стороною, что въ этомъ домѣ есть красивая семнадцатилѣтняя дѣвушка, съ глазами серны, съ золотыми косами русалки и съ бѣлоснѣжной грудью. О ней ходятъ слухи, что она обладаетъ всѣми достоинствами, добра, благочестива и что она родилась, когда свѣтило солнце; далѣе говорятъ, что она можетъ шить, вязать, готовить, ткать, прясть, доить коровъ и работать въ полѣ какъ мужчина. Покажи мнѣ, пожалуйста, эту дѣвушку, такъ какъ я хотѣла бы, чтобы она стала женою моего сына».

Мать дѣвушки отвѣчаетъ, что она не знала, что ея дочь обладаетъ такими достоинствами и что она пошлетъ за ней. За этимъ слѣдуетъ въ высшей степени интересная церемонія.

Для этого случая въ домѣ были собраны десять-двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ выводятъ и показываютъ посѣтителямъ, притворно выдавая ихъ за дочерей хозяйки дома. Отъ нихъ

последовательно отказываются; посетители притворяются очень огорченными и дѣлаютъ видъ, что хотятъ уходить, когда мать невесты говорить: «Подождите, есть еще одна дѣвушка, про которую я забыла; я приведу ее сюда», и быстро исчезнувъ, она вводитъ въ комнату раскраснѣвшуюся дѣвушку. Въ послѣдней тотчасъ же признаютъ ту, которая нужна, и она въ слезахъ, приковывая къ себѣ всеобщее вниманіе, выслушиваетъ извѣстіе о предстоящей ей судьбѣ. Какъ того требуетъ обычай, ея вопли раздаются на весь домъ; между тѣмъ родители уговариваются относительно свадьбы и назначаютъ день для нея. Всю слѣдующую ночь пируютъ, а на слѣдующій день какъ женихъ, такъ и невеста приводятся различными путями въ домъ какого нибудь родственника, гдѣ сквозь замочную скважину или сквозь дверную щель они могутъ мелькомъ взглянуть другъ на друга; долго смотрѣть одинъ на другого имъ нельзя. Разговаривать другъ съ другомъ было бы съ ихъ стороны въ высшей степени неприличнымъ. До самаго дня вѣнчанія женихъ и невеста могутъ только взглянуть другъ на друга сквозь дверь.

Въ этотъ день они врозь приводятся въ церковь. Нерѣдко невеста приводится сюда противъ своей воли, такъ какъ хорошій тонъ требуетъ, чтобы она была взята силою и громко выражала свое глубокое горе; и дѣйствительно, часто бываетъ, что невеста оказываетъ сильное сопроти-

вленіе своимъ подругамъ,—интересный пережитокъ тѣхъ старыхъ дней варварства, когда всякая невѣста обыкновенно увозилась изъ родительскаго дома силою. И теперь невѣста проливаетъ слезы и трогательно и краснорѣчиво умоляетъ позволить ей отсрочить ея выходъ замужъ, остаться свободной отъ брачныхъ узъ.

Но ея жалобы остаются безрезультатными и раскраснѣвшіеся женихъ и невѣста прибываютъ въ церковь, гдѣ на нихъ передъ алтаремъ возлагаются сдѣланные изъ жести и перевитые цвѣтами вѣнцы. Затѣмъ совершается обрядъ вѣнчанія, во время котораго брачующіеся пьютъ изъ одного и того же металлическаго сосуда. Послѣ вѣнчанія невѣсту везутъ въ домъ ея мужа и украшаютъ перьями, платками и лентами.

Изба жениха украшена соломой, вѣтвями сосны и березы и фестонами красныхъ, черныхъ и желтыхъ ягодъ. По приѣздѣ домой, новобрачный даритъ своей женѣ пачку иголокъ и нитки, намекая такимъ образомъ, чего онъ ждетъ отъ нея при ихъ совмѣстной жизни, указывая на ея обязанность шить, вязать и услуживать ему. Она въ свою очередь даритъ ему плетку, въ знакъ своего подчиненія ему какъ полному господину,—опять пережитокъ средневѣковаго варварства, когда женщина думала, что мужъ не любитъ ее, если онъ не наказываетъ ее по самому незначительному поводу.

Мнѣ пришлось видѣть еще одинъ интерес-

ный обычай, который теперь уже не распространенъ по всей Россіи, но котораго еще держатся въ отдаленныхъ частяхъ ея; его стоитъ описать. Новобрачный надѣваетъ свои длинные сапоги, причемъ внизъ одного изъ нихъ онъ кладетъ плетку, а въ другой—деньги. Затѣмъ, призвавъ жену, онъ приказываетъ ей снять одинъ сапогъ. Если она снимаетъ тотъ сапогъ, въ которомъ находится плетка, то ее слѣдуетъ время отъ времени наказывать этой плеткой, и самый фактъ считается признаніемъ съ ея стороны своего долга всю жизнь безусловно подчиняться мужу, какъ своему господину и хозяину. Если, напротивъ, она снимаетъ тотъ сапогъ, въ которомъ находятся деньги, эти деньги она беретъ себѣ и ей предоставляется значительно бѣльшая свобода, чѣмъ если бы она сняла сапогъ съ плеткой. Однако, въ настоящее время этотъ обычай практикуется только по преданію и не имѣетъ значенія. Затѣмъ всегда бываетъ пиръ, во время котораго невѣста плачетъ; за пиромъ раздается пѣніе присутствующихъ замужнихъ женщинъ, которыя заунывно поютъ о радостяхъ молодости и о мученіяхъ и тягостяхъ материнства; это пѣніе смѣняется веселымъ пѣніемъ дѣвушекъ, восхваляющихъ удовольствія и счастье холостой жизни. Мужчины ѣдятъ и пьютъ до того, что перестаютъ понимать происходящее передъ ними. Затѣмъ невѣсту увозятъ въ сани, украшенныхъ пучками перьевъ и весело звенящими колокольчиками. На слѣдующій

*

день происходитъ настоящій свадебный пиръ, за которымъ новобрачный сажаетъ свою жену за столъ противъ себя; молодые въ первый разъ играютъ роли хозяина и хозяйки. Тосты слѣдуютъ за тостами и наконецъ всѣ разъѣзжаются, оставляя новобрачныхъ одними.

Теперь пройдемся по Южной Россіи, по безграничной степи, которая тянется отъ Карпатскихъ горъ и границъ Венгрии до Великой Китайской Стѣны, и проберемся въ Украину. Весною и осенью степь покрыта роскошной травой; зимою она спрятана подъ снѣгомъ, который мѣстами достигаетъ большой глубины, а мѣстами покрываетъ почву только тонкимъ слоемъ; лѣтомъ воздухъ въ степи наполненъ облаками пыли, которая такъ мѣлка, что держится въ воздухѣ даже въ самый тихій день и скорѣе походитъ на паръ, чѣмъ на поднятыя вѣтромъ частицы твердаго вещества. Деревьевъ нѣтъ, что очень замѣчательно при такой богатой почвѣ; по безграничнымъ равнинамъ бродятъ на свободѣ безчисленные стада лошадей и рогатаго скота; кто-то замѣтилъ, что теленокъ могъ бы, пользуясь подножнымъ кормомъ, дойти отъ Карпатскихъ горъ до Китайской Стѣны и пришелъ бы тутъ откормленнымъ быкомъ. Тамъ, гдѣ есть кряжъ холмовъ, достаточно высокихъ, чтобы защитить отъ сѣвернаго вѣтра, который, не встрѣчая препятствій, доходитъ сюда съ береговъ Ледовитаго Океана, характеръ мѣстности мѣняется.

Напримѣръ, въ Крыму, хотя сѣверная часть его имѣетъ столь же суровый климатъ, какъ и степь, на защищенномъ горами южномъ берегу господствуетъ климатъ Италіи; тамъ культивируются виноградъ и оливки такъ же успѣшно, какъ въ Провансѣ. Въ продолженіе долгой зимы въ степи природа какъ бы засыпаетъ, но по бѣлой пустынѣ носятся самыя ужасныя снѣжныя бури, какія только извѣстны на нашей планетѣ.

Русскіе различаютъ три рода снѣжныхъ бурь. Снѣгъ, просто падающій изъ облаковъ, образуетъ то, что называется мятью. Буря, которая поднимается съ земли уже упавшій снѣгъ и носитъ его по воздуху, называется заметомъ; наконецъ бури, во время которыхъ имѣютъ мѣсто оба эти явленія, при которыхъ снѣгъ не только падаетъ изъ облаковъ, но большія массы его подхватываются ужаснымъ вѣтромъ, высоко поднимаются въ воздухъ и носятся могущественнымъ вихремъ по всѣмъ направленіямъ, такія бури называются вьюгами и всѣ боятся ихъ. Никто не осмѣлится быть въ степи во время ужасной вьюги, и тѣ несчастные люди или животныя, которымъ приходится подвергаться ея ужасамъ, рѣдко остаются живыми.

Когда снѣгъ въ степи таетъ, то можно сказать, что началась весна. Степь превращается въ море грязи. Затѣмъ, какъ бы по волшебству, на мѣстѣ этой грязи появляется великолѣпная роскошная трава и поверхность равнины испещряется изящными цвѣтами гіацинтовъ, тюльпановъ и ша-

франа, которые сверкаютъ среди травы и наполняютъ воздухъ своимъ чуднымъ ароматомъ. Одинъ старый писатель говорилъ про эту степь:

Вся земля кажется одѣтой въ цвѣтъ надежды, тогда какъ небо принимаетъ цвѣтъ истины; и хотя пейзажъ, въ которомъ только и есть что голубое небо да зеленая земля, несомнѣнно производитъ впечатлѣніе чего-то монотоннаго, воспоминаніе о суровости миновавшей зимы дѣлаетъ степь весною прекрасной въ глазахъ туземцевъ и заставляетъ любоваться ею иностранцевъ.

Монотонность ландшафта не нарушается ни однимъ холмомъ, и сидящій на хорошей лошади всадникъ могъ бы скакать сотни миль безъ того, чтобы встрѣтить что нибудь, что напомнило бы ему, что онъ удалился отъ мѣста своего отправленія. Онъ могъ бы скакать отъ Венгріи до границъ Кавказа не встрѣтивъ ни одной роицы. Отъ Карпатскихъ горъ и до столицы Монголіи его слухъ ни разу не былъ бы порадованъ журчаніемъ ручья. Трава, трава и трава, ничего кромѣ травы“.

При наступленіи знойнаго лѣта, степь дѣлается еще болѣе невыносимой, чѣмъ африканская Сахара или Южно-Американскія преріи, потому что ни въ одной изъ послѣднихъ влага не исчезаетъ такъ совершенно изъ почвы. Въ африканской пустынѣ судьба всегда посылаетъ путешественнику небольшія лужицы воды, окруженныя кучками финиковыхъ пальмъ и роскошныхъ кустарниковъ; но въ русской степи едва замѣтные ручейки текутъ между травы, а на засохшей, растрескавшейся землѣ не видать даже кактусовъ и алое, сокомъ которыхъ могло бы омочить губы страдающее отъ жажды животное.

Но перейдемъ скорѣе отъ этихъ безводныхъ степей къ Малороссіи и къ Украинѣ и посмотримъ, какъ здѣсь крестьяне женятся и выдаютъ замужъ. Прежде всего намъ нужно пояснить значеніе слова Украина, для того, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о томъ, что такое украинскіе крестьяне.

Въ древности, когда первенствующее Великое Княжество Россіи имѣло своей столицей Кіевъ, вся Малороссія была объединена подъ однимъ скипетромъ. Послѣ паденія стараго княжества, образовалось нѣсколько мелкихъ княжествъ, въ Галиции, во Владимірѣ, въ Черниговѣ. Съ теченіемъ времени эти послѣднія сдѣлались добычей татаръ и поляковъ, въ особенности поляковъ, которые послѣ паденія татарскаго царства постепенно захватили всю Малороссію. Вслѣдствіе притѣсненій со стороны поляковъ, часть малороссовъ, главнымъ образомъ одинокіе молодые люди, способные носить оружіе (казаки), переселились къ устьямъ Днѣстра, Дона и Днѣпра, гдѣ они занимались войной и разбоями, частью за свой страхъ и рискъ и частью будучи нанятыми другими, — татарами, турками, поляками, великороссами.

Эти колоніи казаковъ постепенно распространились по всей степи, на югъ до Волги и Урала, а одна изъ нихъ, предводительствуемая Ермакомъ, завоевала Сибирь. Когда развилось Московское Царство, казаки присоединились къ

нему, и теперь всѣ они входятъ въ составъ Русской Имперіи, за исключеніемъ небольшого количества задунайскихъ казаковъ, продолжающихъ служить падишаху. При тѣхъ царяхъ, которые оттѣснили поляковъ къ западу, много казаковъ были организованы въ полки и поселены на границѣ, или у Краины, для того, чтобы защищать ее. Казачьи поселки превратились въ большіе города, а московское царство вскорѣ расширилось за предѣлы этихъ границъ; но эта длинная полоса Малороссіи и до сихъ поръ еще носить названіе Украины. Кромѣ того, и поляки называли Украиною свои укрѣпленныя противъ турокъ и татаръ границы, такъ-что это названіе стало прилагаться ко всей части страны, лежащей къ югу отъ Кіева. Въ настоящее время большая часть этой страны называется Малороссіей, но имя Украина еще удержалось и имъ называютъ мѣстность, лежащую къ югу отъ Харьковской губерніи, со включеніемъ послѣдней. Дѣйствительно, Харьковъ официально называется «Столицей Украины».

Въ эту страну я и попрошу послѣдовать за мной читателя, чтобы посмотрѣть крестьянскую свадьбу. Передъ вами стоитъ сконфуженная пара: крестьянскій парень и его невѣста, окруженные музыкантами, готовящимися играть свадебную музыку въ теченіе всего дня. Съ музыкантами находится распорядитель церемоній, съ бѣлымъ жезломъ; такой распорядитель бываетъ

всегда при свадьбѣ въ Малороссіи или въ Украинѣ. Всѣ присутствующіе украшены яркими цвѣтами,—гвоздикой, лиліями, астрами; жениха сопровождаетъ красивая дѣвушка, имѣющая въ рукахъ хлѣбъ съ проткнутой въ него саблей,—символь брачной жизни, безъ котораго никогда не обходится крестьянская свадьба.

Этотъ обычай древняго происхожденія; такимъ образомъ женихъ выражалъ своей возлюбленной, что онъ будетъ всегда защищать ее и заботиться объ ея существованіи. Послѣ того какъ соберутся гости и главные участники торжества, вскорѣ слѣдуетъ обѣдъ, во время котораго усиленно играютъ цимбалы, тамбурины, а иногда и балалайки. Послѣ обѣда процессія двигается въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ вѣнчанія.

По выходѣ изъ церкви всѣ начинаютъ плясать; раздается оглушительная музыка, во время которой хоръ присутствующихъ стройно и очень красиво поетъ многочисленныя баллады и старинныя пѣсни, которыми такъ славится Украина.

Наиболѣе распространенный танецъ называется казачекъ и танцуется только одной парой заразъ. Танцоръ выбираетъ себѣ пару и совершаетъ вокругъ нея рядъ движеній, имѣющихъ цѣлю увлечь ее, тогда какъ она, скромно опустивъ голову, нѣкоторое время остается холодной къ его увлекающимъ жестамъ и взглядамъ. Наконецъ она таетъ и начинаетъ совершать движенія, гармо-

нирующія съ высшей степени граціозными движеніями его. Они оба перегибаются и кланяются, движутся въ различныхъ направленіяхъ, сопровождая свои движенія множествомъ красивыхъ жестовъ, въ которыхъ выражаются робость и застѣнчивость, пока наконецъ, вмѣсто того чтобы бросать другъ на друга изъ подъ ихъ длинныхъ рѣсницъ бѣглые, робкіе, полуплачущіе взгляды, полные любви, танцующіе начинаютъ смотрѣть прямо въ лицо другъ друга и въ ихъ глазахъ можно прочесть выраженіе самой горячей взаимной преданности. Танецъ въ высшей степени оживляется и ускоряется; танцующіе вертятся, кружатся, изгибаются и время отъ времени присѣдаютъ, что обыкновенно дѣлаютъ при танцахъ крестьяне во всей Россіи. Наконецъ, они тѣсно обнимаются и кружатся съ необыкновенной быстротой до тѣхъ поръ, покуда, запыхавшись и обезсиливъ отъ этого движенія, они не опускаются на предложенную имъ скамью.

Энтузіазмъ достигаетъ наибольшей силы когда въ танцахъ принимаютъ участіе новобрачные, которые въ свою очередь тоже показываютъ свою ловкость. Наконецъ, всѣ дѣвушки деревни, взявши другъ друга за руки, выполняютъ самый граціозный изъ русскихъ танцевъ, веснянку. Невѣста распоряжается этимъ танцемъ, выкрикиваетъ названія его различныхъ фигуръ, которыя выполняются ея подругами. Танецъ представляетъ собою рядъ сложныхъ движеній; цѣль танцующихъ

то движется по прямой линіи, то изгибается въ ту или другую сторону; дѣвушки то поднимаютъ свои красивыя ноги, то наклоняютъ свои головы такъ что ихъ разноцвѣтные волосы касаются травы, и затѣмъ вдругъ, въ высшей степени красиво и граціозно согнувъ колѣни, присѣдаютъ и поочередно выкидываютъ впередъ то одну, то другую, одѣтую въ цвѣтной чулокъ, изящную ногу, причемъ ихъ яркія красныя, пурпуровыя и зеленныя верхнія и нижнія юбки слегка откидываются и позволяютъ видѣть красивыя икры.

Это веселье продолжается до наступленія ночи, затѣмъ опять слѣдуетъ пиръ, и празднества этимъ заканчиваются.

«Какъ это не похоже на описанную выше русскую свадьбу!» скажетъ читатель. Это правда, но не забудьте, что теперь мы въ южной Россіи, а не на меланхолическомъ Сѣверѣ, и, какъ я уже замѣтилъ выше, Россія есть страна контрастовъ, о которыхъ не могутъ составить себѣ понятія нежившіе въ ней и которые въ значительной степени неизвѣстны даже и самимъ русскимъ ¹⁾).

Теперь я кратко упомяну о свадебныхъ обычаяхъ у эстонскихъ крестьянъ. Молодыя дѣвушки начинаютъ готовиться къ замужеству еще съ ихъ дѣтскаго возраста. Нерѣдко онѣ ткутъ и пря-

¹⁾ Мы выпускаемъ данное авторомъ краткое и несовсѣмъ точное описаніе церковныхъ обрядовъ при совершеніи таинства крещенія. (Прим. перев.).

дутъ въ продолженіе десятка лѣтъ, для того чтобы заготовить себѣ въ приданое достаточное количество чулокъ, платковъ и т. п. Предложеніе дѣлается не самимъ женихомъ, но кѣмъ нибудь изъ его друзей или его родителями, которые, являясь въ домъ невѣсты, приносятъ съ собой пищу и водку. При ихъ приходѣ дѣвушка стыдливо прячется. Близкіе жениха начинаютъ съ того, что приглашаютъ обитателей дома выпить и рассказываютъ исторію о томъ, что они ищутъ какого нибудь пропавшаго ягненка или жеребенка. Если хозяева отказываются отъ приглашенія и говорятъ, что они ничего не знаютъ о пропавшей скотинѣ, то это значитъ, что они отклоняютъ предложеніе. Если же они не прочь принять его, они пьютъ съ пришедшими и позволяютъ имъ поискать у нихъ пропавшаго ягненка. Когда ягненокъ оказывается найденнымъ, пьютъ и невѣста, а черезъ нѣсколько дней ее посѣщаютъ женихъ и приносятъ ей подарки.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста врозь отправляются въ церковь, а затѣмъ ѣдутъ въ домъ невѣсты. При этомъ нѣкоторые изъ присутствующихъ женщинъ выливаютъ на головы лошадей кружки пива и бросаютъ на головы новобрачныхъ нѣсколько ржи. Затѣмъ слѣдуетъ свадебный пиръ, а остальная часть дня посвящается увеселеніямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе замаскированные и переодѣтые. На слѣдующій день новобрачная, вся закутанная въ платки и

одѣяла, ѣдетъ въ домъ своего мужа. За кучера ѣдетъ ея братъ.

Прибывъ къ дому мужа, она садится къ брату на колѣни, а ея мать надѣваетъ на нее головной уборъ и костюмъ женщины. Затѣмъ на ея головной уборъ кладется шляпа ея мужа, которую она послѣдовательно три раза скидываетъ съ головы и которая кладется на нее опять,—эта процедура должна означать, что она протестуетъ противъ главенства мужа, но тѣмъ не менѣе готова мириться съ нимъ. Затѣмъ ее легко ударяютъ по уху, что должно символизировать власть надъ нею мужа. Вечеромъ она танцуетъ по одному разу съ каждымъ изъ гостей и отъ каждого изъ нихъ получаетъ подарокъ; на слѣдующій день молодая жена обходитъ въ сопровожденіи гостей весь домъ и выметаетъ очагъ, что должно означать ея вступленіе въ роль хозяйки.

Отъ свадебъ перейдемъ къ похоронамъ. При погребеніи русскаго крестьянина, печальная процессія родственниковъ, со священникомъ во главѣ, проходитъ по деревнѣ съ пѣніемъ похоронныхъ молитвъ, входитъ въ церковь и затѣмъ окружаетъ могилу, причемъ соблюдаютъ много интересныхъ обычаевъ. Съ покойникомъ кладутся обрѣзки его ногтей, которые должны помочь ему вскарабкаться изъ могилы на небо; для облегченія этого восхожденія, съ нимъ нерѣдко кладется небольшая лѣсенка. Иногда передъ зары-

тіемъ могилы въ нее бросаютъ деньги; въ основаніи этого обычая лежитъ повѣрье, что св. Петръ можетъ и не отпереть воротъ рая безъ платы.

Литовцы встрѣчаютъ смерть съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и ночныя бодрствованія родственниковъ надъ тѣломъ покойнаго напоминаютъ похоронные пиры ирландцевъ; у обоихъ народовъ въ обычаѣ тѣ же плачъ по покойникѣ, пѣніе и питье, та же смѣсь печали и веселья.

Далѣе, литовцы посвящаютъ одинъ день въ году воспоминанію объ умершихъ. Въ этотъ день они устраиваютъ пиръ въ честь мертвыхъ и помѣщаютъ на ихъ могилахъ факелы, для того чтобы освѣтить имъ дорогу на этотъ пиръ; они не работаютъ въ продолженіе всего дня, а остаются вмѣстѣ, сидя на корточкахъ; всякій шумъ, который они при этомъ слышатъ, они приписываютъ духамъ умершихъ.

Что касается до эстонцевъ, то у нихъ языческіе обычаи и церемоніи удержались, повидимому полнѣе, чѣмъ у какого либо другого народа, исповѣдующаго лютеранскую вѣру. Всѣ деревья, холмы, долины, которые считались священными во времена язычества, считаются таковыми и теперь; многія старыя деревья, по ихъ мнѣнію, служатъ мѣстопребываніемъ могущественнымъ духамъ. Эстонцы охотно хоронятъ своихъ покойниковъ вдали отъ христіанскихъ кладбищъ, вдали отъ человѣческихъ жилищъ, въ глубинѣ глухихъ лѣсовъ, въ темнотѣ и мракѣ.

Таковъ русскій крестьянинъ въ своей родной деревнѣ. Мѣняется ли онъ, когда эмигрируетъ въ городъ? Конечно, мѣняется, но уже не такъ значительно. Городская жизнь нѣсколько развиваетъ его, и главная черта его характера, выступающая вслѣдствіе этого добавочнаго воспитанія, есть его хитрость.

Иностранцы всѣхъ національностей всегда склонны связывать съ представленіемъ о русскомъ эпитетъ «плутъ», и русскій торговецъ, т. е. заурядный представитель этого класса, котораго можно встрѣтить на базарахъ и ярмаркахъ, знаетъ, что его считают плутомъ, и поступаетъ въ соответствии съ своей репутаціей. Онъ вовсе не стыдится ея. Если онъ можетъ взять за вещь вчетверо дороже, чѣмъ она стоитъ, онъ возьметъ и при этомъ религіозно перекрестится и поблагодаритъ святого, имя котораго онъ носить. Эта природная склонность къ плутовству, въ соединеніи съ широко распространенной маніей къ пьянству, дѣйствуютъ въ высшей степени принижающимъ образомъ на нравственность русскаго крестьянина, когда онъ попадаетъ въ города; но при всемъ томъ онъ всегда доволенъ и вѣжливъ, и городская жизнь, нѣсколько полируя его, повидимому, почти всегда вмѣстѣ съ тѣмъ является стимуломъ для его сонливой натуры: продавая свои жалкія бездѣлушки и деревянные издѣлія, онъ весь день полонъ веселья и даже остроумія.

Прислушайтесь къ тому, какъ русскій крестья-

нинъ старается уговорить прохожихъ купить у него: «Пожалуйте, купите, купите! Я ужасный мошенникъ, но тѣхъ товаровъ, которые я продаю, вы не найдете ни у кого на рынкѣ. Ха-ха! Вы смѣтаетесь и думаете, что вы понимаете въ нихъ толкъ, но, повѣрьте, я все-таки надую васъ, а вы тѣмъ не менѣе останетесь довольны. Никто не сумѣетъ такъ ловко надуть, какъ я, но я вамъ долженъ понравиться, потому что никто на рынкѣ не сумѣетъ продать пятидесятикопеечную вещь за два рубля, какъ это могу сдѣлать я. Пожалуйте красавица (это говорится съ обворожительной улыбкой, въ которой съ русскими не можетъ сравняться ни одинъ изъ видѣнныхъ мною народовъ), пожалуйста, купите у меня. Я Иванъ, Иванъ Ивановичъ, старый торговецъ, стою здѣсь уже много лѣтъ. Купите какую нибудь игрушку или фруктовъ для вашихъ хорошенькихъ дѣтей. Это англійскіе товары. Въ дѣйствительности, это нѣмецкіе товары, но кто ихъ разберетъ. Вы этого не разберете, а вашимъ знакомымъ нѣтъ до этого дѣла, и такъ купите и отдайте деньги, какъ будто бы это дѣйствительно былъ англійскій товаръ. Вы останетесь довольны, буду доволенъ и я.—Сколько стоятъ эти яблоки и сливы?—Два рубля, и клянусь, я уступаю ихъ такъ дешево только для васъ. Это испанскіе фрукты, настоящіе испанскіе; но это, конечно, неправда, такъ какъ я русскій, а всѣ русскіе врутъ. Ну, такъ тогда не покупайте, идите къ другому и заплатите четыре рубля. Они

стоятъ рубль, а рубль я прибавляю. Если бы вы не были такой красавицей, я сказалъ бы пять рублей. Хорошо, возьмите еще», продолжаетъ онъ и когда «красавица» купила для себя и для дѣтей:—«До свиданья. Такъ. Это были кавказскіе плоды и русскія игрушки, сработанныя на еврейской фабриктѣ въ концѣ улицы. Охъ, эти красавицы! Я нажилъ отъ нея рубль шестьдесятъ копѣекъ. Пожалуйте, пожалуйста, купите у меня; я во весь день ничего не продалъ, добрые господа». Затѣмъ, видя, что приближается благодетель, онъ употребляетъ другой методъ и заискивающимъ голосомъ говоритъ: «Пожалуйте, добрый господинъ; купите ради моихъ голодныхъ дѣтей»,—при этихъ словахъ по его морщинистой, носящей слѣды непогоды, щекѣ дѣйствительно катится слеза. Господинъ покупаетъ, и когда онъ уходитъ, нашъ крестьянинъ-разносчикъ весело смѣется: «Ну, не плутъ ли я! У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которыхъ я долженъ бы былъ кормить, и у меня уже накопленъ цѣлый чулокъ серебряныхъ рублей. Охъ, какой я плутъ, какой я плутъ! и какіе дураки люди!» И такъ онъ продолжаетъ весь день, все время обвиняетъ себя въ плутовствѣ, хорошо зная, что его притворная откровенность только привлекаетъ къ нему людей.

Я далъ этотъ небольшой очеркъ только для того, чтобы показать, что у городского крестьянина смекалка развита значительно больше, чѣмъ у его собрата, пашущаго въ деревнѣ землю. И

съ каждымъ шагомъ по пути улучшенія его положенія въ русскомъ крестьянинѣ открываются новыя качества, которыхъ нельзя было и подозревать въ немъ, видя его въ деревнѣ. Это только показываетъ, что мы совершенно не знаемъ, какія хорошія или дурныя силы скрываются подъ этимъ толстымъ черепомъ. Но хотя въ концѣ этого небольшого произведенія я и сдѣлаю нѣкоторые выводы, моя задача состоитъ не въ томъ-чтобы проникнуть въ будущее, отгадать, что будетъ. Я намѣренъ показать моимъ читателямъ то, что дѣйствительно есть, что можно сказать сегодня, въ настоящій моментъ, о крестьянахъ, населяющихъ деревни Россіи, и я надѣюсь, что этотъ краткій очеркъ далъ возможность познакомиться съ крестьянской жизнью тѣмъ, которые желали этого, и что приведенныя свѣдѣнія пробудятъ въ нихъ интересъ къ жизни, привычкамъ и обычаямъ того страннаго существа, которымъ является русскій крестьянинъ.

Можно предположить, что люди съ такими первобытными и простыми взглядами, какіе описаны мною выше, живутъ и среди такихъ условий, которыя напоминаютъ давно прошедшія времена. И это предположеніе справедливо. Русскіе крестьяне въ настоящее время живутъ въ такихъ условіяхъ, которыя существовали нѣсколько столѣтій тому назадъ. Несмотря на всѣ указы и правительственные циркуляры, позволяющіе одно измѣненіе и декретирующіе другое, несмотря на

всѣ недавніе законы, стремящіеся упразднить общину, принципъ общины, міра, продолжаетъ господствовать, потому что до сихъ поръ мужикъ остается еще слишкомъ невѣжественнымъ для того, чтобы понять, что дѣлается для его добра, и недостаточно интеллигентнымъ для того, чтобы перейти къ другимъ способамъ веденія деревенскаго хозяйства, болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ современной цивилизаціи. Правительство Его Величества Царя можетъ продолжать выпускать цѣлые потоки декретовъ и ученыхъ статей, наполняющихъ колонны «Новаго Времени» и мириады официальныхъ документовъ, скрѣпленныхъ императорскою печатью, мужикъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, никогда даже не узнаетъ объ этихъ декретахъ, такъ какъ онъ не можетъ читать, а мѣстное чиновничество очень хорошо заботится, чтобы онъ не услышалъ о чемъ нибудь, что могло бы заставить его поступать противъ чиновничьихъ интересовъ.

Прежде всего ему должно быть дано образованіе, и покада правительство, вмѣсто того, чтобы воздѣйствовать на него жестокимъ и несправедливымъ образомъ, посредствомъ полиціи и солдатъ, не начнетъ воздѣйствовать въ этомъ направленіи, покада не будетъ кореннымъ образомъ устраненъ бюрократическій режимъ, до тѣхъ поръ девять десятыхъ русскихъ деревень будутъ продолжать держаться этой безнадежно устарѣв-

*

шей общинной системы, о которой я скажу нѣсколько словъ въ другой главѣ.

Здѣсь я коснусь этой организаціи только для того, чтобы дать представленіе о ней. Въ русской деревнѣ въ каждомъ семействѣ есть глава или большакъ, который руководитъ остальными членами его. Онъ рѣшаетъ всѣ чисто семейныя дѣла. Имущество семейства состоитъ изъ дома, огорода, продуктовъ хозяйства, необходимыхъ для земледѣлія орудій, домашнихъ животныхъ, какъ куръ, свиней и т. п.; въ лучшихъ случаяхъ къ этому нужно прибавить крупный скотъ. Изъ главъ семействъ составляется сходъ или община, и послѣдній ежегодно выбираетъ одного, который называется старостой. Сходъ рѣшаетъ всѣ важныя дѣла, касающіяся деревни.

Вся принадлежащая деревнѣ земля дѣлится между крестьянами черезъ правильные или неправильные промежутки времени; при этихъ дѣлежахъ принимается во вниманіе и качество земли, такъ что одна полоса послѣдней, которая можетъ оказаться лучше другой, дѣлится на безконечное число частей, по стольку-то на каждое семейство, сообразно съ его численностью и количествомъ рабочей силы, которой оно располагаетъ, и каждому крестьянину приходится обрабатывать опредѣленную часть ея; но полученный имъ надѣлъ не дѣлается его собственностью въ томъ смыслѣ, который придается этому слову у насъ въ Англіи. Община рѣшаетъ, когда

онъ можетъ пахать землю, сѣять на ней, собирать жатву; безъ согласія міра крестьянинъ не можетъ ни прикупить земли, ни продать ту, которую онъ имѣетъ, ни слать послѣднюю въ аренду. Короче сказать, болѣе интеллигентный крестьянинъ, который захотѣлъ бы улучшить веденіе хозяйства, совершенно лишенъ возможности сдѣлать это. Далѣе, при общинной системѣ, человѣкъ не можетъ оставить деревню, для того ли чтобы зарабатывать себѣ средства къ существованію гдѣ нибудь еще, или по другимъ причинамъ, если на это не согласится всемогущая община. Система имѣетъ и другія особенности, но я остановлюсь на нихъ ниже.

Здѣсь намъ достаточно знать, что такой порядокъ господствуетъ въ двадцатомъ столѣтіи, въ странѣ, занимающей шестую часть земной поверхности; достаточно знать, что умы ста милліоновъ созданныхъ по образу и подобию Божію существъ находятся подъ властью суевѣрія, поддерживаемаго ретрограднымъ духовенствомъ; что невѣжество распространено въ такой степени, которая для цивилизованнаго европейскаго ума является совершенно невѣроятной и заставляетъ тѣхъ, кто, подобно мнѣ, видѣлъ это невѣжество своими глазами, поражаться самой возможностью такого состоянія народа въ двадцатомъ столѣтіи христіанской эры.

Намъ, англичанамъ, нужно вернуться къ XIV или XV столѣтію для того чтобы встрѣтить у

насъ невѣжество подобное тому, въ которомъ теперь коснѣютъ русскія массы; но и наше населеніе того времени, по справедливости, не можетъ быть сравниваемо съ современнымъ населеніемъ Россіи, такъ какъ въ Англіи крѣпостного права благодаря Богу никогда не было и слѣдовательно его послѣдствія не отразились на умахъ и характерахъ, на привычкахъ и обычаяхъ нашихъ свободныхъ сельскохозяйственныхъ и городскихъ рабочихъ, тогда какъ эти послѣдствія и теперь еще видны на русскомъ крестьянинѣ.

Но какъ же такое положеніе вещей можетъ продолжаться до сихъ поръ? Почему же въ то время, какъ весь остальной міръ, на сѣверѣ, на югѣ, на западѣ, на востокѣ постоянно, медленно, но неуклонно, подвигался впередъ,—Россія стояла на мѣстѣ или двигалась назадъ, двигается назадъ и теперь, несмотря на то, что народъ желаетъ болѣе соотвѣтствующаго цивилизаціи положенія дѣлъ? Реакція теперь еще реальнѣе, чѣмъ она была ранѣе. Въ многочисленныхъ городахъ, на пространствахъ всей русской имперіи, дѣйствуютъ законы военного времени; свобода личности неизвѣстна, и тѣхъ, которые хотѣли бы просвѣтить и образовать русскаго крестьянина, арестуютъ, подвергаютъ тѣлесному наказанію, а во многихъ случаяхъ изгоняютъ, разлучаютъ съ домомъ и семьей.

Почему это? Какъ это *можетъ быть* въ настоящее время, въ 1907 г.

Для того чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ нужно вернуться къ прошлому, къ сѣдой старинѣ. Тамъ должны быть причины того, что эта страна остается въ сторонѣ отъ цивилизаціи и прогресса, что она допустила, чтобы ея крестьянство, ея жизненный нервъ, погрязло и коснѣло въ самомъ темномъ невѣжествѣ, такъ что въ настоящее время русскія деревни являются какъ бы археологическими оазисами въ мірѣ культуры, цивилизаціи и умственного развитія, а русскіе крестьяне—древними людьми, живущими въ своемъ особомъ мірѣ и на столѣтія отставшими отъ времени.

ГЛАВА П.

Исторія.

Да, русскій мужикъ дѣйствительно человѣкъ древности. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ нужно возвратиться къ забытому прошлому, послушать, что говоритъ исторія о происхожденіи населенія современныхъ русскихъ деревень, а если бы этого оказалось недостаточно, то отправиться съ заступомъ, киркой и лопатой на окружающія Черное море долины Южной Россіи, въ страну древнихъ кургановъ, которыми здѣсь мѣстами усѣяна неплодная почва.

Только немного времени тому назадъ, въ керченской губерніи, на Югѣ Россіи, рабочіе, которые по порученію правительства разрывали одинъ изъ этихъ громадныхъ кургановъ, доставая оттуда камни для постройки бараконъ, натолкнулись на древнюю гробницу. Они вошли въ нее и увидали передъ собой древнихъ короля и королеву, лежащихъ на парадномъ одрѣ.

Королевская чета лежала въ деревянныхъ гробахъ подъ балдахиномъ, на высокой эстрадѣ.

Шапка короля была украшена двумя лентами; на его шеѣ была массивная золотая цѣпь; его руки были покрыты золотыми кольцами. Рядомъ съ нимъ лежало его королевское вооруженіе,—его мечъ съ золотой рукояткой, его золотой скипетръ, массивный золотой щитъ и золотой налучникъ. На головѣ его королевы была подобная же шапка, съ красивыми золотыми застѣжками. Ея статная шея была украшена золотыми кольцами и изящными золотыми медальонами. Король и королева были обернуты однимъ покрываломъ, украшеннымъ золотыми бляхами. Вокругъ нихъ находилось множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, музыкальный инструментъ, пять статуэтокъ, кости одного придворнаго и кости лошади.

Я хочу обратить вниманіе на одинъ изъ этихъ сосудовъ, на прекрасной работы вазу, на которой со всѣмъ искусствомъ древнихъ греческихъ мастеровъ изображены фигуры солдатъ, перевязывающихъ свои раны послѣ жестокой битвы. У этихъ солдатъ одежда, лица, прическа и борода совершенно тѣ же, что и у крестьянъ настоящаго времени. Ихъ длинные волосы, ихъ спускающіяся до груди бороды, покрывающія ихъ тѣла, не доходящія до колѣнъ одежды (столь короткія несомнѣнно для того, чтобы не стѣснять нужную имъ на войнѣ свободу движеній), которая перепоясаны въ талии и замѣчательно похожи на овчинные полушубки, длинные сапоги, въ которые заправлены шаровары,—однимъ словомъ

всѣ особенности ихъ костюма и ихъ фizioномій напоминають мужика, какимъ мы видимъ его въ 1907 г. по Р. Х.

Кто же были эти король и королева, погребенные съ такой роскошью, окруженные сосудами, на которыхъ вѣрно воспроизведены черты лицъ и одежда современныхъ крестьянъ?

Описанія гробницъ скиѣскихъ королевъ, данныя намъ Геродотомъ, почти тождественны съ описаніемъ, которое я привелъ выше. Кэнонъ Роулинсонъ, разсуждая о вышеописанной гробницѣ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Геродоту, говоритъ, что она относится къ 400—350 до Р. Х., что на ней ясно видно вліяніе греческаго мастерства, но что выполненіе имѣетъ чисто скиѣскій характеръ. Профессоръ Морфилль заключаетъ, что гробница по всей вѣроятности принадлежитъ одному изъ тѣхъ скиѣскихъ королевъ, которые съ 438 по Р. Х. держали подъ своей властью грековъ Пантикапеи.

Кто же были эти скиѣ? Геродотъ разсказываетъ намъ, что въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. греки основали колоніи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и что еще далѣе по направленію къ сѣверу жили массы варваровъ, которыхъ греки безъ разбору называли именемъ скиѣовъ. Морфилль говоритъ: «Изъ этихъ скиѣовъ, по крайней мѣрѣ два племени,—будины и невры,—были славяне; но нельзя, какъ это дѣлають Самоковъ и другіе, отождествлять всю скиѣскую расу со славянами». Но что мы можемъ утверждать

съ достовѣрностью, такъ это то, что типы, которые можно видѣть на вышеупомянутыхъ вазахъ, показываютъ, что эти люди навѣрно не были монголами, какъ хотѣлъ бы насъ увѣрить Гиппократъ, но были арійцами. Далѣе мы знаемъ, что эта раса воевала и торговала съ древними греками и заключала съ ними договоры; что это была могущественная, воинственная кочевая раса крупнаго калибра, успѣшно сопротивлявшаяся сильнымъ и хорошо обученнымъ легіонамъ Дарія Гистаспа. Эти народы поклонялись обнаженному мечу, при чемъ они кропили его человѣческой кровью; они пили кровь своихъ первыхъ жертвъ на войнѣ, скальпировали послѣднихъ и сохраняли ихъ черепа; при смерти ихъ королей, они совершали самые ужасные похоронные обряды, между которыми можно упомянуть о поголовномъ убійствѣ рабовъ и животныхъ.

Геродотъ дѣлитъ скиеовъ на три группы; по его словамъ, одна изъ этихъ группъ,—царскіе скиеы, — занимала первенствующее положеніе, правила своими болѣе слабыми братьями.

Были и другіе народы, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть, потому что они оказали вліяніе на русскую исторію и имѣютъ отношеніе къ происхожденію народовъ, населяющихъ современную Россію.

Изъ этихъ народовъ упомянемъ объ одѣтыхъ въ черное меланхленахъ; объ носящихъ золотыя украшенія и имѣющихъ общихъ женъ агатирсахъ;

объ исседонахъ, которые торжественно поѣдали своихъ умершихъ родителей; объ аримаспахъ, имѣвшихъ только по одному глазу; о гипербореяхъ, жившихъ въ странѣ, въ которой круглый годъ шелъ снѣгъ; о гриффонахъ, тирегетахъ, массагетахъ и андрофагахъ, которые жили исключительно охотой. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ эмигрировали на западъ и теперь принадлежатъ къ великой германской расѣ; другіе остаются въ Восточной Европѣ и называются литовцами, славянами и турками.

Специалисты отождествляютъ меланхленовъ съ эстонцами, андрофаговъ съ самоѣдами, аримасповъ съ валахами, массагетовъ съ башкирами, гриффионовъ съ монголами, тогда какъ агатирсы, по всей вѣроятности суть, козары.

Мы должны допустить, что эти разнообразныя народы жили между собою такъ мирно, какъ только могутъ жить варвары, и что это продолжалось до четвертаго столѣтія нашей эры, когда на мѣстѣ древней Скиѣи готы основали обширную имперію, которая въ свою очередь была разрушена ужасными гуннами Атиллы; когда послѣдніе были разсѣяны, ихъ мѣсто заняли различные народы,—турки, финны, авары, болгары, мадьяры, козары и т. д., т. е. въ сущности говоря, различныя вѣтви древней скиѣской націи.

Изъ этой конгломерациі выдѣлились славяне, предшественники современныхъ русскихъ. О нихъ говорятъ греческіе историки. Славяне вооружен-

ной рукой оспаривали власть римлянъ на востокъ. Первый русскій историкъ, Несторъ, въ двѣнадцатомъ столѣтіи даетъ намъ подробности относительно географическаго распредѣленія, за два предшествовавшихъ столѣтія, племень, которыя образовали отдѣльную отъ прочихъ славянъ группу и получили съ тѣхъ поръ названіе русскихъ славянъ *pag excellence*.

Въ эту эпоху русскіе славяне мало отличались отъ польскихъ славянъ. Куликъ полагаетъ, что если русскіе и поляки, несмотря на общность ихъ происхожденія, до нашихъ дней остались двумя соперничающими народами, изъ поколѣнія въ поколѣніе полными непримиримой вражды другъ къ другу, то это произошло потому, что они были покорены народами двухъ различныхъ расъ, стали приверженцами двухъ различныхъ вѣроисповѣданій,—византійскаго и римскаго, подверглись вліянію двухъ противоположныхъ цивилизацій,—греческой и латинской, и усвоили себѣ двѣ различныя литературы и двѣ азбуки.

Славяне, сформированные ляхами, присоединившіеся къ Римской Церкви и жившіе подъ вліяніемъ запада, сдѣлались поляками; славяне, сформированные варягами, присоединились къ Греческой Церкви, подверглись вліянію Византіи и стали русскими; но что касается до коренного населенія, то какъ на берегахъ Вислы, такъ и на берегахъ Днѣпра, оно принадлежало къ одной и той же расѣ, держалось тѣхъ же традицій и

того же язычества и говорило почти на одномъ и томъ же языкѣ. Родство между русскимъ и польскимъ нарѣчіями, переходными ступенями между которыми являются нарѣчія Бѣлой и Красной Руси и Малороссіи, служить достаточнымъ доказательствомъ первобытнаго братства этихъ народовъ, забытаго вслѣдствіе соперничества между Церквами и борьбы между правительствами.

Прежде чѣмъ завладѣть частями страны, лежащими къ сѣверу и къ востоку, славяне должны были бороться съ летто-литовцами, финнами и турками. Первые изъ нихъ принадлежали къ семейству арійцевъ, но отличались отъ германской и славянской расъ; отъ нихъ произошло населеніе Литвы и Курляндіи.

Финны были предками финскихъ народовъ, которые теперь населяютъ Ливонію, Финляндію, Эстляндію, Лапландію. Пермяки, зыряне, самоѣды, черемиссы, чуваша, валахи, башкиры и мордва, все это отпрыски финской расы, всѣ они существуютъ и въ настоящее время и разсѣяны незначительными группами по областямъ, которыя въ девятомъ столѣтіи они населяли сплошными массами.

Дѣйствительно, чуждъ и другіе финны представляютъ собою первобытныхъ жителей страны; они образуютъ этнографическій субстратъ, на которомъ была построена современная Россія. Въ основѣ религіи первобытныхъ русскихъ лежало

поклоненіе природѣ и ея явленіямъ; русскіе почитали Дагъ-бога,—бога Солнца; Стрибога,—бога Вѣтра; Морину, богиню Смерти. Въ ихъ древнихъ гимнахъ говорится о герояхъ и духахъ, какъ о Морозѣ, богѣ, который олицетворяетъ ужасный зимній холодъ; о Бабѣ Ягѣ,—имѣющей ужасный видъ и размѣры людоедки, живущей въ лѣсахъ, и о другихъ добрыхъ и злыхъ духахъ, и между ними о тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ предшествующей главѣ; эти духи устояли противъ разрушительнаго дѣйствія времени и теперь они проявляютъ свою дурную власть надъ несчастнымъ населеніемъ такъ же, какъ это было въ далекомъ, мрачномъ прошломъ, много вѣковъ тому назадъ.

Среди этого населенія были распространены въ высшей степени варварскіе обычаи. Жены отказывались переживать своихъ мужей и сжигали себя живыми на ихъ похоронныхъ кострахъ. Несторъ, перечисляя особенности этихъ людей, констатируетъ, что они жили какъ животныя и что мужчины и женщины стремились только къ скотскимъ удовольствіямъ. Повсюду была распространена полигамія; женщинъ захватывали самые сильные и уводили силой, обычаемъ, слѣды котораго, какъ я упомянулъ выше, мы находимъ и въ брачныхъ обрядахъ, распространенныхъ въ настоящее время между русскими крестьянами; даже въ это отдаленное время мы имѣемъ доказательства существованія того близкаго къ

общинному устройству деревенской жизни, которое съ нѣкоторыми усовершенствованіями существуетъ и до настоящаго времени.

Проходятъ вѣка и вѣчно враждующіе между собою русскіе славяне рѣшаютъ поискать короля, который былъ бы достоинъ царствовать надъ ними.

Въ 862 г. по Р. Х. они обратились къ Рюрику, этому потомку смѣлыхъ варяжскихъ викинговъ, жившихъ на скандинавскихъ фьёрдахъ, съ покорной просьбой придти съ своими храбрыми пиратами и завладѣть русской землей. Онъ согласился исполнить эту просьбу; прибывъ съ большой силой, онъ поселился къ югу отъ Ладожскаго озера, на разстояніи небольшого числа лигъ отъ того мѣста, гдѣ теперь расположенъ Петербургъ, и построилъ городъ, который онъ назвалъ Новгородомъ. Послѣ него царствовалъ его братъ Олегъ, который основалъ Кіевъ, сказавъ о немъ, что «се буди мати градамъ русьскимъ». Затѣмъ онъ покорилъ всѣ другія вѣтви славянской расы и объединилъ подъ своей властью весь русскій народъ.

Происхожденіе слова «Россія» нѣсколько неясно. Лютитпрандъ (Luitprand) говоритъ: «Graeci vocant Russos... nos vero Normannos». Нѣкоторые полагаютъ, что древняя Русь имѣла свою твердыню въ Швеціи и указываютъ тамъ пунктъ, мѣстное названіе котораго—Рослогъ. Въ настоящее время финны называютъ шведовъ «руци», но въ высшей степени невѣроятно, чтобы слово «Россія» за-

родилось въ Швеціи; оно съ очень давнихъ поръ употреблялось въ части страны, лежащей у Днѣпра. Выраженія—прийти изъ Руси, идти въ Русь, встрѣчаются въ очень древнихъ памятникахъ и здѣсь слово «Русь» означаетъ страну, имѣющую столицей Кіевъ. Очень вѣроятно, что названіе произошло отъ славянскаго слова «разсѣять» и выражало привычку древнихъ русскихъ къ номадной жизни. Олегъ заключилъ два договора съ греками, тексты которыхъ сохранилъ намъ Несторъ; въ этихъ документахъ словомъ «Русь» означается населеніе Россіи.

Но каково бы ни было происхожденіе этого слова, во всякомъ случаѣ намъ подробно извѣстна исторія русскаго крестьянства, начиная съ этого времени; мы знаемъ, что его варварство было нѣсколько сглажено вслѣдствіе соприкосновенія съ другой варварскою націей, съ тѣми викингами, которые давали о себѣ знать даже Англіи. Олегъ умираетъ, и Несторъ, добросовѣстный лѣтописецъ событій, происходившихъ въ древней Россіи, даетъ намъ описаніе его смерти:

„И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не вседати на нь, бѣ бо въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ: „Отъ чего ми естъ умерети“? И рече ему кудесникъ одинъ: „княже! конь, его же любиши и ѣдиши на немъ, отъ того ти умерети“. Олегъ же примъ въ умъ, си рече: „николиже всяду на нь, ни вижу его боле того“; и повелѣ кормити и не водити его къ нему, и пребы

нѣсколько лѣтъ не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему къ Киеву и пребывшю 4 лѣта, на пятой лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умерети, и призва старейшину конюхомъ, рече: „кое есть конь мѣй, егоже бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „умерлъ есть“. Олегъ же посѣѣся и увори кудесника, река: „то ти неправо глаголютъ волсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ“. И повелѣ оседлати конь: „а то вижю кости его“. И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ (черепъ) голъ, и сѣде съ коня, посмеяся рече: „отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?“ и вѣступи ногою на лобъ, и выникнувши змиа изо лба и уклону въ ногу, и съ того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и сего дни, словеть могила Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ княжения его 33“.

Первые лучи свѣта вѣры проникли въ Россію со вступленіемъ на престолъ Ольги. Несторъ пишетъ:

„Си бысть предътекущая (предвѣстница) крестьянъ-стѣй земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ чловѣцѣхъ свѣтящеса“.

Это красивое описаніе добродѣтелей Ольги относится къ ея путешествію въ Константинополь, или Царьградъ, какъ называютъ этотъ городъ русскіе, гдѣ она приняла христіанство; Владиміръ въ 968 г. по Р. Х. не только самъ перешелъ въ христіанство, но вмѣстѣ съ тѣмъ побудилъ креститься и свой народъ. Гдѣ же былъ въ эти

времена нашъ крестьянинъ? Обособились ли уже крестьяне въ отдѣльный классъ?

Да. Къ тому, что можетъ быть названо высшими классами, относились правящіе князья, ихъ дружины, т. е. соотвѣтствующіе западнымъ баронамъ бояре, мужи и наконецъ свободные люди, называвшіеся просто людьми. Къ низшимъ классамъ принадлежали крестьяне, называвшіеся смердами (отъ слова смердить) и мужиками; это послѣднее названіе представляетъ собою презрительно уменьшительное производное отъ слова мужи. Ниже крестьянъ стояли собственно рабы, — военнопленные, купленные господиномъ или родившіеся въ его владѣніяхъ. Дѣйствительно, война была главнымъ занятіемъ славянъ. Лѣтопись рассказываетъ намъ, что когда русскіе начинали войну съ какимъ нибудь народомъ, они прекращали ее только послѣ полного опустошенія его страны: женщинъ они брали въ плѣнъ, мужчинъ дѣлали рабами.

Владиміру наследовалъ Ярославъ, который далъ Россіи ея первый сводъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ «Русская Правда»; копіи этого свода сохранились и до настоящаго времени и изъ нихъ мы видимъ, что поединки и Судъ Божій были очень распространенными способами рѣшенія споровъ. Правосудіе отправлялось обѣзжающими подвѣдомственные имъ провинціи судьями и существовала такса штрафовъ за преступленія противъ личности, по которой размѣръ

штрафа стоялъ въ зависимости отъ общественнаго положенія потерпѣвшаго. Такъ, за убійство боярина былъ назначенъ штрафъ въ восемьдесятъ гривенъ (гривна равнялась стоимости фунта серебра). Цѣна жизни свободного русскаго чело-вѣка равнялась сорока гривнамъ, а жизнь женщины цѣнилась только въ двадцать гривенъ. За ударъ кулакомъ, или ножнами или рукояткой меча, за выбитіе зуба или за тасканіе мужчины за бороду штрафъ былъ назначенъ въ двѣнадцать гривенъ; за ударъ дубиной полагался штрафъ въ три гривны.

Князья слѣдовали за князьями и въ положеніи Россіи не происходило особыхъ перемѣнъ. Въ 1113 году вступилъ на тронъ Владиміръ Мономахъ, который представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ онъ былъ женатъ на Гитѣ, дочери англійскаго короля Гарольда, убитаго въ битвѣ при Гастингсѣ.

Въ эти дни Россія, какъ это ни кажется страннымъ, стояла на одномъ уровнѣ съ остальной Европой; но съ этого времени она постепенно отстаетъ на пути къ прогрессу отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Мы, англичане, не имѣли дальнѣйшихъ сношеній съ Россіей до царствованія Эдуарда VI; браки между членами царствующихъ домовъ не повторялись до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ сыновей Викторіи не сталъ супругомъ дочери Александра II.

До насъ дошли литературныя произведенія

Владимира Мономаха, за которыми слѣдуетъ признать незаурядныя достоинства. Я привожу одно мѣсто изъ даннаго имъ описанія своихъ обычныхъ занятій въ тѣ отдаленные дни.

Упомянувъ о томъ, что онъ сдѣлалъ 83 похода и заключилъ 19 договоровъ съ половецкими князьями, Владиміръ продолжаетъ:

„А се в Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикихъ своимъ руками связалъ есмь, въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того же по Роси ѣзда ималъ есмь своимъ руками тѣже кони дикиѣ. Тура (зубръ) мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ и другой рога болъ, вепрь ми на бедрѣ мечъ оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада (потникъ подъ сѣдломъ) укусилъ, лютый звѣрь (волкъ) скочилъ ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже; и Богъ невредена мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и ногѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своимъ то я творилъ есмь і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыхъ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь приаиралъ“.

„Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати. ни отъ звѣри, но мужское дѣло творите, како вы Богъ подасть... Боже блюдоень лептѣесть чѣловѣчьскаго“.

Такъ пишетъ старый славянскій король, и когда мы читаемъ его, передъ нашими глазами какъ бы воскресаетъ жизнь этихъ давно прошедшихъ дней. Это были самые счастливые дни Россіи. Въ скорости ей предстояло пережить очень дурное время, подвергнуться испытаніямъ, подобныхъ которымъ не знала ни одна страна въ мірѣ; въ скорости она должна была почувствовать надъ собою тяжелую руку угнетателя и угнетеніе выразилось въ такомъ множествѣ разнообразныхъ формъ, что его неизгладимыя послѣдствія замѣтны еще на русскомъ народѣ нашего времени; кромѣ того, ей вскорѣ предстояло увидать у себя наступленія періода рабства, отъ котораго она страдаетъ даже и въ наши дни. Бѣдная, несчастная Россія, едва начала она дѣлать первые неувѣренные шаги, чтобы удалиться отъ мрака варварства, какъ въ XIII-мъ столѣтіи къ ней явился ужасный посѣтитель, который держалъ ее въ порабощеніи въ продолженіе двухсотъ пятидесяти лѣтъ, погубилъ показавшіеся въ ней ростки прогресса, потушилъ вспыхнувшія искры просвѣщенія, повергъ ее къ своимъ стопамъ угнетателя и оставилъ ее покрытой тяжкими ранами, отъ которыхъ она никогда не оправилась, которыя ей никогда не удалось залѣчить.

Монгольское вторженіе,—я говорю о немъ,—разразилось надъ Россіей въ 1224 г. какъ ударъ грома.

Чингизъ-Ханъ, послѣ тяжелой, продолжавшейся

сорокъ лѣтъ борьбы, объединилъ орды монголовъ въ одинъ народъ, завоевалъ Маньчжурію, Сѣверный Китай, Туркестанъ, Бухару и пересѣкши долины Азіи, дошелъ до Крыма. Его генералъ, Чепе, стремясь заслужить славу и похвалы своего господина, обошелъ Каспійское море по его сѣвернымъ берегамъ, прошелъ по Грузіи и Кавказу и перейдя русскія степи, напалъ на половцевъ. Для того, чтобы отразить это нападеніе, послѣдніе стали искать союза со своими наслѣдственными врагами, русскими; наиболѣе значительные русскіе князья соединились съ ними и дали татарамъ большое сраженіе на берегу рѣки Калки, впадающей въ Азовское море. Русскіе понесли большія потери и были разбиты; началось татарское владычество.

«Богъ предалъ ихъ въ мои руки», — писалъ варваръ-генералъ своему господину, ужасному Чингизу. Ничто не можетъ быть вѣрнѣ этого. Цвѣтушій русскій народъ сдѣлался вассаломъ варваровъ, которымъ онъ сталъ платить ежегодную дань и подавляющія массы которыхъ часто приходили въ его страну, грабили его города, убивали жителей и заставляли его князей униженно простираться у ногъ побѣдителей.

Моимъ читателямъ навѣрно будетъ интересно получить краткія свѣдѣнія о томъ, что вытерпѣла Россія во время этихъ столѣтій рабства, такъ какъ для того, чтобы сколько нибудь понять положеніе Россіи въ настоящее время, понять характеръ

русского народа и открыть причину его низкого нравственного уровня и его умственной темноты, необходимо выяснить влияние вторжения татаръ, рѣшить вопросъ о томъ, насколько условія жизни современнаго крестьянина являются послѣдствіями татарскаго владычества.

Итакъ, взглянемъ мелькомъ, какъ жили русскіе подъ татарскимъ владычествомъ. Каждый русскій князь, при своемъ восшествіи на престолъ, долженъ былъ совершить путешествіе на Дальній Востокъ, для того чтобы воздать почести и выразить свою покорность царствующему хану. Всѣ сколько нибудь важныя рѣшенія князей должны были представляться на утвержденіе хана или одного изъ его генераловъ.

Посѣщая станъ своихъ татарскихъ сюзереновъ, русскіе, къ своему ужасу, иногда видѣли тамъ не только монголовъ и тибетцевъ, но и пословъ калифа Багдадскаго, римскаго папы и даже французскаго короля. Ганъ Карпинъ, посолъ Иннокентія IV, описываетъ дворъ Батия-Хана на Волгѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ блестящъ и громаденъ. Армія этого генерала состоитъ изъ 600.000 человекъ, изъ которыхъ 150.000 татары и 450.000 иностранцы, на половину христіане и на половину невѣрные». И это былъ дворъ только главнаго генерала великаго хана!

Дворъ самого великаго хана былъ несравненно великолѣпнѣе и при немъ состояло еще большее число придворныхъ; къ этому двору и должны

были являться несчастные русскіе правители, въ качествѣ смиренныхъ просителей, дрожащихъ за свои головы и очень часто дѣйствительно теряющихъ ихъ тамъ. Покоренный народъ долженъ былъ платить поголовную подать, которая тяжело ложилась какъ на бѣдныхъ, такъ и на богатыхъ, такъ какъ татарскіе чиновники, облагавшіе этой податью, опредѣляли сумму платежа каждого по его достатку. Если, по ихъ мнѣнію, оказывалось, что въ какомъ нибудь году русскіе заплатили меньше, чѣмъ они могли, свѣдѣніе объ этомъ посылалось въ Орду, и Россія немедленно опустошалась огнемъ и мечемъ. Кромѣ дани деньгами и товарами, побѣжденные должны были поставлять побѣдителямъ извѣстный контингентъ войскъ. Далѣе, народъ не могъ имѣть своимъ княземъ того, кто не получилъ отъ великаго хана ярлыка,—патента, облакающаго его властью. Для того, чтобы увидать, какіе слѣды такое униженіе оставило въ душѣ русскаго народа, достаточно обратиться къ лѣтописямъ древняго города Новгорода, жители котораго были самыми гордыми сынами русской земли. Новгородцы выбрали себѣ въ князя Михаила, но узнавъ, что онъ не получилъ согласія татарскаго варвара, они отвергли его со словами: «Правда, мы выбрали Михаила но при условіи, что онъ представитъ намъ ярлыкъ»!

Ни одно русское княжество не могло начать войны безъ согласія татарина, и дѣйствительно,

Россія какъ цѣлое не могла осуществить ни одного изъ своихъ желаній, предварительно не заручившись согласіемъ Орды. Для моихъ читателей не будутъ лишены интереса нѣкоторые выводы относительно результатовъ, которые имѣлъ этотъ періодъ вассальной зависимости. Какія послѣдствія этой зависимости замѣтны на народѣ въ настоящее время? Въ короткихъ словахъ, господство монголовъ воспитало въ Россіи приверженность къ самодержавію; оно явилось непосредственной причиной самодержавія и косвеннымъ образомъ повело ко введенію крѣпостного права. Такимъ образомъ, оно объясняетъ происхожденіе этихъ двухъ институтовъ, которые едва ли принесли Россіи что нибудь, кромѣ вреда.

Далѣе, татарское владычество удалило Россію отъ Запада, и такимъ образомъ явилось помѣхой цивилизаціи, прогрессу; оно поставило страну въ зависимость отъ восточнаго государства, сдѣлало ее вассальнымъ владѣніемъ варваровъ. Татарское иго оказало несомнѣнное вліяніе на характеръ народа; раболѣпная покорность не можетъ содѣйствовать образованію свободнаго, прямого, смѣлаго и независимаго характера. Въ человѣкѣ, у котораго скованы руки и ноги, душа и тѣло, не можетъ развиваться сильный характеръ; въ немъ разовьются хитрость, склонность къ интригамъ, скрытность. Великій русскій историкъ, Карамзинъ, говоритъ: «Московскіе князья выпрашивали скромнаго титула *раба* хана, для того, чтобы самимъ

сдѣлаться могущественными монархами». Такимъ образомъ, между мелкими русскими правителями интриги слѣдовали за интригами; князья не брезговали ничѣмъ для того, чтобы заслужить улыбку и благосклонность великаго хана. Вслѣдствіе этого одинъ князь былъ врагомъ другого, одинъ народъ шелъ на другой, и коварные татарскіе ханы предательски поддерживали такое положеніе вещей, которое и породило между русскими и теперь еще столь бросающееся въ глаза недовѣріе одного человѣка къ другому. Между тѣмъ, покровительство, оказываемое ханомъ тому или другому изъ русскихъ князей, постепенно привело къ тому, что одинъ изъ послѣднихъ пріобрѣлъ преобладающее положеніе между другими правителями. Сэръ Дональдъ Мекэнзи Уоллесь говоритъ: «Первые московскіе цари были потомками не русскихъ князей, а татарскихъ хановъ». Наконецъ, должно быть отмѣчено еще одно послѣдствіе татарскаго господства, и далеко не самое незначительное. Благодаря татарскому игу, могущество Церкви усилилось, такъ какъ татары, хотя они и были варварами, относились съ большимъ почитаніемъ къ религіознымъ церемоніямъ и во многихъ случаяхъ торжественно присутствовали на празднованіи русскими Пасхи.

Такимъ образомъ татарское нашествіе, въ конечномъ итогѣ, принесло невѣроятное количество вреда. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что не будь этого нашествія, Россія и русскіе

были бы совершенно другими, чѣмъ мы ихъ видимъ теперь; въ продолженіе этихъ ужасныхъ двухсотъ пятидесяти лѣтъ перемѣнился характеръ всего народа; пріобрѣтенные этимъ характеромъ признаки вырожденія подготовили народъ къ тому сокрушительному удару, который должно было принести съ собою шестнадцатое столѣтіе.

Въ это время и началось медленное но непрерывное изготовленіе оковъ для русскаго крестьянина, да и для всего русскаго народа; съ этого времени мы и видимъ, какъ одно за другимъ выковывались звенья цѣпи рабства, покуда наконецъ, что бы ни говорили настоящіе защитники Россіи, страна превратилась въ ни что иное, какъ въ страну рабовъ.

Наступило шестнадцатое столѣтіе и христіанскій міръ наполнился несогласіями и спорами. Куда бы вы ни взглянули, повсюду вы видите раздоры, возмущеніе, угнетеніе, жестокость,—братъ идетъ на брата, отецъ на дѣтей, націи дѣлятся на враждующія между собою партіи,—все это вызывается различіемъ во мнѣніяхъ, порожденнымъ пробуждающимся во всемъ мірѣ сознаніемъ,—во мнѣніяхъ, касающихся величайшихъ изъ великихъ вопросовъ, вопросовъ о религіи, о воспитаніи, о прогрессѣ, о просвѣщеніи, о цивилизации и о правахъ человѣка. Въ христіанскомъ мірѣ прогремѣли имена Лютера, Уайтклиффа, Кальвина; открыта Америка; введено книгопечатаніе; въ Англіи царствуютъ Тюдоры, въ Испаніи Ферди-

нандъ и Изабелла и во Франціи Людовикъ XI; всѣ западные народы великой бѣлой расы, подобно всесокрушающей волнѣ, несутся по пути прогресса, но Россія остается погруженной во мракъ, незнающей этихъ великихъ событій и совершенно незатронутой ими,—она больше всего заботится о томъ, чтобы сохранить свое существованіе; всѣ ея мысли направлены на то, какъ бы не погибнуть подъ гнетомъ варваровъ.

25 августа 1539 г. родился оставившій по себѣ дурную память московскій князь Иванъ Грозный, деспотъ, дьявольскія дѣла котораго навсегда останутся несмываемымъ пятномъ позора на исторіи Россіи. Въ 1543 г., когда ему было 13 лѣтъ, Иванъ началъ проявлять свой характеръ, приказавъ убить тѣхъ, которые заботились о немъ во время его малолѣтства и Россія уже ощущала неописуемый ужасъ передъ тѣмъ, что ей готовило будущее при правленіи князя, по своей жестокости превосходившаго Нерона и поступавшаго со своими соотечественниками, какъ со врагами.

Основанная въ 1147 г. Москва была теперь столицей княжества, которое занимало первенствующее положеніе, и Иванъ называлъ себя «царемъ всея Россіи». Господство татаръ съ каждымъ годомъ ослабѣвало, но Россія подпадала подъ иго, въ десять худшее татарскаго.

Присмотримся нѣсколько къ жизни Ивана, такъ какъ исторія его жизни тѣсно связана съ

исторіей Россіи, и въ особенности съ исторіей русскихъ крестьянъ.

Иванъ короновался въ 1547 г. и вскорѣ затѣмъ вступилъ въ бракъ. Въ обширномъ зданіи въ Москвѣ были собраны тысяча пятьсотъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ страны и Иванъ, въ сопровожденіи одного придворнаго, ходилъ по комнатамъ этого зданія, пылливо присматриваясь къ тѣлосложенію и лицамъ ожидающихъ дѣвушекъ. Его выборъ палъ на Анастасію Кошкину, ставшую только первой изъ того десятка женъ, которыя украшали собой царское ложе; но женитьба на прекрасной женщинѣ не могла переменить природу этого человѣка. Жестокость была его склонностью, его первой любовью, была необходима ему, какъ пища. Онъ имѣлъ обыкновеніе носиться въ сопровожденіи шайки своихъ кровожадныхъ слугъ, называемыхъ опричниками, по деревнямъ и селамъ и совершать тамъ такіа преступленія, которыя могли быть порождены только его воображеніемъ,—мужчины убивались, женщины насиловались, дѣти прокалывались копьями; затѣмъ этотъ врагъ народа возвращался въ свой дворецъ и предавался со своими мирмидонами самымъ отвратительнымъ оргіямъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами.

Иванъ заподозрилъ городъ Новгородъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1570 г. въ серединѣ зимы, царь прошелъ нѣсколько сотъ миль, на которые отстоялъ этотъ городъ, опустошая

при этомъ всѣ лежащія близъ его пути мѣстности. По его прибытіи въ городъ, онъ велѣлъ захватить священниковъ и дьяконовъ, всѣхъ монастырей и посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ ихъ день и ночь били палками. Затѣмъ отъ нихъ потребовали, чтобы они внесли извѣстную сумму денегъ, для того, чтобы быть отпущенными на свободу. Тѣхъ, которые не могли сдѣлать этого, ждала ужасная судьба.

6 января каждый священникъ или монахъ, оставшійся въ тюрьмѣ, былъ засѣченъ на смерть. Затѣмъ были заключены въ тюрьму остальные духовныя лица и между ними архіепископъ.

Теперь началась оргія дьявольскихъ преступленій. Горожанъ, которыхъ приводили къ Ивану сотнями, жарили на медленномъ огнѣ, затѣмъ, по прекращеніи этой пытки ихъ сѣкли и топили. Окровавленныхъ, еле дышащихъ ихъ привязывали къ санямъ, везли къ проруби и бросали въ рѣку, причемъ дѣтей привязывали къ матерямъ и топили вмѣстѣ съ послѣдними.

Эти избіенія продолжались пять недѣль и «Первая Псковская Хроника» опредѣляетъ число жертвъ въ 60.000. До насъ дошелъ документъ, оставленный самимъ монархомъ, въ которомъ онъ по своему обыкновенію перечисляетъ своихъ главныхъ жертвъ. Онъ имѣлъ привычку разсылать списки ихъ по монастырямъ, требуя, чтобы монахи молились за души погибшихъ.

Что касается до Новгорода, то списокъ по-

гибшихъ лицъ знатнаго происхожденія, сохранивъ шійся въ Кирилловскомъ монастырѣ, содержитъ 1500 именъ. Другихъ,—крестьянъ, конечно никто не считалъ. Присмотритесь къ страницамъ этого позорнаго документа. За именами жертвъ слѣдуютъ такія подробности, какъ «съ его женой», «съ его женой и дѣтьми», «съ его дочерьми» и т. д. до безконечности.

По предположенію моварха, въ Москвѣ скрывались сообщники измѣны Новгорода, и потому Москва должна была понести наказаніе. 25 іюня 1570 г. на Красной площади древняго города стояли въ цѣпяхъ триста его несчастныхъ гражданъ. Иванъ появился со всею пышностью, но, къ его огорченію, на площади не было зрителей; народъ, подобно испуганнымъ крысамъ, разбѣжался по самымъ отдаленнымъ частямъ города, гдѣ люди сидѣли, не помня себя отъ страха. На площади были всѣ орудія пытки,—жаровни, раскаленные до красна щипцы, бочки смолы, желѣзные клещи, веревки, предназначенныя къ тому, чтобы перерѣзать человѣческія тѣла, большія котлы съ кипяткомъ,—все это тамъ было, но не было народа.

Пришедшій въ бѣшенство Иванъ приказалъ опричникамъ выгнать пораженныхъ ужасомъ гражданъ изъ мѣстъ, въ которыхъ они скрывались, и пригнать ихъ къ мѣсту пытки. Это было выполнено, и когда такимъ образомъ было собрано нѣсколько тысячъ народа, забава началась. Дьякъ

Висковатый былъ повѣшенъ за ноги и разрѣзанъ на куски. Казначей Фуникова обрызгивали попеременно то холодной водой, то кипяткомъ, «покуда съ него слѣзла кожа, какъ съ угря» (Guagnino). Его жену, которая не могла сказать, гдѣ было скрыто богатство ея мужа, стегали кнутами и затѣмъ въ присутствіи дочери посадили верхомъ на веревку протянутую между двумя крючками и двигали по этой веревкѣ назадъ и впередъ, покуда несчастная умерла. Англичанинъ де Горсей утверждаетъ, что онъ видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ, князь Борисъ Телепневъ, былъ посаженъ на колъ и мучился на немъ въ продолженіе пятнадцати часовъ, тогда какъ передъ его глазами солдаты насиловали его родную мать.

Одерборнъ (Oderborn, Ioannis Basilidis vita. Vitebsk, 1585) даетъ слѣдующее описаніе разрушенія нѣмецкаго пригорода Москвы:

„Молодые дѣвушки насиловались и умерщвлялись на глазахъ Ивана, который самъ принималъ участіе въ избиеніи, прокалывая жертвы своимъ охотничьимъ копьемъ. Многихъ женщинъ сѣкли до крови; имъ вырывали ногти, а когда онѣ Христомъ Богомъ просили о пощадѣ, чудовище приказывало вырывать имъ языки. Наконецъ ихъ убивали, вонзая въ ихъ тѣла раскаленные до красна копыя. Одинъ только Филиппъ, благородный московскій митрополитъ, не боялся гнѣва монарха. Однажды въ воскресенье (31 мая 1568) Иванъ пришелъ въ Успенскій соборъ и просилъ благословенія великаго пастыря, но Филиппъ молчалъ. Три раза царь требовалъ, чтобы онъ заговорилъ, но бесполезно. Наконецъ, когда

его стали упрекать бояре, митрополитъ нарушилъ, молчаніе и громовымъ голосомъ сталъ облачать монарха, перечисляя всѣ его преступленія и упоминая о его дикихъ оргіяхъ. „Молчи!“ приказалъ раздраженный Иванъ. „Если бы *живыя* души стали молчать“, сказалъ митрополитъ, „то заговорили бы самые камни церковнаго зданія и стали бы вопіять противъ тебя“. „Молчи! вотъ все, что я имѣю сказать тебѣ и дай мнѣ твое благословеніе“, сказалъ царь. „Мое молчаніе ложится грѣхомъ на мою душу и призываетъ на твою голову смерть“. „Молчи! Мои подданные, мои родственники возстаютъ противъ меня,— не продолжай возставать вмѣстѣ съ ними и ты, или сложи твой санъ“. „Я никогда не просилъ у тебя этого сана. Зачѣмъ ты призвалъ меня изъ моего уединенія? Это повлекло за собой неизбѣжныя послѣдствія: Филиппъ былъ подвергнутъ позорному суду, на которомъ епископы Новгорода, Суздаля и Рязани выступили въ качествѣ свидѣтелей, и безстрашный митрополитъ былъ осужденъ и умерщвленъ. Иванъ не щадилъ и своихъ собственныхъ родственниковъ: въ числѣ его жертвъ была его невѣстка, и наконецъ, онъ увѣнчалъ свои дьявольскія дѣла тѣмъ, что убилъ копьемъ своего собственнаго сына“.

Дѣла продолжали оставаться въ такомъ положеніи; между тѣмъ мы видимъ, что Россія расширяетъ свои владѣнія, побѣждаетъ татаръ и возбуждаетъ интересъ народовъ запада. Наша собственная королева Елизавета очень хотѣла поближе узнать эту необыкновенную страну и нерѣдко обращалась къ Ивану съ посланіями, которыя передавались ему специальными посланниками.

Англійскій купецъ Антонъ Дженкинсонъ оставилъ намъ описаніе двора Ивана:

„Царь обѣдалъ въ прекрасномъ залѣ, посреди котораго находилось очень изящное четырехугольное возвышеніе; вокругъ послѣдняго были разставлены различные столы. Близъ царя сидѣли его братъ, его дядя, митрополитъ, молодой казанскій царь; по одной сторонѣ отъ него сидѣли его дворяне. Въ обѣдѣ принимали участіе различные послы и другіе иностранцы какъ христіане, такъ и язычники, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Всего въ этомъ залѣ обѣдало около 600 человѣкъ; кромѣ того, въ другихъ залахъ обѣдали 2.000 человѣкъ татарскихъ военныхъ, только что прибывшихъ, чтобы сдаться царю, и принятыхъ на службу къ нему. Я былъ посаженъ за небольшимъ столомъ, прямо противъ царя и со мной вмѣстѣ не сидѣло ни одного иностранца. Послѣ того, какъ я занялъ указанное мнѣ мѣсто, царь нѣсколько разъ собственноручно присылалъ мнѣ кубки вина и меда, а также и кушанья; все это приносилъ мнѣ князь и мой столъ былъ весь покрытъ золотомъ и серебромъ; на другихъ столахъ тоже были поставлены усыпанные камнями золотые кубки, изъ которыхъ каждый могъ стоить 400 фунтовъ стерлинговъ; на столахъ была и другая золотая и серебряная посуда. Какъ царю, такъ и всѣмъ обѣдающимъ прислуживали князья; когда обѣдъ кончился, царь позвалъ меня по имени и изъ своихъ рукъ далъ мнѣ вина. Послѣ этого я отправился къ себѣ домой“.

Такой роскошью окружалъ свой дворъ Иванъ Грозный, въ то время какъ крестьяне ютились въ убогихъ лачугахъ и наступалъ голодъ, такъ

*

какъ въ это время Россія терпѣла отъ ряда ужасныхъ неурожаевъ. Вызываемыя этими лишеніями страданія народа Иванъ, какъ мы видѣли, увеличивалъ своими ужасными пытками. Для защиты страны онъ держалъ многочисленную постоянную армію и посредствомъ системы самаго вопіющаго вымогательства заставлялъ своихъ несчастныхъ подданныхъ нести расходы на ея содержаніе. Для того, чтобы увеличить свои доходы, Иванъ устроилъ кабаки для продажи водки; исключительно въ нихъ крестьяне и должны были ходить, чтобы напиваться алкоголемъ и тратить свои заработки. Уже Владиміръ сказалъ: «Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти».

Въ лѣтописи того времени (1551) мы читаемъ, что наканунѣ церковныхъ праздниковъ мужчины и женщины, молодые люди и дѣвушки проводили ночь въ какомъ нибудь глухомъ мѣстѣ, гдѣ они плясали, пѣли и предавались всевозможнымъ чувственнымъ излишествамъ; далѣе лѣтопись говоритъ слѣдующее: «При наступленіи разсвѣта, они какъ сумасшедшіе бѣжали къ рѣкѣ, гдѣ они купались всѣ вмѣстѣ, а когда раздавался благовѣстъ къ заутренѣ, они возвращались къ себѣ домой и падали тамъ какъ мертвые отъ истощенія».

Я отсылаю моихъ читателей къ данному въ предшествующей главѣ описанію празднованія масляницы, для того чтобы они сами могли сдѣлать сравненіе и судить, насколько мужикъ ушелъ впередъ съ того времени.

Что же представляло собой крестьянство въ то время? Въ Россіи были собственно крестьяне, или очень мелкіе фермеры, которые, покуда они платили государственные и общинные налоги, могли свободно распоряжаться своей собственностью. За ними слѣдовали земледѣльческіе рабочіе и наконецъ рабы, вербовавшіеся, какъ сказано выше, изъ военнопленныхъ и т. п.

Собственно крестьяне отличались отъ земледѣльческихъ рабочихъ тѣмъ, что первые имѣли въ своемъ владѣніи или пользованіи землю, причемъ они по древнему обычаю, держались общинной системы. Нѣкоторые общины жили на своей собственной землѣ, другіе поселились на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ или монастырямъ. Самое важное при этомъ то, что тогда крестьянинъ былъ свободнымъ, его свобода признавалась закономъ. Его личность считалась свободной, онъ могъ свободно перемѣнять свое мѣсто-жительство, могъ покупать землю, могъ переселиться съ одного мѣста на другое.

Могъ переселяться! Въ этомъ и кроется одна изъ основныхъ причинъ того всеобщаго закрѣпощенія, которое съ этого времени стало осуществляться медленно, но неуклонно. Обыкновенно за это закрѣпощеніе порицаютъ Бориса Годунова, наслѣдника Ивана; на самомъ же дѣлѣ, это нововведеніе съ такимъ же правомъ можно приписать одному Борису Годунову, какъ и королевъ Викторіи. Оно явилось послѣдствіемъ по-

литическихъ и экономическихъ причинъ, вліяніе которыхъ въ этой варварской странѣ оказалось непреодолимо сильнымъ, и Россія почти незамѣтно очутилась подъ ярмомъ крѣпостного права,—нѣтъ, рабства,—въ то время, когда остальная Европа только что начала освобождаться отъ цѣпей феодализма. По мѣрѣ того, какъ протекало шестнадцатое столѣтіе, въ Россіи имя «Свобода» теряло всякое значеніе. Князья и бояре, купцы и народъ, а болѣе всего крестьяне утратили всякую любовь къ свободѣ. Какъ дворяне, такъ и мужики подавали царю прошенія, въ которыхъ они подписывались «твой рабъ». И совершенно такъ же, какъ дворяне были рабами и орудіями царя, крестьяне были рабами дворянъ и землевладѣльцевъ. Иванъ настолько унижилъ гордую аристократію князей крови Рюрика, что она потеряла всякое самоуваженіе; и для того чтобы прекратить продолженіе дворянскихъ родовъ, главамъ самыхъ знатныхъ семей было запрещено вступать въ бракъ.

Война—дорогая роскошь и потому налоги были чрезвычайно тяжки, а крестьяне не только страдали отъ того, что они должны были снабжать деньгами дворянъ, которые въ свою очередь должны были давать денегъ царю, но въ безчисленномъ количествѣ случаевъ у крестьянъ отнимали ихъ землю и имущество и отдавали это отставнымъ солдатамъ. Когда въ шестнадцатомъ столѣтіи крестьянамъ стало не по силамъ

переносить угнетеніе, они начали эмигрировать къ востоку,—это было ихъ послѣднимъ средствомъ и послѣднимъ шагомъ передъ закрѣпощеніемъ! Мы видѣли, что всѣ налоги ложились на землю; вслѣдствіе этого, кто нибудь долженъ былъ обрабатывать ее. Съ того, кто имѣлъ всѣхъ больше земли, брали и всего больше налога; слѣдовательно, кто имѣлъ всѣхъ больше земли—долженъ былъ имѣть и всѣхъ больше работниковъ. Такимъ образомъ тѣ, которые были всѣхъ богаче или могущественнѣе, привлекали къ себѣ крестьянъ отъ болѣе слабыхъ землевладѣльцевъ. Тогда община начала отказывать крестьянамъ въ разрѣшеніи эмигрировать или переселяться изъ одной деревни въ другую, а землевладѣльцы стали прибѣгать къ силѣ и пользоваться придуманными ими формальными требованіями закона. Крестьянинъ, приходившій работать къ землевладѣльцу, только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣлъ необходимыя для работы орудія или капиталъ, на который онъ могъ бы питаться до наступленія времени ближайшей жатвы. А потому онъ занималъ и благодаря этой задолженности, попадалъ въ тиски рабства. Почитайте законы относительно должниковъ: всякій, имѣвшій долги, будетъ благодарить Бога, что онъ не живетъ въ Россіи того времени.

Несостоятельнаго должника привязывали голымъ къ столбу на площади и били три раза въ день. Это продолжалось тридцать дней; затѣмъ, если не находилось охотниковъ заплатить за него,

онъ могъ быть проданъ въ рабство; если никто не хотѣлъ купить его, онъ дѣлался рабомъ кредитора. Совершившій воровство могъ быть повѣшенъ, посаженъ на колъ, потопленъ въ проруби или застрѣленъ до смерти. Женщину, убившую своего мужа, хоронили живой; дворянинъ, убившій крестьянина, долженъ былъ платить штрафъ; но крестьянинъ, убившій дворянина, подвергался смертной казни посредствомъ всевозможныхъ медленныхъ пытокъ.

Такимъ образомъ русскій народъ, благодаря ужасной пустынности своей страны, ея обширности и малонаселенности, а также и благодаря неблагоприятному климату, мѣшавшему населенію сноситься между собою, ослабъ вслѣдствіе своей разобщенности, сталъ легковѣрнымъ, полнымъ слѣпой покорности Церкви и преданности суетнымъ обрядамъ; въ дѣйствительности онъ впалъ въ рабство еще до воцаренія Бориса Годунова.

Крестьяне считали своей обязанностью при встрѣчѣ съ дворяниномъ,—помѣщикомъ, какъ его называли,—оборачиваться къ нему спиною, для того, чтобы не смотрѣть въ лицо столь высокаго существа, и падать передъ нимъ ницъ. Джайльсъ Флетчеръ рассказываетъ намъ, что на протяженіи ста миль вокругъ Москвы было безчисленное количество деревень, всѣ жители которыхъ разбѣжались отъ царя и его дворянъ. Если дворянинъ совершалъ убійство чловѣка своего круга, онъ могъ переложить наказаніе за него на од-

ного изъ своихъ крестьянъ, и дѣлалъ это. Иногда казнились двое изъ послѣднихъ и въ этихъ случаяхъ наказаніе считалось совершенно отбытымъ: на дѣло смотрѣли такъ, что отъ помѣщика какъ будто бы были отняты два самыхъ цѣнныхъ предмета изъ его имущества; на то, что при этомъ губили человѣческую жизнь, не обращали вниманія. ¹⁾)

Далѣе существовало постановленіе, что за преступленіе одного крестьянина должны быть одинаково съ нимъ наказаны всѣ члены его семейства.

¹⁾ Указомъ 1625 было постановлено, что если помѣщикъ или лицо, за дѣйствія котораго онъ отвѣчаетъ, убьетъ чужого крестьянина, то „изъ его помѣстья взять лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, которыя дѣти живутъ съ нимъ вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ и со всѣми животы, и отдать тому помѣщику, у кого крестьянина убили, во крестьяне, а въ долгу отказывать; а жену того убитаго крестьянина и съ дѣтьми и съ животами, у того помѣщика, у котораго крестьянина убили, не отнимати, а тѣхъ убойцовъ, кто крестьянина убилъ.. метати въ тюрьму до Государева указа“.

Указомъ 1628 г. кредиторамъ неисправнаго должника—землевладѣльца было предоставлено право обращать взысканіе не на имѣніе должника, которое должно было оставаться неприкосновеннымъ, потому что съ него отбывалась служба, но на прикрѣпленныхъ къ имѣнію крестьянъ. Долгъ землевладѣльца взыскивался на его холопахъ и крестьянахъ, см. Энгельманъ.—Исторія крѣпостного права въ Россіи. Стр. 71 и сл.

Прим. перев.

Распространеніе принциповъ деспотизма во всѣхъ классахъ общества, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ, видно изъ того, что въ своей избѣ крестьянинъ былъ такимъ же самодержцемъ, какъ царь на тронѣ. Существовалъ законъ, позволявшій отцамъ продавать своихъ дѣтей, такъ что послѣднія дѣйствительно рождались рабами.

Женщины въ глазахъ всѣхъ русскихъ были то же, что собаки; онѣ жили въ такомъ же варварскомъ рабствѣ, въ какомъ онѣ живутъ въ странахъ Востока. Джайльсъ Флетчеръ говоритъ: «Грубое и жестокое обращеніе высшихъ классовъ съ народомъ вело къ тому, что люди обращались грубо и жестоко съ себѣ равными, и въ особенности съ низшими».

Прежде всего, въ крестьянскихъ семействахъ, какъ и въ семействахъ всѣхъ классовъ во всей Россіи, низшимъ существомъ считалась женщина. Въ Россію обильно проникали византійскіе взгляды. Русскіе того времени замѣтили и заучили афоризмъ Солона, что «мудрецъ благодаритъ боговъ за то, что онъ грекъ а не варваръ, человекъ а не животное, мужчина а не женщина» и поступали согласно ему. Россія вполне провела въ жизнь ту родившуюся на Востокѣ мысль, которая выражается въ утвержденіи, что «женщина есть сѣть для уловленія мужчинъ. Она околдовываетъ своимъ яснымъ лицомъ и прекрасными глазами. Что такое женщина?—гнѣздо ехид-

нино». И съ несчастной женщиной шестнадцатаго столѣтія обращались какъ со змѣей; ее презирали какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ.

Принимая во вниманіе все это, не трудно понять, что переходъ отъ номинальной свободы къ дѣйствительному крѣпостному состоянію совершился очень легко.

Какъ же было сковано послѣднее звено легкой на народъ цѣпи?

Царь награждалъ землей тѣхъ, которые служили ему; но въ дѣйствительности цѣнность земли зависѣла отъ числа душъ (такъ называлась единица рабочей силы), которыя обрабатывали ее. Въ самомъ дѣлѣ, цѣнность *опредѣлялась* въ душахъ. Дворянину могло быть пожаловано столько-то душъ, на примѣръ имѣніе съ сотней крестьянскихъ семей. Представьте себѣ, что пятьдесятъ изъ этихъ семей переселялись къ сосѣднему землевладѣльцу или уходили въ отдаленную мѣстность; въ этомъ случаѣ цѣнность дара уменьшалась на пятьдесятъ процентовъ и настолько же понижалась способность дворянина выполнять возложенныя на него обязанности. Тогда Царь и помѣщики рѣшили: «Господствующая теперь система, при которой крестьянинъ свободенъ и можетъ переселяться куда онъ хочетъ, невозможна». Такимъ образомъ, дѣло дошло до того, что съ традиціей и закономъ никто болѣе не считался. Началось господство *права*

сильнаго. Послѣдовало то, что и должно было послѣдовать. Чтобы узаконить беззаконіе, нуженъ былъ только законъ.

Когда послѣ Ивана на престолъ вступилъ Борисъ Годуновъ, то онъ и замкнулъ лежащую на народѣ цѣпь крѣпостного права, сковалъ послѣднее звено этой цѣпи въ формѣ его знаменитаго указа, запрещающаго переселеніе; этотъ указъ привязывалъ крестьянина къ землѣ и къ его деревнѣ, ставилъ его въ такое положеніе, въ которомъ онъ фактически и легально становился рабомъ.

За царствованіями Ивана и Бориса Годунова послѣдовалъ бурный періодъ междоусобной войны, вызванной тѣмъ, что тронъ былъ захваченъ самозванцемъ и другіе самозванцы тоже хотѣли захватить его. Это несчастное положеніе вещей продолжалось до вступленія на тронъ перваго Романова, который въ 1613 г. былъ выбранъ царемъ единодушнымъ желаніемъ народа. Онъ и рядъ послѣдовавшихъ за нимъ подобныхъ же ничтожествъ только царствовали,—это все, что можно сказать о правителяхъ, позволившихъ вихрю реакціи раздавить ту волну прогресса, которая была произведена имѣвшимъ мѣсто во вторую половину царствованія Ивана и въ царствованіе Бориса притокомъ иностранцевъ съ Запада; и Россія постоянно двигалась назадъ, покуда въ 1682 г. на престолъ вступилъ Великій Петръ.

Этотъ удивительный человѣкъ тотчасъ же

взялся за проведеніе радикальныхъ,—слишкомъ радикальныхъ,—реформъ. Его главной мыслью было упорядочить всѣ отрасли управленія въ его обширной имперіи, или скорѣе создать отрасли управленія по образцу существующихъ въ Западныхъ государствахъ.

Къ несчастію для Россіи, его выборъ палъ на нѣмецкую систему, и въ странѣ была создана временно оказавшаяся ей полезной и затѣмъ ставшая ея постояннымъ проклятіемъ бюрократія.

Я скажу нѣсколько словъ объ этой системѣ въ моей послѣдней главѣ, и потому не буду касаться ея здѣсь; замѣчу только, что она оказалась проклятіемъ для Россіи; если и признать, что первоначально эта система внесла временный и въ высшей степени искусственный порядокъ въ запутанное управленіе дѣлами имперіи, то за этимъ исключеніемъ, ея вліяніе сводится къ тому, что она порождала въ несчастной странѣ испорченность и реакцію.

Петръ встрѣтилъ на своемъ пути гигантскія препятствія, преодолѣть которыя могъ только гений и самодержецъ. Онъ направилъ свою желѣзную волю и свое могущество на безпощадное осуществленіе того, что онъ признавалъ благомъ для своего народа. На каждой страницѣ его указовъ мы читаемъ, что неповинующимся имъ грозятъ кнутъ и смерть. Онъ создавалъ школы; онъ откинулъ славянскую азбуку,—у него были типографскіе станки, вывезенные изъ

Голландіи; онъ основывалъ госпитали и всевозможныя общества. Но ни одна изъ этихъ реформъ не достигала крестьянъ. Его крупныя реформы въ военномъ дѣлѣ и въ гражданскомъ управленіи требовали денегъ, которыя и доставлялись трудомъ крестьянъ. Онъ замѣнилъ налогъ на хозяйства налогомъ на души и слилъ въ одну массу различные классы крестьянства, такъ что всѣ крестьяне оказались принадлежащими къ одной опредѣленной категоріи, — къ категоріи рабовъ. На помѣщиковъ была возложена отвѣтственность за платежъ ихъ крестьянами подушныхъ и такимъ образомъ вскорѣ стало закономъ, что несчастные крестьяне, за которыхъ несли отвѣтственность помѣщики, стали принадлежать послѣднимъ какъ товары и скотъ.

Всѣ крѣпостные должны были принадлежать къ общинѣ и община была сдѣлана отвѣтственной передъ землевладѣльцемъ за слѣдуемые съ нихъ налоги. Вслѣдствіе этого, многіе крѣпостные стали убѣгать, но Петръ жестоко сѣкъ бѣглецовъ и ссылалъ ихъ на рудники; помѣщикамъ тоже была предоставлена власть за какой нибудь проступокъ, безъ всякаго суда, ссылатъ своихъ крѣпостныхъ на рудники на всю жизнь. Петръ умеръ и мы не будемъ останавливаться на тѣхъ посредственностяхъ, которыя занимали русскій тронъ до тѣхъ поръ, покуда на сценѣ появилась Екатерина II.

За тридцать четыре года своего царствованія,

эта замѣчательная женщина, своими выдающимися способностями, своими хорошими и дурными дѣлами и своими обширными проектами реформъ, создала себѣ такую репутацію, которая не умретъ до тѣхъ поръ, покуда будетъ жить русскій народъ; но несмотря на это, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ея царствованіе угнетеніе крестьянъ достигло наивысшей степени. Однако, едва ли нужно прибавлять, что это обстоятельство не можетъ быть приписано цѣликомъ Екатеринѣ. Такое ухудшеніе положенія крестьянъ было обусловлено экономическими причинами и событіями многихъ десятилѣтій, предшествовавшихъ ея царствованію; и несмотря на всѣ усилія Екатерины реформировать ея страну, буквально ничего не было сдѣлано для русскаго крестьянина, положеніе котораго постоянно ухудшалось.

На крѣпостныхъ теперь смотрѣли какъ на полную собственность ихъ господъ: ихъ дарили, покупали, и продавали десятками, сотнями, тысячами, по одиночкѣ или цѣлыми семействами. Въ одномъ изъ своихъ указовъ Петръ заявилъ:

„Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего немалый вопль бываетъ;—и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно

того будетъ вовсе пресѣчь, то бѣ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь.

Но въ царствованіе Екатерины на этотъ указъ не обращали вниманія. Крестьянинъ стоялъ внѣ закона; на него стали смотрѣть какъ на животное и обращались съ нимъ соотвѣтственно этому.

Присмотримся же нѣсколько ближе къ тѣмъ тягостямъ, которыя въ это царствованіе лежали на трудовомъ крестьянствѣ и къ тѣмъ невѣроятнымъ пыткамъ, которымъ подвергались крестьяне.

Прежде всего, тогда какъ во дни Годунова крестьяне должны были работать три дня на помѣщика и три дня на себя, теперь они работали на своего господина всю недѣлю, до тѣхъ поръ, покуда его работа будетъ окончена, такъ что въ пятидесяти случаяхъ изо ста имъ было уже слишкомъ поздно производить свои собственные работы. Помѣщики могли продавать отца или мать, но законъ позволялъ имъ при этомъ оставлять у себя дѣтей или тоже продавать ихъ; дѣти, смотря по возрасту, продавались по цѣнѣ отъ пяти до двадцати рублей.

Многіе тысячи крѣпостныхъ, когда они дѣлались слишкомъ старыми для того, чтобы работать, подъ предлогомъ какого нибудь вымышленнаго проступка, ссылали въ Сибирь, при чемъ они конечно дорогой умирали. Въ 1767 г. правительство постановило, что мѣстомъ ссылки

вмѣсто Нерчинска долженъ быть Тобольскъ и особо увѣдомило помѣщиковъ, что оно хотѣло бы населить тобольскую губернію. Вслѣдствіе этого, туда направился потокъ крѣпостныхъ, посылаемыхъ всѣми безчеловѣчными помѣщиками имперіи, и это вполне понятно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ высылались тѣ, которые были слишкомъ стары для того, чтобы работать, да кромѣ того, за каждого изъ посланныхъ въ эту губернію правительство платило помѣщику опредѣленную сумму и освобождало его отъ поставки одного рекрута въ армію. Помѣщики составляли свои собственныя уложенія о наказаніяхъ и для примѣра я привожу нѣсколько постановленій, взятыхъ изъ уложенія, составленнаго для своихъ крестьянъ графомъ Румянцовымъ ¹⁾

„За самую малую кражу Румянцовъ предписывалъ отобрать у виновнаго все имѣніе, вознаградить пострадавшаго, а остальное взять на господина, самого же преступника высѣчь плетью и отдать „въ первую

¹⁾ Приводимыя авторомъ, безъ ссылки на источники, постановленія помѣщиковъ относительно наказаній крестьянъ, а также и описанія этихъ наказаній, очевидно взяты имъ изъ книги В. И. Семевского, „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. I. На англійскій языкъ соотвѣствующія мѣста книги Семевского переведены нѣсколько неточно и потому здѣсь мы будемъ цитировать ихъ по русскому оригиналу и указывать страницы его.

Прим. переводч.

работу, куда потребно будетъ, или наборъ, не донося даже о томъ господину“ ¹⁾).

„Если дворовый или крестьянинъ оскорбитъ кого либо изъ начальства отъ перваго до послѣдняго, то съ двороваго вѣлно взыскивать половинное жалованье, а съ крестьянина 50 коп.

„Если же сдѣлаеть это „передъ управителемъ или прикащикомъ“, то дворовый лишается годового жалованья, а съ крестьянина брали 5 рублей и сверхъ того наказывали плетью или батогами, какъ захочетъ обиженный. Половина денежнаго штрафа шла обиженному, а другая въ пользу помѣщика“... „Особенно заботился Румянцовъ, чтобы его крестьяне жили въ мирѣ съ сосѣдями, а тѣмъ паче не перечили чѣмъ нибудь сосѣднимъ помѣщикамъ; за всякій попустокъ отнositельно посторонняго крестьянина взыскивали вдвое строже, а за обиду дворянина вѣлно наказывать по требованію обиженнаго батогами, „пока тотъ доволенъ будетъ“, а сверхъ того въ пользу Румянцева взыскивать 2 руб.“ ²⁾).

Помѣщики строго запрещали крестьянамъ обращаться къ нимъ съ челобитными.

„Генеральша Толстая приказала сослать мірскаго челобитчика въ другую вотчину, обрить ему голову и бороду, надѣть на шею желѣзную рогатку, съ заклепами, „дабы ему не имѣть покою“ (рогатка мѣшала спать), и заставила его постоянно работать на кирпичномъ заводѣ“ ³⁾).

Нѣкоторые помѣщики приказывали записывать или собственноручно записывали наказанія, кото-

¹⁾ Семевскій, цитир. произв., стр. 191.

²⁾ Семевскій, цитир. произв., стр. 192.

³⁾ Семевскій, цитир. произв., стр. 201.

рымъ подвергались дворовые и крестьяне. До насъ дошелъ одинъ такой «журналъ домового управленія», относящійся къ 1763—1765 годамъ. Въ немъ мы читаемъ:

„Сего году іюня 2-го потребны были для гостей заѣдки и надлежало Парасковѣ Никитиной потребовать у насъ отъ ящика ключи заранѣе, когда мы почивать не ложились; однако она требованіемъ ихъ пропустила, а какъ мы легли почивать, то она стала требовать ключи, и насъ тѣмъ беспокоила, за что вычестъ у ней въ будущій 765 годъ изъ положеннаго ей жалованья рубль“. Нужно замѣтить, что штрафъ въ рубль былъ тяжелымъ наказаніемъ; онъ долженъ былъ составлять около трети или четверти годового жалованья“ ¹⁾).

Другая женщина, Ѳекла Яковлева, за какую-то провинность

подверглась слѣдующей оригинальной карѣ: ее приказано было „именемъ и отчествомъ не звать, а звать всѣмъ трусихой и лживицей“. Однако этотъ комичный указъ имѣетъ слишкомъ трагическое окончаніе: а „ежели кто (Ѳеклу),—сказано тамъ,—именемъ и отчествомъ назоветъ, того съчъ розгами по 5.000 (sic!) нещадно“ ²⁾).

Въ другихъ, составленныхъ помѣщиками, уложеніяхъ о наказаніяхъ мы между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія постановленія:

¹⁾ Семевскій, цитир. произв., стр. 203.

²⁾ Семевскій, цитир. произв., стр. 204.

„А ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того плетми, а которые не причастятся, тѣхъ съчь розгами, давая по 5.000 разъ нещадно“

и еще

„Впредь ежели кто изъ людей нашихъ высѣчется плетми на дровняхъ, — дано будетъ 100 ударовъ, а розгами дано будетъ 17.000, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать, а которымъ дано будетъ плетми по полусотнѣ, а розгами по 10.000, — таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто сверхъ того пролежить болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запасу и указнаго всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни придется, вычитать безъ упущенія“ ¹⁾.

Едва ли нужно прибавлять, что въ большинствѣ случаевъ смерть наказуемаго наступала раньше, чѣмъ удавалось довести до конца исполненіе такихъ наказаній.

Но были ли какія нибудь наказанія для этихъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ?

До извѣстной степени были. Въ Воинскомъ уставѣ (глава XIX), мы читаемъ:

«Кто кого волею и нарочно безъ нужды и безъ смертнаго страху умертвить или убить его тако, что отъ того умереть, оного кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь». Въ толкованіи на этотъ пунктъ сказано: «судьѣ надлежитъ гораздо смотрѣть, какимъ оружіемъ убитый убитъ или поврежденъ былъ: тѣмъ ли бить, отъ чего могъ легко умереть, яко топоромъ, кольями, дубиною и

¹⁾ Семевскій, цитир. произв., стр. 205. Т.

пр., или инымъ чѣмъ, яко малыми палочками и прочимъ, чѣмъ не легко смертно убить возможно, въ которомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенное наказаніе провести невозможно, но на разсмотрѣніе судейское передается. Ежели случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, а такое въ достойной и въ должной его чиновной ревности зло учинится, что наказанный отъ того наказанія умереть, то вѣдати надлежитъ, что оный главный, по мнѣнію правоучителей, не животоу, но жестоко имѣетъ быть наказанъ, либо оставленіемъ чина на время и службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ».

Отъ терзаемыхъ крестьянъ поступало много челобитныхъ на имя Екатерины, но ей повидимому надоѣли эти вопли отчаянія; повидимому ея сердце очерствѣло и она становилась на сторону своего дворянства. По крайней мѣрѣ она издала указъ, *запрещающій крепостнымъ жаловаться на своихъ господъ*. Это не остановило потока челобитчиковъ, которые стекались въ Петербургъ со всѣхъ концовъ страны, чтобы заявить ей свои жалобы. Изъ громаднаго количества относящагося сюда матеріала, я возьму только одинъ примѣръ. Въ 1767 г. двое крестьянъ графа Алексѣя Лопухина подали императрицѣ челобитную, въ которой они, изложивъ свои жалобы на помѣщика, говорятъ, что два мѣсяца тому назадъ они уже подавали прошеніе государынѣ и были тогда отосланы къ генералъ-маіору Козьмину, но по ихъ словамъ «никакой отъ него резолюціи не воспослѣдовало».

Онъ только велѣлъ имъ попрежнему повиноваться господину; а они боятся идти къ помѣщику, избившему до смерти ихъ отца, опасаясь какъ бы имъ «не принять отъ него смерти и жестокаго мучительства». Одновременно съ этой челобитной, крестьянами другихъ помѣщиковъ были поданы еще нѣсколько челобитныхъ.

Екатерина передала эти челобитныя сенату, которому она приказала придумать «благопристойныя средства». Сенатъ предложилъ императрицѣ слѣдующія мѣры.

Въ пресѣченіе такихъ недѣльныхъ отъ крестьянства на помѣщиковъ своихъ доносовъ и представленій... обнародовать печатный указъ, чтобы крестьяне и дворовые люди не отваживались бить челомъ на своихъ помѣщиковъ, кромѣ дѣлъ, означенныхъ въ уложеніи и прежде изданныхъ указахъ, которые ясно перечислить и въ новомъ указѣ; въ противномъ случаѣ, челобитчики подвергнутся жестокому наказанію кнутомъ. Что же касается крестьянъ, которые на этотъ разъ подали императрицѣ «недѣльныя» и законамъ и «13-му пункту II главы уложенія противныя жалобы», то ихъ слѣдуетъ допросить подъ пристрастіемъ о томъ, кто сочинялъ имъ челобитныя, и всѣхъ тѣхъ людей арестовать. Изъ крестьянъ же половину публично, съ барабаннымъ боемъ, наказывать плетми въ Москвѣ, въ торговый день, на разныхъ площадяхъ; а другую половину наказывать въ ихъ деревняхъ при собраніи крестьянъ и за-

тѣмъ, смотря по желанію помѣщиковъ, или отправить въ каторгу въ Нерчинскъ, или возвратить владѣльцамъ.

Императрица утвердила рѣшеніе сената, а на будущее время было опредѣлено, что если кто, вопреки 13-му пункту II главы уложенія, «недозволенные на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а *наипаче е. и. в-у въ собственныя руки* подавать отважится», то и челобитчики и составители челобитныхъ будутъ наказаны кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ, въ каторжную работу безъ срока, съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты. Указъ этотъ приказано было цѣлый мѣсяцъ читать въ церквахъ по воскресеньямъ и праздникамъ. ¹⁾

Если русская императрица издавала такіе указы, то что же удивительнаго въ томъ, что когда крестьянскій вождь Пугачевъ поднялъ знамя бунта, вокругъ него собрались тысячи крестьянъ, для того чтобы сражаться съ правительствомъ.

Кажется очевиднымъ, что подобно тому, какъ это случилось съ древнимъ фараономъ, сердце Екатерины къ концу ея царствованія очерствѣло. Объ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», давшемъ яркую картину того печальнаго положенія, въ которомъ находилось крестьянство

¹⁾ Въ оригиналѣ это событіе описано не точно. Здѣсь оно кратко, изложено по Семеvскому,—цитир. произв. стр. 374.

мѣстностей, лежащихъ между этими двумя городами, она писала: «Бдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшая судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика (sic) нѣтъ во всей вселенной».

Можно только сказать, что или Екатерина говорила такъ въ припадкѣ жестокаго цинизма, или же что она имѣла превратныя понятія о правахъ человѣка, и въ особенности о правахъ той части человѣчества, которую представляютъ собой русскіе крестьяне. Излишне прибавлять, что къ концу царствованія Екатерины положеніе крестьянъ стало хуже, чѣмъ оно было когда либо со времени ихъ закрѣпощенія.

Павель, эксцентричный, причудливый и капризный человѣкъ и дурной правитель, явился какъ бы связующимъ звеномъ между царствованіемъ Екатерины и девятнадцатымъ столѣтіемъ. Тѣмъ не менѣе, въ его царствованіе появились первые признаки реакціи въ пользу крестьянъ.

Императорскимъ указомъ Павель повелѣлъ, чтобы крестьяне не работали на своихъ господъ болѣе трехъ дней въ недѣлю и пытался принять другія мѣры къ тому, чтобы ограничить власть послѣднихъ.

Но въ началѣ 1800 мы находимъ Россію въ такомъ же дурномъ состояніи, какъ и всегда. Одинъ современный авторъ пишетъ:

Приниженный вѣками рабства, русскій народъ походить на тѣхъ выродившихся животныхъ, для которыхъ ихъ покорность человѣку стала второй природой. Онъ можетъ вернуться къ свободѣ только постепенно, длиннымъ и труднымъ путемъ; ему еще чуждо значеніе этого слона. По его понятію быть свободнымъ значить имѣть возможность оставить землю, къ которой онъ прикованъ, и вести бродячую жизнь. Онъ чувствуетъ отвращеніе къ труду, потому что онъ никогда не работалъ для себя. Русскій крестьянинъ не имѣетъ даже понятія о собственности,—такъ какъ его поля, его добро, его жена, самъ онъ, его дѣти принадлежать господину, который можетъ распоряжаться и дѣйствительно распоряжается всѣмъ этимъ, какъ ему хочется. Крестьянинъ ничѣмъ не интересуется, такъ какъ у него ничего нѣтъ; его привязанность къ своей деревнѣ есть привязанность быка къ стойлу, къ которому онъ привыкъ. У него нѣтъ родины, нѣтъ законовъ, нѣтъ религіи. Христианство, какъ оно преподается русскому народу и практикуется имъ, столь же мало заслуживаетъ названія религіи, какъ звуки, которыми извозчикъ управляетъ своей лошадыю, заслуживаютъ названія человѣческой рѣчи. Теперь въ Россіи нашли себѣ пріютъ все то невѣжество, варварство, всѣ тѣ суевѣрія и предрассудки, отъ которыхъ нѣкогда терпѣла Европа. Иностранецъ, пріѣзжающій въ эту страну съ какими нибудь знаніями и убѣжденіями, теряетъ ихъ тамъ. Деспотъ пожалуетъ ему нѣсколько сотенъ душъ,—но это будетъ цѣною за его *собственную*. Пріѣхавшій кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ находить вполне справедливымъ и очень удобнымъ, что существуютъ рабы, и что онъ самъ одинъ изъ нихъ“.

Далѣе мы читаемъ: «Крестьянинъ совершенно лишенъ нравственнаго чувства».

Въ другомъ мѣстѣ этотъ авторъ говоритъ:

„Но что мнѣ казалось особенно отвратительнымъ, такъ это видѣть, какъ сѣдыхъ стариковъ, имѣющихъ бороды патріарховъ, кладутъ плашмя со спущенными штанами и сѣкутъ, какъ дѣтей. Бываютъ и еще болѣе ужасныя вещи! Есть господа, которые иногда заставляютъ сына исполнять это наказаніе надъ отцомъ. Эти и многіе другіе ужасы совершаются въ особенности въ провинціи, гдѣ сидящіе по своимъ замкамъ господа имѣютъ такую же власть надъ людьми, какъ надъ животными“.

О русскомъ солдатѣ онъ говоритъ:

„Будучи оторванъ отъ своего дома, ото всѣхъ, кто ему близокъ, онъ до самой старости долженъ жить подъ самой строгой дисциплиной, если только онъ не погибнетъ отъ сабли непріятеля. Если онъ женатъ, то едва онъ оставитъ свою жену, какъ его господинъ быть можетъ уже отдастъ ее другому. Солдатъ никогда не получаетъ отпуска, такъ что если у него есть дѣти, онъ никогда не увидитъ ихъ опять. Управляетъ ли онъ поддерживающимъ жизнь плугомъ или разрушающимъ ее ружьемъ, русскій всегда въ цѣпяхъ, всегда дрожитъ передъ плетью въ рукахъ господина. Всѣ качества его сердца загублены, его святѣйшія чувства поруганы“.

И такое положеніе вещей продолжалось во все царствованіе милосерднаго, но слабого Александра І. Послѣдній дѣлалъ усилія улучшить положеніе крестьянъ, но эти усилія оставались безрезультатными вслѣдствіе противодѣйствія его совѣтниковъ, въ особенности такихъ людей, какъ

графъ Аракчеевъ, такъ что къ 1823 г., когда на тронъ вступилъ Николай I, само воплощеніе самодержавія и реакціи, въ положеніи крестьянъ не было сдѣлано никакого существеннаго улучшенія. Съ этого времени началось быстрое движеніе назадъ. Началось господство того полицейскаго режима, который представляетъ собою столь отталкивающую особенность Россіи; была учреждена цензура, для того чтобы недопускать въ страну никакихъ произведеній иностранной литературы и иностранной печати. Всѣ печатныя произведенія стали подвергаться тщательному просмотру и всякая книга, журналъ или газета, содержащая только тѣнь мнѣнія, могущаго съ помощію всевозможныхъ кривотолкованій быть признаннаго опаснымъ или противнымъ принципамъ самодержавія, не допускалась къ ввозу въ Россію.

Едва ли нужно добавлять, что дѣло народнаго образованія тормозилось, свобода періодической печати и вообще всякаго печатнаго слова стѣснялась. Число студентовъ университета уменьшилось, военныя школы умножились. Дѣйствительно, этотъ императоръ поставилъ себѣ задачей бороться за самодержавіе противъ демократіи и свободы, и выполнилъ эту задачу хорошо.

Николай I, съ его колоссальнымъ ростомъ, съ его импонирующей наружностью, съ его гордостью, съ его желѣзной волей, съ его способностью къ труду, съ его любовью вникать въ мельчайшія

подробности управленія страной, съ его страстью ко всему военному,—всегда затянутый въ мундиръ, всегда взыскательный и властный,—былъ типомъ *par excellence* самодержца и не могъ переносить мысли о самой малѣйшей уступкѣ въ пользу такъ называемыхъ правъ народа. Такимъ образомъ понятно, что крѣпостное право, которое стало органически связаннымъ съ системой самодержавія и сдѣлалось дѣйствительнымъ основаніемъ послѣдней,—несмотря на благородныя намѣренія Николая I, держалось такъ-же прочно, и даже еще прочнѣе, чѣмъ во дни Екатерины II.

Заключительныя событія царствованія Николая, т. е. несчастія на Востокѣ, гдѣ не только Турція перестала бояться русскаго могущества, но англійская и французская арміи унизили Русскаго Орла на Альмѣ и подъ Севастополемъ,—вызвали во всей имперіи ужасное пробужденіе. Отъ осуществленія обширныхъ военныхъ плановъ Николая всѣ ожидали великихъ результатовъ. Болѣе того, народъ лелѣялъ надежду на завоеваніе Константинополя, на сверженіе силою русскаго оружія господства Турціи, на освобожденіе Святого Города и на осуществленіе другихъ фантазій; но всѣмъ этимъ надеждамъ суждено было разлетѣться въ прахъ, съ тѣмъ результатомъ, что народъ вдругъ понялъ истинное положеніе и не смотря на законы, рассчитанные на то, чтобы парализовать всякое усиліе, несмотря на господство суроваго полицейскаго режима, заставилъ

услышать свой голосъ; взрывъ народнаго негодованія прокатился отъ одного конца Россіи до другого. Цѣлые потоки революціонныхъ памфлетовъ печатались и распространялись по всей странѣ, и нѣкоторые изъ этихъ произведеній пришлось читать самому Самодержцу въ послѣдніе годы его царствованія.

.

Сдѣлалъ ли онъ что нибудь?

Нѣтъ. Онъ отвѣчалъ: «Мой наслѣдникъ можетъ дѣлать что онъ хочетъ; я не могу мѣнять». И онъ ничего не измѣнилъ. Подобно твердой скалѣ, сопротивляющейся ужаснымъ волнамъ океана, онъ остался нетронутымъ, непобѣжденнымъ ни протестами, ни укорами, ни единодушнымъ желаніемъ народа и когда онъ умиралъ, 9 февраля 1855 г., его послѣдними словами было приказаніе оповѣстить по всѣмъ концамъ Россіи, которой онъ самодержавно правилъ, что «Императоръ умеръ».

Ему наслѣдовалъ Александръ II; со вступленіемъ послѣдняго на русскій тронъ ожили народныя надежды, и на этотъ разъ не напрасно. Императоръ немедленно сталъ готовиться къ освобожденію крѣпостныхъ, и какъ было сказано въ предшествующей главѣ, первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ мартѣ 1856 г., когда въ его рѣчи къ московскому дворянству онъ заявилъ, что по его мнѣнію, «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

19 февраля 1861 г. Императоръ подписалъ манифестъ, которымъ освобождались болѣе 40.000.000 крѣпостныхъ. Было повелѣно:

1) Чтобы крѣпостные въ свое время получили полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей и чтобы власть помѣщиковъ надъ крестьянами была замѣнена самоуправленіемъ общины.

2) Чтобы въ пользованіи сельскихъ общинъ была оставлена по возможности вся та земля, которой онѣ пользовались до освобожденія; за это крестьяне должны были отбывать опредѣленные повинности работою или деньгами.

3) Чтобы правительство, посредствомъ кредитной операціи, помогло общинамъ откупиться отъ этихъ повинностей, или другими словами, помогло крестьянамъ купить уступленную имъ въ пользованіе землю.

На дѣловомъ языкѣ, операція можетъ быть описана слѣдующимъ образомъ: годовой оброкъ, установленный за пользованіе землей, капитализировался изъ шести процентовъ и правительство тотчасъ же выдавало помѣщику четыре пятыхъ всей этой суммы. Крестьяне должны были заплатить помѣщикамъ остальную пятую, сразу или годовыми взносами, и кромѣ того, они должны были платить правительству въ продолженіе сорока девяти лѣтъ по шести процентовъ съ той суммы, которую правительство выдало помѣщикамъ немедленно.

Осуществленіе этой реформы повело къ ин-

тереснымъ послѣдствіямъ. Повсюду крестьяне были разочарованы. Они разсуждали слѣдующимъ образомъ: общинная земля уже принадлежала имъ изстари; помѣщикъ же имѣлъ власть только надъ ними и эта власть была ему дана царемъ. Отсюда они выводили, что теперь, когда помѣщики были такъ сказать устранены, земля должна была принадлежать общинамъ *безъ какихъ либо дальнѣйшихъ платежей*. Это стало жгучимъ вопросомъ для деревни; многіе думали, что настоящій указъ былъ скрытъ чиновниками. Ходили слухи, что царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ въ Крыму и раздавалъ землю и тысячи народа бросились къ этой химеричной утопіи, такъ что ихъ пришлось останавливать военной силой. До сихъ поръ еще среди крестьянъ живетъ мысль, что они обмануты; я самъ встрѣчалъ такихъ, которые съ необыкновеннымъ оживленіемъ рассказывали мнѣ, какъ «желанія добраго царя были неисполнены» и какъ въ то время ихъ отцы напрасно старались дать знать Батюшкѣ-Царю, что онъ былъ обманутъ.

Какія же послѣдствія имѣло освобожденіе для помѣщиковъ и для крестьянъ? Насколько результаты этой реформы выразились въ голыхъ фактахъ, они состояли въ слѣдующемъ: въ сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ почва бѣдна и гдѣ крѣпостные были самой цѣнной частью имущества помѣщика, для послѣдняго, лишеніе дарового труда этихъ крѣпостныхъ значило разореніе.

Вслѣдствіе этого, въ настоящее время мы видимъ, что здѣсь землевладѣльцы бросили сельское хозяйство и земля сдана крестьянамъ.

Въ сѣверной части южной полосы мало-помалу распространяются западноевропейскіе способы веденія сельскаго хозяйства и въ общемъ можно сказать, что здѣсь землевладѣльцы въ настоящее время находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ до освобожденія; почва здѣсь хороша. Въ южной половинѣ южной полосы положеніе землевладѣльцевъ значительно хуже, такъ какъ ко времени освобожденія, крестьянъ здѣсь было не такъ много, какъ въ сѣверной половинѣ и значительно меньше, чѣмъ нужно для обработки земли. Вслѣдствіе этого, когда помѣщики лишились своихъ крѣпостныхъ и вмѣстѣ съ ними части своей земли, то причиненная имъ этимъ потеря совершенно не компенсировалась полученнымъ ими вознагражденіемъ.

Но чего же ожидали отъ реформы для крестьянъ? Ожидали, что она перевоспитаетъ крестьянъ нравственно и перемѣнитъ ихъ экономическое и социальное положеніе; думали, что освобожденный крестьянинъ будетъ работать для себя такъ, какъ онъ никогда не работалъ для другихъ; что онъ будетъ благоденствовать, покупать землю, сдѣлается мелкимъ землевладѣльцемъ и что принадлежащія Россіи пустыни будутъ обработаны, — однимъ словомъ полагали, что крестьянинъ сдѣлается совершенно инымъ чело-

вѣкомъ и вслѣдствіе этого Россія станетъ совершенно иной страной. Оправдались ли эти ожиданія? Нѣтъ. Почему? Прежде всего и главнымъ образомъ потому, что крестьянинъ былъ совершенно не образованъ и не подготовленъ къ веденію самостоятельнаго хозяйства. Будучи крѣпостнымъ, онъ не несъ никакого риска; если случались неурожаи, то *его* они не затрогивали. Если его изба сгорала, если его орудія или скотъ оказывались украденнымъ, то все, это на *него* не ложилось. При такихъ несчастіяхъ, крестьяне всегда могли рассчитывать на помощь со стороны господина; ихъ скотъ пасся на его землѣ.

Послѣ освобожденія все это перемѣнилось и всѣ неудачи стали ложиться непосредственно на самого крестьянина, а онъ не имѣлъ достаточной умственной подготовки ни къ тому, чтобы стать мелкимъ землевладѣльцемъ, ни къ тому, чтобы понять свое новое положеніе. Онъ не могъ вести свои дѣла и не могъ понять, почему онъ долженъ былъ платить налоги. Онъ обѣднялъ и увидалъ, какъ онъ видитъ это и теперь, что ссуды деньгами или пищею въ тяжелое время, — ссуды ранѣе бывшія подарками, — теперь стали цѣпями, и въ случаѣ его неспособности возвратить ихъ, заставляли его изъ года въ годъ оставаться рабомъ землевладѣльца. Онъ все сильнѣе и сильнѣе запутывался въ долгахъ землевладѣльцу и другимъ лицамъ, къ которымъ онъ обращается за временной помощью.

Въ томъ же направленіи вліяло и другое обстоятельство, а именно то, что платежи за землю во многихъ случаяхъ были выше дѣйствительной ренты и крестьяне по многимъ причинамъ оказывались совершенно не въ состояніи платить.

Въ заключеніе этого историческаго очерка, я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ древнемъ институтѣ, которымъ является сельская община.

Прежде всего, для того чтобы не вводить моихъ читателей въ заблужденіе, я долженъ замѣтить, что въ настоящее время община официально,—въ силу Императорскаго Указа,—уже не есть болѣе институтъ, существующій по волѣ Самодержца. Я приведу главныя статьи указа и дамъ затѣмъ краткое описаніе общины, какъ она существовала въ продолженіе столѣтій, какъ она существуетъ и въ настоящее время въ большей части Россіи и по всей вѣроятности будетъ существовать еще долгое время, а именно до тѣхъ поръ, покуда правительство рѣшится распространить среди крестьянъ образованіе,

Въ указѣ 5 октября 1906 г. между прочимъ говорится:

„Великое преобразование 19 февраля 1861 г., приобщивъ милліоны сельскихъ обывателей къ общегражданской жизни, положило начало постепенному уравниванію крестьянъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи. Нынѣ, за вослѣдованіемъ Манифестовъ Нашихъ отъ 6 августа и 17 октября минувшаго года, призвавшихъ сельское населеніе къ

участію въ законодательствѣ, предстоитъ завершить мудрыя предначертанія Царя-Освободителя на возвыщенныя Нами началахъ гражданской свободы и равенства передъ закономъ всѣхъ россійскихъ подданныхъ.

Въ этихъ цѣляхъ, наряду съ другими законодательными мѣрами, подлежатъ коренному пересмотру дѣйствующія узаконенія, опредѣляющія порядокъ устройства мѣстнаго управленія и суда. Необходимые для сего законопроекты нынѣ готовятся и будутъ внесены въ Государственную Думу немедленно по созывѣ ея. Но независимо отъ сего, по отношенію къ крестьянамъ и лицамъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній въ законѣ сохранились еще нѣкоторыя отдѣльныя ограниченія, не соотвѣтствующія основнымъ положеніямъ и общему духу манифестовъ 6 августа и 17 октября 1905 г., а частью и утратившія уже первоначальное свое значеніе за состоявшееся отмѣной круговой поруки и выкупныхъ платежей.

Признавъ необходимымъ нынѣ же отмѣнить такія ограниченія и одобливъ представленный Намъ по сему предмету особый журналъ Совѣта Министровъ, Мы на основаніи статьи 87 свода основныхъ государственныхъ законовъ, изданія 1906 г., повелѣваемъ:

IV. Разрѣшить сельскимъ обывателямъ, принадлежащимъ къ составу сельскихъ обществъ: а) вступать безъ обязательнаго увольненія изъ этихъ обществъ въ другія сельскія общества и б) получать по отказѣ отъ участія въ пользованіи мірской землей или по отчужденіи принадлежащихъ имъ участковъ таковой земли безпрепятственное увольненіе изъ сельскихъ обществъ.

V. Предоставить сельскимъ обывателямъ и лицамъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній свободу из-

*

бравія мѣста постоянного жительства на одинаковыхъ, указанныхъ въ уставѣ о паспортахъ, основаніяхъ съ лицами другихъ состояній, выдавать этимъ лицамъ, въ качествѣ видовъ на жительство, безсрочныя паспортныя книжки.

VI. Отмѣтить съ 1 января 1907 г.: а) подушную подать, взимаемую съ сельскихъ обывателей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи; б) круговую поруку въ уплатѣ окладныхъ государственныхъ и земскихъ сборовъ и в) отдачу несправнаго плательщика въ заработки и опредѣленіе къ нему опекуна въ качествѣ особыхъ мѣръ взысканія сборовъ и повинностей.

Таковы постановленія Императорскаго Указа; но до сихъ поръ совершенно не видно никакихъ признаковъ того, чтобы со стороны чиновниковъ или со стороны самихъ крестьянъ дѣлались какія-нибудь усилія къ проведенію ихъ въ жизнь; дѣйствительно, очень возможно, что этотъ указъ ждетъ судьба многихъ другихъ указовъ. Царь издаетъ ихъ; правительство разсылаетъ копіи ихъ мѣстнымъ чиновникамъ, въ столахъ которыхъ они и остаются лежать. Крестьянинъ же и не узнаетъ объ ихъ существованіи.

Такимъ образомъ, пусть мои читатели не удивляются если я приведу нѣсколько интересныхъ подробностей о томъ устройствѣ русской деревенской жизни, относительно котораго русскій бюрократъ навѣрно будетъ увѣрять, что съ настоящаго времени оно уже не существуетъ, но которое въ дѣйствительности существуетъ и долго

еще не умереть. Кромѣ того, главнѣйшія черты общинной системы необходимо знать для того, чтобы понять крестьянскій вопросъ въ Россіи, и потому я теперь перехожу къ ихъ описанію.

Въ основѣ общиннаго устройства лежитъ принципъ общности интересовъ жителей селенія. Въ Россіи въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ есть глава; главы семействъ образуютъ общину и послѣдняя каждый годъ или каждые три года выбираетъ своего начальника или старосту. Нѣсколько общинъ образуютъ волость, въ которой онѣ представляются старостами. Изба каждого крестьянина стоитъ на деревенской землѣ, и эта часть земли остается въ его постоянномъ пользованіи. Пахотная земля, часть которой онъ долженъ обрабатывать, въ дѣйствительности не принадлежитъ крестьянину; она принадлежитъ общинѣ. Обрабатываемая земля, въ соотвѣтствіи съ принципомъ трехпольной системы, дѣлится на три части, такъ что на томъ полѣ, на которомъ въ этомъ году было посѣяно озимое, въ слѣдующемъ году сѣется яровое, а на третій годъ это поле остается подъ паромъ. Каждому семейству, въ каждомъ изъ двухъ заставляемыхъ полей, отведено извѣстное количество полосъ, измѣняющееся въ зависимости отъ богатства почвы и отъ работоспособности семьи. Такимъ образомъ, поля разбиваются на безчисленное количество длинныхъ узкихъ, параллельныхъ между собою полосъ; это представляющее большія трудности распределение

земли между отдѣльными семействами производится самими крестьянами, которые пользуются при этомъ деревянными мѣрками.

Каждое семейство при обработкѣ земли должно руководиться установленными общиной правилами. Паханье, жатва, сѣвъ, бороньба, всѣ полевые работы должны производиться въ то время, какое назначено для нихъ общиной,—ни ранѣе, ни позднѣе. Каждое семейство отвѣтственно за каждаго изъ своихъ членовъ. Если въ семействѣ есть пьяница и бездѣльникъ, то послѣдствія неисполненія имъ своихъ обязанностей ложатся на всѣхъ принадлежащихъ къ этому семейству. Подобнымъ же образомъ, если все семейство работаетъ лѣнливо, оно навлекаетъ на себя очень непріятныя послѣдствія, такъ какъ если оно не выполняетъ своей доли общиннаго труда, не обрабатываетъ отведенной ему части общинной земли и не платитъ приходящейся на него части налоговъ, которые община должна уплатить правительству, то послѣднее возлагаетъ отвѣтственность за это на общину, т. е. на всю деревню.

Крестьянинъ не можетъ переселиться изъ своей деревни въ другую мѣстность безъ позволенія общины; когда онъ уходитъ изъ деревни, то во время своего отсутствія онъ долженъ платить приходящуюся на него долю налоговъ и община всегда можетъ потребовать, чтобы онъ возвратился. Черезъ различные промежутки времени производятся передѣлы общинной земли; послѣд-

няя распредѣляется вновь въ соотвѣтствіи съ уменьшившейся или увеличившейся работоспособностью различныхъ семействъ и для того, чтобы дать земли новымъ семействамъ, которыя образовались со времени послѣдняго передела. Промежутки времени между двумя переделами бываютъ въ высшей степени различны: начинаясь отъ одного года, они иногда поднимаются до двадцати лѣтъ.

Далѣе, количество «душъ» въ общинѣ устанавливается производимыми правительствомъ ревизіями и въ теченіе времени, отдѣляющаго одну ревизію отъ другой, община должна платить налоги за то число «душъ», которое установлено послѣдней ревизіей. Такимъ образомъ часто бываетъ, въ особенности въ настоящее время, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жители мрутъ какъ мухи вслѣдствіе голоданія, что сельское общество платитъ налоги за тридцать, сорокъ, пятьдесятъ душъ, которыя давно уже умерли. Эта аномалія и лежитъ въ основѣ прекрасной новеллы Гоголя *Мертвые души* (?). Такова система, которая господствовала въ Россіи до 1907 г. и которая, какъ я сказалъ, по всей вѣроятности будетъ продолжать господствовать до тѣхъ поръ, покуда мужикъ сдѣлается мыслящимъ и разумнымъ существомъ, получившимъ хотя какое-нибудь образованіе.

Но соотвѣтствовала ли и соотвѣтствуетъ ли эта система потребностямъ Россіи?

Нѣкоторые утверждаютъ, что эта система одна только и можетъ предупредить образованіе опаснаго пролетаріата; этимъ и объясняются усилія бюрократовъ и реакціонеровъ къ тому, чтобы удержать систему, помѣшать крестьянину узнать о реформѣ.

Защитники общины видятъ ея преимущество въ томъ, что община можетъ удержать крестьянство на землѣ, что при существованіи ея въ рукахъ крестьянъ находится болѣе половины годной къ обработкѣ земли въ Россіи и крестьянинъ при самомъ рожденіи уже получаетъ право на землю.

Все это очень хорошо, если только Россія должна остаться исключительно земледѣльческой страной, такъ какъ то, чего нельзя достигнуть передѣлами, можетъ быть достигнуто переселеніемъ. Однако, все же остается первостепенной важности фактъ, что въ Россіи нѣтъ того вида крестьянскаго землепользованія, какой мы имѣемъ въ Англіи; и хотя въ настоящее время въ силу Императорскаго Указа община официально не существуетъ, въ дѣйствительности каждая деревня можетъ удержать общинное устройство, если она считаетъ это нужнымъ. Другими словами, рѣшеніе вопроса объ удержаніи или отмѣнѣ этой устарѣвшей системы будетъ зависѣть отъ большинства принадлежащихъ къ данной деревни крестьянъ, *если только* они вообще поднимутъ вопросъ объ этомъ; а принимая

во вниманіе, что большинство этихъ крестьянъ невѣжественны, можно съ большой вѣроятностью предсказать, что система удержится и что болѣе интеллигентные изъ русскихъ крестьянъ будутъ продолжать оставаться связанными ею по рукамъ и по ногамъ. Но должна ли Россія остаться исключительно земледѣльческой страной? Несомнѣнно, нѣтъ. Она мечтаетъ стать крупной промышленной страной. Въ чемъ же заключается одна изъ главныхъ помѣхъ къ этому?

Въ существованіи сельскихъ общинъ, такъ какъ благодаря самой общинной системѣ, съ ея дурнымъ методомъ распредѣленія земли, съ ея противодѣйствіемъ распространенію западно-европейскихъ методовъ веденія сельскаго хозяйства, въ странѣ создается положеніе, которое само по себѣ вызываетъ появленіе многочисленнаго пролетаріата,—массы людей, не имѣющихъ достаточно дѣла въ деревняхъ, проводящихъ часть года въ городахъ или уходящихъ за работой въ отдаленныя мѣстности. Эти люди не могутъ стать ни хорошими сельско-хозяйственными, ни хорошими промышленными рабочими. Нѣкоторые говорятъ, что это мѣшаетъ образованію городского пролетаріата, такъ какъ эти рабочіе всегда имѣютъ возможность возвратиться въ деревню. Да, но населеніе деревень продолжаетъ расти и теперь уже положеніе стало такимъ, что для задыхающейся въ тискахъ общинной системы деревни, чѣмъ больше въ ней рабочихъ, тѣмъ хуже.

Но что существенно ухудшаетъ положеніе, такъ это непримѣрная лѣньность самого крестьянина. Я видѣлъ крестьянъ бѣльшей части Европы и, не колеблясь, говорю, что между ними нѣтъ равныхъ по лѣньности русскому крестьянину. Последній отсталъ отъ европейскихъ крестьянъ какъ по своему умственному развитію, такъ и по своему прилежанію и бѣльшая часть русскаго крестьянства не имѣетъ никакой склонности улучшить свое собственное положеніе.

Между причинами этого недостатка энергіи, этого индифферентизма къ прогрессу и культурѣ на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена крѣпостная зависимость, въ которой противъ своей воли находился крестьянинъ въ прошломъ; благодаря этому, онъ до сихъ поръ еще совершенно не можетъ понять, что такое образованіе, прогрессъ, культура.

Какъ бы тамъ ни было, но работа настоящаго правительства, повидимому дѣйствительно желающаго сдѣлать что-нибудь для крестьянина, безконечно затрудняется неразвитостью класса, въ интересахъ котораго оно призвано законодательствовать. Утвержденіе, что крестьянство какъ классъ доросло до того, чтобы участвовать въ голосованіи,—чистая нелѣпость; съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что право голоса и участія въ выборномъ представительствѣ должно быть предоставлено и дѣтямъ.

Въ заключеніе настоящей главы я приведу

нѣсколько элементарныхъ статистическихъ свѣдѣній по крестьянскому вопросу.

Въ 1860 году, который предшествовалъ тому, въ который было отмѣнено крѣпостное право, въ пятидесяти губерніяхъ было:

	Душъ муж- ского пола.	Имѣющихъ десятинъ.	Десятинъ на одного человѣка.
Государствен- ныхъ крест.	10.000.000	74.000.000	7
Удѣльныхъ крестьянъ. .	870.000	4.300.000	5
Помѣщичьихъ крестьянъ. .	11.907.000	35.700.000	3

Вмѣсто того, чтобы дать крестьянамъ больше трехъ десятинъ, многіе помѣщики дали имъ даже еще меньше, такъ что у крестьянина оказалось больше времени для работы, но меньше земли.

При освобожденіи государству было оставлено 151.000.000 десятинъ удобной земли, удѣламъ—7.500.000 десятинъ и помѣщикамъ—100.000.000 десятинъ ¹⁾. Съ самаго же начала стало видно, что система взысканія съ крестьянъ суммъ, выданныхъ государствомъ помѣщикамъ, при которой крестьяне должны были въ теченіе сорока девяти лѣтъ платить по шести процентовъ

¹⁾ Эти цифры относятся къ удобной и неудобной землѣ въ Европейской Россіи. *Прим. перев.*

съ этихъ суммъ, на практикѣ непримѣнима. Крестьянамъ ежегодно трудно было вносить причитающіеся съ нихъ платежи, а правительство прибѣгло къ неразумному средству—понуждать ихъ платить съ помощью усиленныхъ полицейскихъ мѣръ и только въ 1905 г. Царь отмѣнилъ обязательства, возложенныя на крестьянъ въ 1861 г.

Въ 1881 году, когда тысячи крестьянъ оказались не въ состояніи платить, правительство понизило выкупные платежи и приняло мѣры къ облегченію для крестьянъ переселенія и къ оказанію имъ помощи при покупкѣ земли; для послѣдней цѣли въ 1883 г. былъ основанъ крестьянскій банкъ. Потребность крестьянъ въ увеличеніи имѣющагося у нихъ количества земли была такъ велика, что до 1880 г. они безъ посторонней помощи прикупили 1.889.800 акровъ ($2\frac{1}{2}$ акра=десятинѣ), а къ началу 1900 г. сумма выданныхъ крестьянскимъ банкомъ ссудъ составила 20.273.842 фун. стер., тогда какъ количество дѣйствительно купленной крестьянами земли доходило до 11.656.620 акровъ.

Едва правительство издало законъ о переселеніи, какъ дѣйствіе этого закона было приостановлено Плеве. Тѣмъ не менѣе, въ 1892 г., когда переселеніе было запрещено, въ Сибирь отправились 9.000 человекъ; за время 1890—1900 гг. Европейскую Россію покинули 185.000, а за

время 1901-1903—86.000 человек¹⁾. Нужда въ землѣ дѣлалась все больше и больше, и крестьянское населеніе увеличивалось невообразимо быстро.

На каждую мужскую душу въ среднемъ приходилось: въ 1861 г. 4,8 десятинъ, въ 1880 3,5 десятинъ и въ 1900 г. 2,5 десятинъ²⁾.

¹⁾ Авторъ, очевидно, говоритъ о законѣ 13 іюля 1889 г., бывшемъ «первымъ по времени закономъ общаго содержанія, признавшимъ за переселеніемъ значеніе народной потребности, долженствующей быть удовлетворенною». Циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 6 марта 1892 г. была постановлена выдача разрѣшеній на переселеніе впредь до заготовленія достаточнаго количества переселенческихъ участковъ. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ году переселеніе въ Сибирь продолжалось и переселились туда не 9.000, какъ передаетъ авторъ, а 92.000 душъ, См. А. А. Кауфманъ.—Переселеніе и колонизація, стр. 24 и сл.

Приведенныя въ текстъ данныя относительно общаго количества переселенцевъ также неточны; такъ, за время 1896—1905 изъ Европейской Россіи вышло переселенцевъ и ходоковъ 1.303 тыс. человекъ. Прим. Переводч.

²⁾ По вычисленію С. Н. Прокоповича, у крестьянъ Европейской Россіи въ среднемъ на 1 душу муж. п. приходилось:

	Надѣлн. земли.	Купчей земли.	Всего.
1860	4,83 дес,	--	4,83
1897	3,03 >	0,22	3,25
1905	2,76 >	0,34	3,10,

Въ 1901 г. каждый крестьянинъ имѣлъ приблизительно четыре пятыхъ того количества земли, которое онъ могъ бы обработать. Урожаи давали на 16% меньше, чѣмъ нужно для удовлетворенія потребностей крестьянина, и на 41% меньше, чѣмъ требовалось для его скота. Далѣе, нужно отмѣтить печальный фактъ, что хотя землевладѣльцы и имѣли двойное количество земли противъ того, которое могли обработать крестьяне, половина этой земли оставалась незапаханной.

Въ настоящее время только у 8,9% крестьянъ остается сколько нибудь сельскохозяйственныхъ продуктовъ для продажи; у 70,7% ихъ этихъ продуктовъ не хватаетъ для собственнаго существованія.

Но утвержденіе, что если бы даже и вся частновладѣльческая земля была отдана крестьянамъ, то и въ этомъ случаѣ ее оказалось бы недостаточно, вѣрно только потому, что дѣло идетъ о русскомъ крестьянинѣ. Я пошелъ бы еще дальше и сказалъ бы, что если бы крестьянамъ было дано двойное количество земли противъ того, которое теперь принадлежитъ землевладѣльцамъ, то, послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ, эти крестьяне опять оказались въ такомъ же состояніи нищеты, въ какомъ мы видимъ ихъ въ на-

т. е. за 45 лѣтъ размѣръ крестьянскаго землевладѣнія на душу понизился на 36%. См. С. Н. Прокоповичъ. Аграрный вопросъ въ цифрахъ, стр. 13—Прим. перев.

стоящее время; мы опять услышали бы, что они требуют еще земли, и это произошло бы просто потому, что они не умѣютъ обрабатывать ее и въ то же время такъ невѣжественны и необразованы, что не *желаютъ* учиться вести свое хозяйство какимъ нибудь другимъ способомъ, а не тѣмъ, который перешелъ къ нимъ отъ ихъ пра-дѣдовъ. До того положенія, въ которомъ крестьянинъ находится въ настоящее время, его до-велъ не столько недостатокъ земли, сколько его невѣжество, соединенное съ его природной лѣ-ностью и его склонностью къ пьянству ¹⁾).

Вопросъ о томъ, кто виноватъ въ этомъ не-вѣжествѣ, я разсмотрю въ слѣдующей главѣ. Здѣсь я замѣчу еще, что рента растетъ. Въ те-

¹⁾ Интересно сопоставить это мнѣніе съ мнѣніемъ другого иностранца, тоже лично наблюдавшаго жизнь русскаго крестьянина,—француза Рене Гаври (Réné Henry), который 14 мая 1907 г., т. е. одновременно съ тѣмъ, какъ авторъ настоящей книги писалъ предисловіе къ ней въ Самарѣ, въ своей лекціи въ Ecole des sciences politiques въ Парижѣ говорилъ:

„Семьдесятъ милліоновъ (принимаемое имъ количество крестьянскаго населенія въ Россіи) французскихъ крестьянъ, если бы они владѣли черноземомъ, которымъ владѣютъ русскіе крестьяне, жили бы при этомъ почти въ изобиліи. Но мужики суть мужики, т. е. крестьяне, которые долго еще не узнаютъ, что такое интенсивное хозяйство, бережливость и стойкая методическая борьба“.—Les questions actuelles de politique étrangère en Europe, par A. Leroy-Beaulieu, F. Charme etc. Стр. 226. Прим. перев.

ченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ арендная плата учетверилась и упятерилась въ центральной и южной Россіи и удвоилась и утроилась на востокѣ и на западѣ страны.

Въ 1885 г. недоимки налоговъ составляли 50.000.000 рублей; въ 1896 г. онѣ достигли 142.500.000 рублей. Количество крестьянскаго скота уменьшается. Вслѣдствіе увеличенія запашекъ, пастбищъ дѣлается меньше, и такимъ образомъ крестьяне не имѣютъ ни достаточнаго для сельскохозяйственныхъ работъ количества лошадей, ни достаточнаго количества удобреній, хотя нужно сказать, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи невѣжественные крестьяне и теперь еще жгутъ навозъ какъ топливо. Хотя, конечно, при настоящемъ печальномъ положеніи терпящей отъ неурожая страны они сжигаютъ все, что только попадаетъ подъ руки,—и между прочимъ навозъ,—для того, чтобы нѣсколько согрѣть свои плохо прикрытыя кости; напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы облегчить переносимыя ими физическія страданія, они забываютъ о необходимости удобрить землю въ будущемъ году.

Отъ исторіи и статистики мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію какъ тѣхъ мѣропріятій въ интересахъ крестьянъ, къ которымъ прибѣгало правительство въ прошедшемъ, такъ и тѣхъ, къ которымъ оно прибѣгаетъ въ настоящее время. И я постараюсь показать моимъ читателямъ, что главной виновницей безотраднаго положенія,

въ которомъ въ настоящее время находятся крестьяне, является и бюрократія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Недугъ Россіи.

Мы видѣли, что монгольское вторженіе наложило свою печать на Россію и что нѣсколько столѣтій господства крѣпостного права оказывали на нее въ высшей степени принижающее вліяніе, покуда въ 1861 г. эта отвратительная система была отмѣнена. Но и въ настоящее время Россія стонетъ отъ угнетенія и ея состояніе ни на іоту не улучшилось противъ того, какимъ оно было сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ; даже больше того, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, можно сказать, что теперь страна находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ она была тогда. Какова же причина этого? Какова же та язва, которая разѣдаетъ самое сердце Россіи, сосетъ ея жизненные соки въ настоящее время?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ одномъ словѣ—«Бюрократія».

Счастливы дѣти прошедшихъ столѣтій, родившіяся не крестьянами русской деревни, потому что послѣдніе съ самаго рожденія находились въ раб-

ствѣ, подобнаго которому было бы трудно найти въ мировой исторіи. Это положеніе остается вѣрнымъ и теперь, съ той оговоркой, что рабство, насколько оно выражалось во власти надъ самой личностью крестьянина и въ принудительномъ трудѣ послѣдняго, теперь легально стало невозможнымъ и въ дѣйствительности приняло значительно болѣе мягкія формы. Положеніе, несчастнымъ наслѣдникомъ котораго родится теперь русскій крестьянинъ, мало измѣнилось со времени Ивана Грознаго. Дѣйствительно, сравнивать настоящее положеніе крестьянскихъ массъ съ ихъ положеніемъ въ то время, значитъ относиться слишкомъ снисходительно къ настоящему.

Въ то время крестьянинъ по крайней мѣрѣ родился свободнымъ человѣкомъ; онъ по крайней мѣрѣ могъ дѣлать что онъ хочетъ, и если ему представлялась возможность учиться, то ему было позволено воспользоваться этой возможностью. Въ настоящее время, легально онъ тоже родится свободнымъ человѣкомъ. Но въ какой другой странѣ міра изъ числа претендующихъ на то, чтобы ихъ считали цивилизованными, можно найти, чтобы жизнь дѣтей начиналась въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ она въ настоящее время начинается въ русской избѣ? Столь употребительное у западныхъ народовъ выраженіе «впервые увидалъ свѣтъ» неприемлемо къ рожденію *мужика*, потому что въ томъ грязномъ, зачумленномъ, наполненномъ па-

ромъ логовищѣ, въ которомъ родится это несчастное созданіе, свѣта нѣтъ; дѣйствительно, если крестьянскій ребенокъ родится въ срединѣ суровой зимы, то ему долго еще не придется увидеть Божьяго свѣта и дышать сколько нибудь чистымъ воздухомъ. Какая же жизнь ожидаетъ его? Условія, въ которыхъ ему придется жить, съ нравственной точки зрѣнія безконечно хуже, чѣмъ узаконенное крѣпостное состояніе, бывшее его удѣломъ ранѣе. Безполезно скрывать этотъ фактъ, — бесполезно ссылаться на то, что крестьянинъ самъ виноватъ, что онъ такъ недалеко ушелъ отъ нашихъ доисторическихъ предковъ; никого не введутъ въ заблужденіе тѣ русскіе, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за благосостояніе, просвѣщеніе и прогрессъ ихъ страны, когда съ видомъ оскорбленной невинности и лицемерной искренности, они сидятъ ничего не дѣлая и говорятъ: «Что можемъ мы подѣлать съ такой *canaille*?» На ихъ обязанности лежитъ улучшить такое положеніе вещей, безустанно искать корень зла, — который, увы, найти не трудно, такъ какъ онъ ясно виденъ всякому, — и безжалостно вырвать его, чего бы это ни стоило. Почему «такая *canaille*» существуетъ еще и теперь, въ 1907 году по Рождествѣ Христовомъ и сорокъ шесть лѣтъ спустя послѣ освобожденія? Почему съ этой прославленной эпохи крестьянинъ скорѣе вырождался, чѣмъ прогрессировалъ? Почему ни одинъ честный человѣкъ не можетъ отри-

чать, что въ крестьянинѣ не уважаютъ человеческого достоинства, что теперь онъ болѣе крѣпостной, чѣмъ былъ ранѣе, и что ему не даютъ никакой возможности просвѣтиться?

Всегда ли официальная Россія будетъ продолжать развязно увѣрять слишкомъ довѣрчивую Европу, что такое положеніе вещей объясняется татарскимъ вторженіемъ и крѣпостнымъ правомъ, и всегда ли будетъ Европа и весь цивилизованный міръ продолжать проглатывать эту изящно позолоченную пилюлю? Не начнутъ ли послѣдніе когда нибудь сами, независимо отъ официальной Россіи, искать истинную причину печальнаго положенія страны? А когда они начнутъ дѣлать это, то въ чемъ найдутъ они ту медленно разѣдающую язву, которая гложетъ сердце Россіи, удерживаетъ ее въ тинѣ реакціи и вырожденія?

Будутъ ли Англія и другія націи продолжать помогать Россіи заключать громадныя займы, думая, что такимъ образомъ они укрѣпляютъ Русское Государство и улучшаютъ положеніе самого русскаго народа? Или же міръ никогда не получитъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы? Или введенные въ заблужденіе иностранцы всѣхъ національностей никогда не узнаютъ, что причина несчастій Россіи заключается только въ одномъ? не поймутъ, что отвѣтъ на всѣ эти вопросы состоитъ изъ одного только слова и что это слово—«Бюрократія»?

Займы и выраженія симпатіи, которые Россія получала въ прошедшемъ, послужили только къ укрѣпленію бюрократіи, но ко вреду русской націи, ко вреду русскаго народа, ко вреду Россіи какъ цѣлаго.

Покуда Россія не избавится отъ послѣднихъ слѣдовъ бюрократическаго режима, она какъ государство не выйдетъ изъ застоя; ея политика останется партійной, порожденной эгоистическими мотивами недобросовѣстныхъ чиновниковъ, не будетъ внушать довѣрія міровымъ державамъ, не будетъ имѣть дѣйствительнаго вѣса въ глазахъ послѣднихъ; эту политику нельзя будетъ считать истиннымъ выраженіемъ чувствъ настоящаго великаго русскаго народа. Всѣ другія язвы, разѣдающія жизненные части несчастной Россіи, ничтожны въ сравненіи съ этой; въ дѣйствительности большинство этихъ другихъ язвъ являются только послѣдствіями первой.

Преступленія политическихъ дѣятелей всѣхъ классовъ, бомбы революціонеровъ всѣхъ толковъ, всѣ покушенія противъ представителей Правительства и противъ Царя, тотъ фактъ, что на всѣхъ ступеняхъ русской администраціи встрѣчаются безнравственные люди,—все это, какъ легко можетъ быть доказано, суть послѣдствія самой негодной изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время негодныхъ системъ—бюрократической системы. Бюрократическій режимъ есть реакція; онъ порождаетъ испорченность и по-

рочность, душисть честность, мѣшаетъ прогрессу, реформамъ, губить всякое усиліе къ тому, чтобы очистить и облагородить жизнь націи, развитіе въ послѣдней патріотизмъ; политика этого режима—централизація, его божества—формальности, документы, перья и чернила; его дѣла—статистика; его символъ вѣры—невѣжество.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ послѣдствіямъ, которыя этотъ режимъ имѣетъ для всей Россіи, и въ особенности для русскихъ крестьянъ, посмотримъ на его устройство и постараемся объяснить, какимъ образомъ столь несправедливая организація могла быть навязана великой бѣлой расѣ, къ тому же европейской расѣ, состоящей болѣе чѣмъ изъ 140.000.000.человѣкъ. Дѣйствительно, какъ будто бы по ироніи судьбы, Петръ Великій, этотъ въ высшей степени честный и прямодушный доброжелатель прогресса Россіи и ея народа, осуществившій всѣ реформы на благо своей родины, былъ предназначенъ къ тому, чтобы быть признаннымъ виновникомъ введенія системы, которая оказалась главнымъ препятствіемъ къ ея прогрессу въ будущемъ и главной причиной всѣхъ ея несчастій въ настоящее время. Петръ, найдя Россію разединенной, видя отсутствіе органической связи между различными классами ея населенія, сталъ искать матеріала для созданія организаціи, которая объединила бы страну, стремился ввести опредѣленную систему, которая дѣйствительно

оказала бы дисциплинирующее вліяніе на всѣ классы населенія отъ высшихъ и до низшихъ. Къ несчастію для Россіи, нужный ему образецъ Петръ нашелъ въ Германіи и имѣя въ виду порядки, господствовавшіе въ послѣдней, началъ уничтожать существовавшія въ Россіи классовыя различія, замѣнять ихъ различіями, основанными на занимаемомъ людьми officialномъ положеніи. Дворянство съ шумомъ пало (я говорю о настоящемъ потомственномъ дворянствѣ), и до настоящаго времени не вернуло себѣ дѣйствительнаго значенія.

Дворяне-землевладѣльцы бросали свои помѣстья и стекались въ Москву и въ Петербургъ, такъ какъ они поняли, что съ этого времени государственная служба значила все, а потомственное дворянство ничего. Началась всеобщая погоня за слѣпящимъ глаза блескомъ чина. Всякій получалъ титулъ, звучность котораго была пропорціональна чину; этихъ чиновъ было четырнадцать (при чемъ каждый изъ нихъ былъ подраздѣленъ на множество разрядовъ), такъ что даже мальчикъ, подметавшій какую нибудь канцелярію, могъ имѣть чинъ и форму, благодаря которой онъ могъ свысока смотрѣть на неимѣющихъ формы индивидуумовъ, на нечиновныхъ существъ,—на народъ.

Чтобы показать, какъ радикальна была эта перемѣна, какъ полно было уничтожено значеніе дворянства, достаточно упомянуть, что со

времени Петра Великаго и до царствованія Александра I всякій офицеръ извѣстнаго чина и всякій имѣющій эквивалентный чинъ чиновникъ гражданской службы по праву принадлежали къ потомственному дворянству. Чинъ цариль надо всѣмъ и никто не могъ избавиться отъ его власти. Для того, чтобы пользоваться вліяніемъ, властью, уваженіемъ, нужно было только имѣть чинъ; не имѣть чина значило то же, что не существовать на свѣтѣ. Скромный гражданскій служащій, со среднимъ честолюбіемъ и съ ниже чѣмъ средними способностями, вдругъ украшался чиномъ и формой, получалъ звучный титулъ «совѣтника», и такимъ образомъ дѣлался равнымъ какому нибудь офицеру, командующему батальономъ; какое нибудь сановитое духовное лицо, проснувшись, узнавало, что вдругъ оно стало равнымъ бригадному генералу. Всѣ занимавшіе какое нибудь положеніе сдѣлались или коллежскими совѣтниками, или дѣйствительными тайными совѣтниками, статскими совѣтниками, дѣйствительными статскими совѣтниками, ассессорами, и т. д. *ad infinitum*. Въ Россіи какъ бы раскрылась громадная яма, въ которую свалилось все, что могло служить дѣйствительнымъ титуломъ на благородство, всѣ дѣйствительныя достоинства, и изъ которой были вытащены мириады ничего незначащихъ бессмысленныхъ названій; послѣднія, будучи прилагаемы къ людямъ, далеко не облагораживали ихъ и не бу-

дили въ нихъ честнаго самолюбія, а напротивъ подгоняли всѣхъ подъ уровень посредственности, вселяли во всѣхъ ненасытное желаніе подняться еще выше по блестящей лѣстницѣ чиновъ.

Всѣ дѣйствительно достойные люди, если они только имѣли возможность, избѣгали государственной службы, старались отдѣлиться отъ массы, которая гналась за легко достающимися чинами, какъ голодный за хлѣбомъ; нѣчто подобное происходитъ и теперь. Дѣйствительная аристократія, аристократія по характеру и по достоинствамъ, только въ исключительныхъ случаяхъ вступаетъ въ ряды бюрократіи.

Гоголь, русскій Вольтеръ, очень вѣрно изобразилъ ту породу людей, которыми и теперь полны всѣ высшіе и низшіе административныя должности въ этой обширной Имперіи. Умственное развитіе, широкое образованіе и культурность, все это дѣйствительно является помѣхой къ поступленію на государственную службу. Все вліяніе верховъ бюрократическаго режима употребляется къ тому, чтобы не допустить человѣка, обладающаго этими качествами, до государственной службы, и это дѣлается изъ боязни, что онъ будетъ содѣйствовать раскрытію вопіющей нецѣлесообразности системы, обнаженію передо всѣмъ міромъ во всей ихъ неприглядности царящихъ при ней безчестности и порочности.

Обладателю университетскаго диплома нечего и стараться получить мѣсто на этой единственной въ своемъ родѣ государственной службѣ, такъ какъ такой дипломъ свидѣтельствуетъ о знаніяхъ и о стремленіи къ прогрессу, качествахъ, которыя невыразимо непріятны русскому бюрократу. Дѣйствительно, въ настоящее время положительно можно сказать, что въ университетскомъ студентѣ видятъ прежде всего революціонера и врага существующихъ властей. Таковъ онъ и есть; но хотя въ настоящее время его убѣжденія и толкаютъ его къ необдуманной горячности и направляютъ его усердіе на ложный путь, но въ общемъ, точка зрѣнія русскаго студента будетъ легко понятной каждому, кто возьметъ на себя трудъ самому выяснить истинное положеніе вещей, такъ какъ студентъ всѣмъ существомъ своимъ возстаетъ противъ пороковъ бюрократическаго режима и опасенъ только для нихъ.

Зная, что такое бюрократическій режимъ, я беру на себя смѣлость предсказать, что Россія будущаго отведетъ студентамъ почетное мѣсто въ ряду русскихъ патріотовъ, укажетъ на нихъ ихъ потомкамъ какъ на людей, которые сознавали свои обязанности по отношенію къ родинѣ и благородно старались выполнить ихъ.

Если въ Россіи умъ и образованіе такимъ образомъ не допускаются до государственной службы, то и нѣтъ ничего удивительнаго въ

томъ, что страна находится въ настоящемъ положеніи; нѣтъ ничего удивительнаго въ ея финансовомъ, политическомъ, социальномъ банкротствѣ.

Дѣйствительно, большинство чиновниковъ, занимающихъ высшія должности въ губерніяхъ Россіи, по своему образованію и умственному развитію совершенно не подготовлены къ тому, чтобы какъ слѣдуетъ исполнять лежащія на нихъ обязанности, и девяносто девять процентовъ изъ нихъ сами сыновья слѣпыхъ реакціонеровъ, приверженцы бюрократическаго режима, всосавшіе любовь къ нему съ молокомъ матери.

Что касается до массы служащихъ низшихъ разрядовъ, которыми какъ громадной сѣтью покрыта Россія отъ одного конца до другого, то они представляютъ собою само невѣжество; восемьдесятъ процентовъ изъ нихъ совершенно не развиты, необразованы и лишены природной утонченности.

Въ 1880 г. было произведено тщательное изслѣдованіе о подготовкѣ должностныхъ лицъ всѣхъ ранговъ, находящихся на службѣ у Правительства. Полученные результаты не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно истиннаго положенія вещей; они столь же интересны какъ и удивительны. Въ среднемъ на каждые сто человѣкъ, съ высшимъ образованіемъ приходилось только два; отъ пяти до шести человѣкъ окончили среднюю школу; десять - двѣнадцать человѣкъ

имѣли кое-какія отрывочныя познанія, пріобрѣтенныя ими въ низшихъ школахъ; восемьдесятъ же человѣкъ *никогда не посѣщали школы*, никогда не знали, что такое конкурсный экзаменъ.

Таковы въ настоящее время низшіе агенты Правительства и едва ли нужно добавлять, что они выполняютъ свои обязанности въ высшей степени неумѣло и приносятъ величайшій вредъ дѣлу службы. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что Россія безпомощно бьется въ сыпучихъ пескахъ реакціи, что русскій народъ задыхается въ той атмосферѣ испорченности, которая царитъ въ общественныхъ дѣлахъ, и что чувство недовѣрія ко всему, что предпринимается Правительствомъ и даже ко всему, что находится въ самомъ далекомъ отношеніи къ нему, растетъ до такихъ размѣровъ, что оно можетъ оказаться неустранимымъ? Что же удивительнаго если русскій народъ борется чтобы освободиться отъ бюрократической змѣи, которая обвилась вокругъ него крѣпкими кольцами и душитъ его?

Я не хочу сказать чего нибудь несправедливаго о министерствѣ г. Столыпина. Онъ еще долженъ показать себя,—или скорѣе, онъ теперь показываетъ себя; и хотя до сихъ поръ его методъ управленія очень мало подходитъ къ двадцатому столѣтію и онъ, повидимому, впадаетъ въ старыя заблужденія, возвращается къ старымъ взглядамъ своихъ предшественниковъ, главной аксіомой которыхъ было, что при само-

державномъ правительствѣ народъ не имѣетъ правъ,—мы все же еще должны отложить сужденіе о немъ, дать ему время осуществить тѣ грандіозные планы, которые онъ, какъ мы слышали, выработалъ для блага своей родины.

Что же лежитъ въ основаніи бюрократической системы?—Централизациа. М-ръ Джофрей Дрэдждъ говоритъ (я цитирую на память). «Если справедливо, что централизациа создала Россію, то также справедливо и то, что децентрализациа представляетъ собою единственное средство, которое можетъ дать ей возможность жить». И ничто не можетъ быть вѣрнѣ этого. Система централизации,—которую можно характеризовать тѣмъ, что въ основѣ ея лежитъ принципъ переложенія отвѣтственности на плечи другихъ,—во всѣхъ отрасляхъ управленія по всей Имперіи является тормазомъ и помѣхой, дѣлаетъ ихъ существованіе бесполезнымъ.

Посмотримъ теперь, до какого положенія довело Россію господство этой системы? Прежде всего, какія мѣры или какія упущенія подготовили тотъ безнадежный хаосъ, который теперь царитъ въ управленіи страной? Въ 1864 г. были созданы земства, учрежденія по своимъ задачамъ похожія на наши англійскіе совѣты графствъ, но отличающіяся отъ послѣднихъ тѣмъ, что на бумагѣ они имѣли значительно бѣльшую власть, чѣмъ послѣдніе, а въ дѣйствительности дѣлали гораздо меньше ихъ, благодаря тѣмъ преградамъ,

которыя поставило Правительство ихъ стремленію работать на пользу народа и просвѣщать послѣдній. При созданіи этихъ учрежденій по всей странѣ зародились надежды, что наконецъ въ Россіи будутъ построены дороги, открыты школы, улучшены условія деревенской жизни, введены болѣе совершенные методы обработки земли крестьянами и т. д. Но увѣ! «неисполнившіяся надежды дѣлаютъ сердце больнымъ», а Россія теперь очень, очень больна.

Едва Правительство дало народу самоуправленіе одной рукой, какъ оно уже взяло его обратно другой. При введеніи этой реформы, также какъ это бываетъ и теперь, когда готовится какая нибудь важная реформа, общество спрашивало себя: «что у насъ отнимутъ на *этотъ* разъ?» Народъ утратилъ довѣріе; покуда Правительство будетъ держаться настоящаго образа дѣйствій, оно никогда не получитъ довѣрія народа.

Въ 1881 г. былъ убитъ Императоръ Александръ II и это вызвало волну безнадежной реакціи, поддерживаемой Побѣдоносцевымъ, прокуроромъ святѣйшаго синода, и Плеве, который тогда былъ начальникомъ полиціи. Свобода общественной дѣятельности была стѣснена еще болѣе, чѣмъ это было ранѣе, и всѣ общественныя учрежденія мало по малу отнимались у общества и превращались въ бюрократическіе механизмы. Мировые судьи, корпорація уважаемыхъ

людей, къ которымъ общество и крестьяне привыкли относиться съ почетомъ и довѣріемъ, были устранены и замѣнены чиновниками. Земства собирались какъ и раньше, но ихъ значеніе было сведено къ нулю: они были поставлены въ полную зависимость отъ чиновниковъ. «У насъ нѣтъ болѣе судей, говорили крестьяне, у насъ есть только распоряжающіеся нами чиновники».

Земства и провинціальное дворянство боролись противъ такого положенія вещей и на большомъ сѣздѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ въ 1902 г., рекомендовали Правительству принять слѣдующихъ мѣръ:

- 1) Широкое распространеніе образованія.
- 2) Расширеніе власти земствъ и усиленіе представительнаго характера этихъ учреждений.
- 3) Уравненіе крестьянъ въ правахъ съ лицами другихъ сословій.
- 4) Устраненіе всѣхъ преградъ къ свободному устному или печатному обсужденію экономическихъ вопросовъ.

Вполнѣ разумныя требованія, скажете вы, для націи, состоящей изъ 140.000.000 человѣкъ и въ двадцатомъ столѣтіи.

Да, вполнѣ разумныя и въ высшей степени умѣренныя; но каковы же были ихъ результаты? Всѣ участники сѣзда получили выговоръ отъ Правительства: нѣкоторые изъ нихъ, которые были на государственной службѣ, были устранены отъ должности, трое были сосланы въ Сибирь.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ немногочисленнымъ замѣчаніямъ относительно бюрократическаго режима, которыя мнѣ еще остается сдѣлать, я попрошу моихъ читателей послѣдовать за мной въ деревни и въ избы, для того чтобы показать имъ послѣдствія этого отсутствія реформъ.

Въ началѣ главы мы видѣли, въ какой обстановкѣ родится русскій крестьянскій ребенокъ. Въ продолженіе мѣсяцевъ послѣ его появленія на свѣтъ онъ остается лишеннымъ главныхъ даровъ природы: онъ вдыхаетъ влажныя душныя испаренія, дымъ, полную бациллъ пыль; его ноздри раздражаются тошнотворнымъ запахомъ, по необходимости наполняющимъ почти герметически закупоренную русскую избу, въ которой люди живутъ въ перемежку съ животными.

Но быть можетъ вліяніе этой антигигіеничной обстановки, этой неудовлетворительности жилья въ санитарномъ отношеніи, компенсируется пищей, которую получаетъ несчастный ребенокъ?

Ничуть не бывало. Получаемая имъ пища вполне соотвѣтствуетъ той обстановкѣ, въ которой онъ живетъ: она состоитъ изъ огурцовъ, чернаго хлѣба и воды, причемъ послѣдняя очень часто бываетъ недоброкачественной; только въ теченіе непродолжительнаго лѣта и осени къ этой діетѣ правильнымъ образомъ прибавляются яблоки. Иногда ребенокъ получаетъ молоко, но это бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ;—по крайней

мѣрѣ во многихъ губерніяхъ центральной, юго-восточной и южной Россіи, въ особенности въ губерніяхъ Рязанской, Орловской, Самарской и Тамбовской, примѣры того чтобы дѣтямъ сколько нибудь правильнымъ образомъ давалось молоко очень рѣдки.

Нѣсколько разъ проѣзжая по странѣ въ послѣднюю зиму, я нашелъ, что или крестьяне не имѣютъ коровъ, или же ихъ коровы больны или такъ заморены и голодны, что не въ состояніи давать молока, достойнаго этого названія.

Слѣдовательно, для новорожденныхъ дѣтей, для ихъ матерей и вообще для больныхъ не дѣлается ничего? можетъ быть спросать меня.

Номинально—дѣлается. Правительство ежегодно получаетъ громадныя томы статистическихъ данныхъ, показывающихъ, что было сдѣлано для оказанія помощи и какъ были израсходованы деньги, назначенныя для этого изъ государственныхъ средствъ.

Но я долженъ сознаться, что хотя мнѣ пришлось объѣхать обширную часть страны, видѣть нѣсколько сотъ деревень, мнѣ никогда не приходилось констатировать, чтобы доклады, посылаемые Правительству провинціальными чиновниками, соотвѣтствовали впечатлѣнію, произведенному на меня дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ какомъ нибудь опредѣленномъ округѣ.

Изъ этихъ докладовъ я видѣлъ, что въ той или другой мѣстности нужно было считаться съ

нѣкоторымъ «мѣстнымъ недородомъ» (очень любимое бюрократіей выраженіе), но что тамъ не было и помину о настоящемъ неурожаѣ. Мнѣ пришлось наталкиваться на такія утвержденія тогда, когда я самъ путешествовалъ именно по той мѣстности, къ которой они относились, и самъ былъ огорченнымъ свидѣтелемъ самыхъ ужасныхъ страданій, какія только могутъ выпасть на долю человѣка. Въ докладахъ я видѣлъ, что въ той или другой мѣстности было израсходовано на помощь столько-то тысячъ рублей и такое-то количество припасовъ. Я ѣхалъ въ эту мѣстность и открывалъ, что если провизія и раздавалась, то въ такихъ незначительныхъ количествахъ, что о нихъ едва ли стоитъ и говорить, и что они абсолютно не могли существенно облегчить положеніе голодающихъ крестьянъ. Что касается до раздачи денегъ, то по крайней мѣрѣ на основаніи моего опыта, я считаю всѣ рассказы о такой помощи чистѣйшимъ вымысломъ.

Однако, по обширному пространству Россіи тамъ и сямъ, подобно каплямъ въ океанѣ, разсѣяны небольшіе госпитали или больницы, учрежденныя земствами съ разрѣшенія Правительства. Въ такой больницѣ обыкновенно имѣется шесть—двѣнадцать кроватей; ея завѣдуетъ земскій докторъ, который во многихъ случаяхъ имѣетъ ассистента; иногда такимъ ассистентомъ бываетъ военный фельдшеръ или старый солдатъ, который нѣсколько ознакомился съ медициной и хирур-

гій на войнѣ. Но этихъ больницъ мало и онѣ отстоятъ одна отъ другой далеко.

Для посѣщенія ихъ крестьянамъ часто приходится отправляться за двадцать-тридцать миль по въ высшей степени неудобной для передвиженія мѣстности, весною и осенью совершенно лишенной дорогъ. Если крестьянинъ рѣшится идти въ такую больницу за амбулаторной помощью, то для того чтобы получить склянку лекарства, ему нерѣдко приходится терять два дня на дорогу туда и обратно! Недавно было вычислено, что въ среднемъ для всего крестьянскаго населенія въ Россіи приходится одинъ врачъ на 30,000 чело-вѣкъ! Какія послѣдствія это имѣетъ для бѣдныхъ полуголодныхъ деревень—легче вообразить, чѣмъ описать.

Кромѣ того, въ настоящее тяжелое время,—когда крестьяне, чтобы выручить денегъ на пищу, продаютъ скотъ за цѣну, которой стоитъ кожа, когда они жгутъ въ качествѣ топлива долженствующій идти на удобреніе почвы навозъ, нарочно разоряютъ избы, для того чтобы превратить ихъ матеріалъ въ дрова и употребляютъ же-луди и дубовую кору въ качествѣ суррогатовъ хлѣба,—только у очень рѣдкихъ крестьянскихъ семействъ имѣются лошади и сани, на которыхъ больного можно было бы свезти въ далеко отстоящую больницу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ замѣтить, что я не нашелъ, чтобы чрезмѣрное добродушіе

*

и состраданіе къ себѣ подобнымъ были отличительными чертами характера русскаго крестьянина. Правда, крестьяне дружны между собою и въ нѣкоторыхъ случаяхъ у нихъ можно встрѣтить очень глубокія семейныя привязанности, но, говоря вообще, слѣдуетъ признать, что крестьянинъ относится къ членамъ своего семейства безучастно, грубо и это объясняется оставшимся еще со времени среднихъ вѣковъ презрѣніемъ мужчины къ женщинѣ. Крестьянинъ беретъ себѣ дражайшую половину только для того, чтобы имѣть около себя помощника. По его понятіямъ, ея функціи исчерпываются материнствомъ и онъ думаетъ, что онъ уже оказалъ ей достаточную честь тѣмъ, что женился на ней, и не признаетъ за собой другихъ обязанностей по отношенію къ ней.

А если такъ, то какое право имѣетъ она быть больной? Это не входило въ условія заключенной между ними сдѣлки. На какомъ основаніи можетъ она разсчитывать на его сочувствіе или воображать, что онъ будетъ терять время на то, чтобы везти ее въ ихъ саняхъ или тарантасѣ въ находящуюся за двадцать верстъ больницу? Нѣтъ, о чемъ нибудь подобномъ нечего и думать.

Далѣе, если заболѣваютъ дѣти, тѣмъ хуже для нихъ и происходитъ это по Божьей волѣ. Богъ далъ ихъ и можетъ быть онъ хочетъ отнять ихъ. Сколько разъ, когда я хотѣлъ помочь этимъ несчастнымъ существамъ своими познаніями

въ медицинѣ, мнѣ приходилось слышать отъ нихъ слѣдующее замѣчаніе: «Баринъ, ребенокъ очень боленъ, онъ едва ли можетъ жить. Богъ не хочетъ чтобы онъ жилъ; онъ можетъ вырасти только калѣкой; не намъ бороться противъ Божьей воли и пытаться спасти его». И они дѣйствительно не дѣлаютъ этого. Такимъ образомъ, настоящій мужикъ есть русскій прототипъ ученыхъ теологовъ и отъявленный фаталистъ.

Съ другой стороны, безчисленное количество разъ мнѣ приходилось слышать отъ мужиковъ слѣдующее: «Баринъ, тамошній докторъ дурной человѣкъ; онъ наживаетъ деньги отъ своей больницы; онъ даетъ только подкрашенную воду. Какой же смыслъ ходить за двадцать верстъ напрасно? Онъ даетъ лѣкарства только на три или четыре дня; для того, чтобы вылѣчиться, нужно ходить много разъ». Крестьяне боятся самой возможности быть положенными въ эту больницу. Мысль о какой нибудь операціи приводитъ ихъ въ ужасъ. Короче сказать, самое названіе «Земская больница» внушаетъ крестьянину отвращеніе.

Однако я спѣшу замѣтить, что вышеупомянутыя жалобы крестьянъ въ большинствѣ случаевъ основаны на незнаніи ими дѣйствительныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ докторъ не можетъ лѣчить ихъ какъ слѣдуетъ. Прежде всего, разстояніе мѣшаетъ продолжительному лѣченію, а продолжительное лѣченіе во многихъ случаяхъ необходимо. Далѣе, благодаря колоссальной не-

развитости мужика, съ нимъ почти невозможно обращаться какъ съ интеллигентнымъ пациентомъ и разумнымъ существомъ. Онъ и понятія не имѣетъ объ опрятности. Много разъ мнѣ приходилось давать какому нибудь крестьянину чистыя хирургическія перевязки, при чемъ я толковалъ ему, что онъ не долженъ загрязнять эти перевязки, долженъ держать ихъ завернутыми въ бумагу, которую онъ тоже получалъ отъ меня. Наблюдая за тѣмъ въ окно, что онъ будетъ дѣлать, я часто видѣлъ, что онъ развертываетъ перевязку, тщательно рассматриваетъ ее, иногда роняя ее при этомъ на землю, и затѣмъ кладетъ ее безъ бумаги въ свой грязный полушубокъ.

По понятіямъ крестьянина, хорошее лѣкарство должно имѣть острый запахъ и еще болѣе острый вкусъ; если въ данномъ ему лѣкарствѣ онъ не находитъ этихъ двухъ качествъ, онъ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Это лѣкарство не хорошо; а принимать его чайными ложками уже чистѣйшая бессмыслица», и въ пятидесяти случаяхъ изъ ста онъ, исходя изъ той мысли, что цѣлое больше своей части и потому произведетъ большее дѣйствіе, выпиваетъ всю склянку сразу.

Нерѣдко случается, что выпивается сразу не то лѣкарство, которое было назначено. Я далъ одному крестьянину склянку камфорнаго масла для растиранія груди и склянку укрѣпляющаго средства, которое онъ долженъ былъ принимать для улучшенія общаго состоянія организма. За-

тѣмъ я видѣлъ, какъ одна изъ склянокъ стала ходить по рукамъ всѣхъ сидящихъ въ его саняхъ: изъ нея пили его жена, сынъ, дочь и наконецъ самъ онъ, поднявъ руку, осушилъ пузырекъ до дна. Это имѣло очень печальныя послѣдствія: вся компанія возвратилась ко мнѣ, скорчившись и съ выраженіемъ сильнаго страданія держа руки на животахъ; оказалось, что камфорное масло ушло въ ихъ несчастные желудки, а укрѣпляющее средство осталось нетронутымъ!

Этотъ примѣръ не единственный, и я могъ бы привести множество подобныхъ ему. У меня были пациенты, которые пили ядовитый растворъ свинцовой соли, данный имъ для болячекъ на ногахъ, и дѣлали это намеренно, «такъ какъ», говорили они, я думалъ, что если средство такъ хорошо помогаетъ снаружи, то оно должно принести такую же пользу и будучи принято внутрь». Такимъ образомъ, они атаквали мучившія ихъ язвы съ двухъ сторонъ: съ фронта и съ тыла, и мои коллеги легко могутъ представить себѣ результаты такого лѣченія.

Однажды, въ центральной Россіи, я далъ одному пациенту іодной тинктуры и подробно объяснилъ ему, какъ ею нужно было намазать шею. Нѣсколько дней спустя онъ приходитъ ко мнѣ въ глубочайшемъ горѣ. Его шея зажила, но съ нимъ случилась ужасная исторія. Іодная тинктура помогла ему такъ чудесно, что онъ рѣшился испытать ея дѣйствіе на своемъ маленькомъ ре-

бенкѣ, у котораго нѣсколько распучило животъ и который вслѣдствіе этого кричалъ всю ночь. Такимъ образомъ, онъ вымазалъ ребенка іодомъ спереди и сзади, такъ что на немъ не осталось ни одного незакрашеннаго мѣста. Странное дѣло, сильно дѣйствующее лѣкарство не произвело желаемаго дѣйствія, но только заставило несчастнаго малютку кричать отъ ужасной боли.

Что же было дѣлать? Очевидно, онъ долженъ былъ послать за мѣстнымъ фельдшеромъ. Послѣдній явился и съ видомъ знающаго человѣка, въ длинной рѣчи заявилъ, что виноватъ былъ я, но что съ помощью ловкости, которой Богъ наградилъ только его, онъ можетъ вылѣчить ребенка; однако онъ добавилъ къ этому, что если уже есть Божья воля на то, чтобы ребенокъ умеръ даже послѣ его таинственныхъ заклинаній и еще болѣе таинственныхъ средствъ, то это, конечно уже не его дѣло. Послѣ этого онъ наложилъ на всѣ мѣста тѣла ребенка, покрытыя іодомъ, большой белладоновый пластырь и далъ ему внутрь какого-то рвотнаго, послѣ котораго ребенка тошнило всю ночь. Ко всеобщему удовольствію фельдшеръ объяснилъ, что это выходитъ докторское лѣкарство, что онъ дѣйствительно удалилъ изъ организма ребенка мое вредное зелье. Затѣмъ онъ велѣлъ давать ребенку огурцовъ и другой зелени,—замѣтите, что ребенокъ имѣлъ только два года отъ роду,—и сдѣлавъ мудрое замѣчаніе, что ребенка «быть можетъ будетъ тошнить еще»,

такъ какъ возможно, что часть моего лѣкарства еще осталась въ его тѣлѣ, онъ получилъ гоно-
раръ и ушелъ!

Изнуренный страданіями ребенокъ умеръ и отецъ, повидимому, совершенно не могъ понять, что онъ поступилъ неправильно, когда намазалъ ребенка іодомъ, и неразумно, когда не пришелъ прямо ко мнѣ.

Я не полѣнился сходить къ фельдшеру, такъ какъ я былъ готовъ преподать ему нѣсколько правилъ элементарной медицины; но когда я ему сообщилъ, что ребенокъ умеръ, онъ перекрестился разъ десять подрядъ и, какъ бы гордясь своими знаніями, сказалъ: «Дураки, дураки, они всегда зовутъ меня только тогда, когда уже расхвораются очень сильно. Божья воля, Божья воля». Я оставилъ его, такъ какъ мнѣ стало ясно, что благодаря его невѣжеству, всѣ мои аргументы отско-
чатъ отъ него какъ отъ стѣны горохъ и что вкоренившееся въ немъ сознаніе своей учености помѣшаетъ ему усвоить что нибудь новое.

Приведу еще одинъ примѣръ, показывающій съ какими затрудненіями приходится бороться врачу, желающему помочь этимъ несчастнымъ созданіямъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ, когда я только что остановился въ одномъ имѣніи въ западной части Витебской губерніи, ко мнѣ явился по безотлагательному дѣлу крестьянинъ и просилъ меня тотчасъ же пойти посмотреть его тяжело больного брата.

Я сейчас же пошелъ туда и открылъ, что у больного былъ легкій заворотъ кишки, причинявшій запоръ и сильную боль. По счастливой случайности и съ помощью простыхъ средствъ мнѣ удалось расправить кишку и успокоить боли. Я ввелъ извѣстныя лѣкарства черезъ прямую кишку,—но,—что важнѣе всего,—не далъ ничего внутрь.

А между тѣмъ, если вы не даете принимать чего нибудь внутрь и никакой мази для растиранія болящаго мѣста, то, по мнѣнію крестьянъ, ваше лѣченіе никуда не годится.

Теперь послушайте, что произошло далѣе. Я навѣстилъ больного два дня спустя и нашелъ, что онъ лежитъ совершенно истощенный,—блѣдный, страшный, очевидно *in extremis*. Пораженный этимъ, я спросилъ у родныхъ, что случилось. Что онъ ѣлъ? Замѣчу, что я прописалъ молочную діету. Мнѣ отвѣчали: «Онъ ничего не можетъ ѣсть, не можетъ пить молока и оно не оказываетъ никакого дѣйствія на него. (Русскій крестьянинъ вѣритъ только въ такое дѣйствіе, которое онъ можетъ видѣть своими глазами). Мы попробовали дать ему немного говядины и огурцовъ». Это было уже достаточно дурно и отчасти объясняло печальное положеніе больного, но я былъ убѣжденъ, что были приняты и другія мѣры для того чтобы «поправить его».

Я осмотрѣлъ несчастнаго и пришелъ къ заключенію, что у него произошелъ разрывъ кишки и что ему осталось жить только нѣсколько

часовъ. Онъ умеръ спустя три часа послѣ моего прибытія. Его родственники упорно отказывались сообщить мнѣ какія нибудь подробности относительно дополнительнаго лѣченія, которое, какъ я былъ убѣжденъ, было примѣнено къ нему очень энергично, и я узналъ истину только случайно встрѣтись съ аптекаремъ сосѣдняго городка или большого села, имѣющаго 2.000—3.000 жителей.

Въ короткихъ словахъ, произошло слѣдующее: такъ какъ я не далъ больному ни внутренняго средства, ни мази, то послѣ моего ухода состоялся семейный совѣтъ и поспѣшно былъ приглашенъ живущій въ пяти—шести верстахъ фельдшеръ. Послѣдній прибылъ, призналъ мое лѣченіе неправильнымъ и началъ пичкать несчастнаго больного разными возбуждающими тошноту микстурами, которыя вызвали, кромѣ ужасныхъ рвоты и поноса, сильное вздутіе уже пораженной кишки. Это продолжалось нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ несомнѣнно и произошелъ разрывъ.

Разрыву предшествовали сильныя страданія больного, о которыхъ фельдшеръ сказалъ, что онъ ихъ предвидѣлъ; онъ продолжалъ давать слабительное и по словамъ родственниковъ «встряхивалъ больного, приводя его то въ сидячее, то въ лежачее положеніе». «Но, говорили родные, даже это не помогло ему и потому, когда фельдшеръ ушелъ, мы пригласили къ нему Марью Ивановну».

Марья Ивановна была старая колдунья, которая

промышляла тѣмъ, что лѣчила таинственными заклинаньями и пользовалась громкой репутаціей въ качествѣ творящей чудеса бабушки или знахарки; прибывъ и давъ въ свою очередь несчастному пациенту всякой гадости, она начала производить надъ нимъ разныя колдовскія операціи, одна изъ которыхъ состояла въ томъ, что она плевала ему въ ротъ, другая—въ томъ, что она сѣла ему на животъ и, бормоча заклинанія, шесть разъ перевернулась на немъ какъ на подставкѣ. Если бы что нибудь и нужно было, чтобы довершить разрывъ, то такое энергичное лѣченіе сдѣлало бы это, и дѣйствительно родственники больного говорили аптекарю, что послѣ этого лѣченія «больной совершенно успокоился и повидимому, пересталъ мучиться». Моимъ коллегамъ я едва ли долженъ объяснять, что пациентъ умеръ потому что внутренности не выдержали методовъ лѣченія фельдшера и знахарки.

Нужно ли добавлять къ этому что либо? Я думаю что нѣтъ; развѣ только привести нѣсколько подробностей изъ исторіи жизни этихъ фельдшеровъ, къ которымъ русскіе крестьяне относятся съ такимъ довѣріемъ. Въ большинствѣ случаевъ такой фельдшеръ есть старый солдатъ, который на службѣ выучился дѣлать перевязки и накладывать пластырь; если ему пришлось имѣть на своихъ рукахъ военный ящикъ съ лѣкарствами, то онъ, пробуя одно средство за другимъ на

своихъ несчастныхъ товарищахъ, открылъ какія изъ этихъ средствъ полезны и какія нѣтъ.

На театрѣ русско-японской войны мнѣ приходилось встрѣчать много этихъ новичковъ въ медицинѣ, которые позднѣе съ самымъ ученымъ видомъ будутъ практиковать свое искусство между своими братьями въ русскихъ деревняхъ. Мнѣ часто приходилось разговаривать съ этими людьми и одинъ изъ такихъ разговоровъ въ особенности удержался у меня въ памяти.

Я спросилъ одного изъ такихъ неподготовленныхъ практиковъ, какъ онъ распознаетъ болѣзни и въ то же время постарался принять видъ заинтересованнаго ученика, обращающагося къ своему учителю. Это польстило ему, и онъ далъ мнѣ очень поучительный совѣтъ относительно лѣченія, который я и привожу для пользы нашихъ лондонскихъ больницъ, гдѣ тратится столько времени на опредѣленіе каждой болѣзни.

Онъ сказалъ:—«Баринъ, когда люди чувствуютъ себя больными, то имъ нужно лѣкарство и вы должны дать имъ его. Если вы откажете въ этомъ, то они подумаютъ, что вы не знаете какого лѣкарства нужно дать; вслѣдствіе этого, я въ такихъ случаяхъ всегда говорю. «Вы дѣйствительно очень больны,—серьезно больны». Услыхавъ это, они сразу убѣждаются что я понимаю ихъ болѣзнь и будутъ принимать все, что только я имъ дамъ. У меня есть много приготовленныхъ мною самимъ лѣкарствъ и въ настоящее время я знаю по опыту

(это въ настоящее время очень многозначительно), какое дѣйствіе они оказываютъ на большинство людей. Если мое лѣкарство не помогаетъ и ихъ тошнить отъ него, то я знаю, что оно было неподходящимъ и даю имъ другого. Если больной опять не поправляется или если принятіе лѣкарства не дастъ желаемого результата, то у меня есть такое средство, которое заставитъ каждого извергнуть все, что у него есть въ желудкѣ и когда это будетъ достигнуто, я знаю, что я могу начать новое лѣченіе!» Пораженный героическими средствами, которыя мнѣ такъ любезно сообщили, но продолжая притворяться жаждущимъ познаній, я спросилъ: «А предположите что онъ умираетъ».

Тогда ученый человѣкъ, запахнувъ одной рукой свою куртку и многозначительно поднявъ другую руку надъ головой и указывая ею на небо, съ самымъ серьезнымъ видомъ сказалъ: «Баринъ, всѣ созданы Богомъ, больной какъ и докторъ одинаково Его творенія. А если такъ, то ясно, что разъ Онъ допускаетъ, чтобы мой пациентъ умеръ, то это не мое дѣло; и было бы несправедливо, если бы я сталъ роптать на Него за это или если бы кто нибудь сталъ порицать меня».

Вотъ примѣръ высокой вѣры и удобной покорности могуществу Творца и волѣ Провидѣнія!

Фельдшера широко пользуются способами лѣченія основанными на суетвѣріи, во власти кото-

раго находятся они сами и крестьяне; такіе способы очень часто употребляются при родахъ. Одинъ изъ наиболѣе часто употребляемыхъ приемовъ этого рода состоитъ въ томъ, что фельдшеръ становится на несчастную женщину; послѣдняя нѣсколько разъ плюетъ, а онъ дѣлаетъ рядъ прыжковъ: сначала на одну сторону постели, а затѣмъ—черезъ пациентку—на другую; наконецъ онъ тоже плюетъ въ отворенную дверь. Этими средствами отгоняется дьяволъ, который дѣлаетъ роды трудными, и послѣ ихъ употребленія страданія ослабѣваютъ.

Но мнѣ быть можетъ возразятъ: «Если русское крестьянство вырастаетъ въ такихъ условіяхъ, то какъ же объяснить тотъ фактъ, что оно, говоря вообще, даетъ такіе мужественные типы?»

На это я отвѣчу, что не только нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что крестьянское населеніе физически вырождается, но что если и приходится видѣть здоровые и сильные типы, то это только значить, что переживаютъ наиболѣе приспособленные. Смертность между крестьянами, въ особенности въ тѣ періоды, когда, какъ теперь, имъ приходится ощущать недостатокъ пищи,—громадна. Въ обыкновенное время смертность въ Россіи выше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, и достигаетъ 33—36 человѣкъ на 1.000; но для такихъ годовъ, какъ настоящій и прошедшій, эти цифры несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ.

Въ пятидесяти деревняхъ Рязанской, Воронежской и Орловской губерній, взятыхъ наугадъ изъ числа тѣхъ, которыя я посѣтилъ прошедшей зимой, и имѣющихъ отъ 600 до 2.000 населенія, по моимъ вычисленіямъ оказалось, что смертность была почти постоянной и составляла 70—80 человѣкъ на 1.000. Далѣе, почти во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія я нашелъ, что 80% числа умершихъ состояли изъ грудныхъ младенцевъ и маленькихъ дѣтей. Однако рождаемость, хотя она и падаетъ, все еще составляетъ 48 на 1.000, и население Россіи ежегодно увеличивается на 2.000.000 человѣкъ.

Въ Москвѣ существуетъ интересное учрежденіе для этихъ маленькихъ дѣтей, — Воспитательный домъ. Какъ мнѣ говорили, въ это громадное зданіе ежегодно принимаютъ отъ 14.000 до 17.000 дѣтей, которыхъ матери приносятъ сюда со всѣхъ концовъ Имперіи: изъ холодной архангельской губерніи, съ солнечнаго Кавказа, изъ далекаго, расположеннаго въ голыхъ степяхъ Сибири, Якутска и съ сѣверныхъ границъ Маньчжуріи. Здѣсь дѣти находятъ пріютъ; при пріемѣ ихъ нумеруютъ и въ книгахъ дѣлается, на примѣръ, такая запись:— «№ 7416: мальчикъ, шести недѣль отъ роду.—Принятъ 8 января 1906 въ два часа пополудни». Очень часто за такой записью слѣдуетъ приписка: «№ 7416—умеръ, погребенъ».

Какъ только ребенка примутъ, его непременно несутъ въ церковь, гдѣ его крестятъ, даютъ ему

имя; новокрещенный начинаетъ свое существованіе съ привязаннымъ къ нему свидѣтельствомъ, въ которомъ говорится приблизительно слѣдующее «№ 18416: мальчикъ; крещенъ, имя Петръ Васильевичъ. Принятъ 10 іюня. Здоровъ. Помѣщенъ между грудными дѣтьми».

Какъ и слѣдовало ожидать, смертность между этими дѣтьми громадна. Многія дѣти умираютъ вскорѣ послѣ прибытія уже потому, что имъ пришлось выдержать далекое путешествіе; но сама по себѣ система отдачи дѣтей кормилицамъ должна быть признана совершенной, такъ какъ при ней каждый ребенокъ получаетъ надлежащее питаніе. Однако въ дѣйствительности, одна кормилица иногда кормитъ четверыхъ или пятерыхъ дѣтей и нетрудно предвидѣть послѣдствія, къ которымъ это должно вести. Мнѣ говорили, что смертность между дѣтьми достигаетъ 65—70% въ годъ.

Тѣмъ не менѣе Воспитательный домъ, какъ чисто воспитательное учрежденіе, заслуживаетъ всякой похвалы; помѣщенные сюда дѣти находятся въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ ихъ маленькіе братья, оставшіеся въ деревняхъ, изъ которыхъ дѣти прибываютъ сюда. Дѣйствительно, что же бюрократическій режимъ до сихъ поръ сдѣлалъ для созданія учреждений, въ которыхъ могли бы получать образованіе крестьяне? Буквально ничего.

На основаніи моихъ личныхъ наблюденій и

на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ лицами, посѣтившими Имперію, я полагаю, что безъ преувеличенія можно сказать, что между крестьянами людей, умѣющихъ сколько нибудь порядочно читать и писать, не болѣе какъ 2—5%.

Исходя изъ моихъ первоначальныхъ наблюденій, я вывелъ нѣсколько болѣе высокую цифру, но съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось придти къ печальному заключенію, что даже тотъ невысокій процентъ, который я опредѣлилъ первоначально, былъ выше дѣйствительнаго.

Исходите всю Россію, вы повсюду увидите, что для образованія подрастающаго поколѣнія сдѣлано мало или не сдѣлано совершенно ничего. Въ этой странѣ, для миллионовъ молодыхъ умовъ единственной пищей служатъ полицейскія правила. На громадномъ пространствѣ ея мѣстами разбросаны школы, но ихъ такъ мало, что только очень немногіе могутъ воспользоваться предоставляемой ими возможностью получить образованіе. У меня есть основанія полагать, что до послѣдняго года по крайней мѣрѣ 60% дѣтей не получали никакого образованія; но съ того времени, какъ начались волненія прошедшаго года, составъ полиціи былъ усиленъ, а число школъ въ той же пропорціи уменьшено, и я положительно утверждаю, что послѣ этого число неполучающихъ никакого образованія дѣтей стало значительно больше, чѣмъ это указано выше. Школы закрывались, учителя сажались въ тюрьмы и цѣлая организація народ-

наго образованія, которая какъ, говорятъ, начала осуществляться во всей странѣ (хотя для посторонняго эта великая волна прогресса осталась мало замѣтной) была загублена въ самомъ зародышѣ. Бюрократія рѣшила бороться противъ распространенія умственнаго развитія, недопустить послѣдняго въ странѣ, оставить крестьянъ въ невѣжествѣ и такимъ образомъ удержатъ ихъ въ настоящемъ незавидномъ положеніи, помѣшать имъ узнать недостатки администраціи, которая управляла ими. Она рѣшила, во что бы то ни стало, какъ можно дольше мѣшать крестьянамъ раскрыть глаза, такъ какъ она понимала, что ея сила зиждется на невѣжествѣ и на недостойныхъ чловѣка условіяхъ существованія этихъ крестьянъ.

Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ существуютъ школы, въ большей половинѣ случаевъ онѣ обязаны своимъ существованіемъ благотворительности мѣстнаго землевладѣльца, который, поддерживая ихъ, всегда долженъ считаться съ возможностью вмѣшательства полиціи; учителя этихъ школъ работаютъ при такихъ стѣсненіяхъ, что всякое подобіе преподаванія дѣлается невозможнымъ.

Въ теченіе послѣдней зимы мнѣ пришлось узнать о многихъ случаяхъ такого вмѣшательства полицейскихъ властей; одинъ разъ, на примѣръ, школу внезапно посѣтилъ начальникъ мѣстной полиціи; осмотрѣвъ учебныя книги и прислушавшись къ преподаванію, онъ приказалъ закрыть школу на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, сообщаемыя

ученикамъ знанія были разсчитаны на то, чтобы сдѣлать ихъ революціонерами. Какъ я слышалъ, во многихъ школахъ учатъ старую славянскую азбуку и тѣ мѣста изъ Священнаго Писанія, которыя, по мнѣнію мѣстной полиціи, не имѣютъ никакого отношенія къ практической политикѣ.

Въ послѣднюю зиму я имѣлъ счастье самъ быть свидѣтелемъ нашествія полиціи на деревню. Подозрѣнія послѣдней возбудили священникъ и школьный учитель. Какъ бы тамъ ни было, но мальчикамъ читалась исторія и неосторожный учитель сдѣлалъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ замѣчаній по поводу того факта, что нашъ король Карлъ былъ казненъ. Позднѣе я понялъ, что эти замѣчанія были сдѣланы для того, чтобы я увидалъ глубину познаній учителя. Во всякомъ случаѣ при упоминаніи о казни короля невѣжественный полицейскій чиновникъ нахмурилъ брови и немедленно приказалъ сопровождавшимъ его подчиненнымъ закрыть школу. По его мнѣнію, показывать дѣтямъ, что о такомъ событіи можно только думать, не говоря уже о томъ, чтобы обсуждать его, было чѣмъ-то близкимъ къ измѣнѣ. Урокъ былъ прекращенъ, школа заперта и остается запертой еще и до настоящаго времени, а учитель пошелъ подъ арестъ.

Хотя и рѣдко (въ большинствѣ случаевъ священники сами бюрократы), но бывали случаи, что сажали въ тюрьму и священниковъ за то, что они внушали своей паствѣ «превратныя понятія»;

если изъ школы забирались книги, то чаще всего гоненію цензуры подвергались книги по исторіи. Бюрократу ненавистна исторія такъ же, какъ ненавистенъ ему видъ свободнаго человѣка, потому что исторія знакомитъ народъ съ прошедшимъ и наталкиваетъ его на сравненія между его родиной и другими странами.

Крестьяне не должны знать, въ какихъ свинныхъ хлѣвахъ они живутъ, не должны знать, какъ живутъ крестьяне въ другихъ странахъ, не должны слышать о французской революціи и о казняхъ королей и королевъ; распространеніе между ними такихъ знаній было бы опаснымъ для бюрократіи. Крестьянинъ можетъ знать все что угодно, только не истину, и для того, чтобы помѣшать ему узнать послѣднюю, бюрократъ истратитъ послѣднюю копѣйку народныхъ денегъ. Вслѣдствіе этого полиціи дана *carte blanche*. Она не отвѣтственна ни передъ кѣмъ, можетъ дѣлать все что хочетъ, и пользуется предоставленной ей властью въ высшей степени неразумно и по ребячески; свои обязанности она исполняетъ самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ.

У большинства полицейскихъ чиновниковъ здравый смыслъ, повидимому, находится въ умаленіи; они, какъ кажется, неспособны внести сколько нибудь такта въ улаженіе тѣхъ затрудненій, на которые имъ приходится наталкиваться. Можно подумать, что жестокость и грубость суть единственные качества, которыми они обладаютъ. Въ

особенности эго вѣрно по отношенію къ провинціальной полиціи, которая, находясь вдали отъ центральныхъ властей, дѣлаетъ съ крестьянами все что хочетъ.

Сельскій полицейскій, какъ я знаю по личному опыту, въ буквальный смыслъ слова царствуетъ въ мѣстности, на которую простирается его власть, и въ большинствѣ случаевъ является настоящимъ тиранномъ. Его слово законъ; ему всегда больше вѣрятъ, чѣмъ мужикамъ. Наши англійскіе крестьяне раскрыли бы широко глаза, если бы мѣстному полицейскому пришло въ голову выгонять ихъ изъ сельскаго трактира или, бросившись на нихъ и безъ разбору награждая ихъ затрещинами, заставлятъ ихъ такимъ образомъ давать кому нибудь дорогу, хотя бы на примѣръ мѣстному сквайру. Между тѣмъ въ Россіи такія сцены можно видѣть каждый день и толпа терпѣливыхъ крестьянъ безропотно разбѣгается въ разныя стороны при грубомъ окрикѣ представителя худшей и самой непопулярной отрасли русской бюрократической системы.

Сэръ Дональдъ Мэкензи Уоллесъ рассказываетъ объ одномъ урядникѣ, который, найдя мертвое тѣло, собралъ много денегъ, возя его съ собой въ саняхъ отъ одной деревни къ другой и заявляя, что онъ нашелъ его близъ этой деревни. Грозя невѣжественнымъ крестьянамъ наказаніемъ за это злодѣйство, онъ наводилъ на нихъ такой страхъ, что они соглашались удовле-

творить всё его требованія, лишь бы онъ не начиналъ противъ нихъ судебнаго преслѣдованія.

Я думаю, что случай, о которомъ пришлось узнать мнѣ, еще болѣе возмутителенъ. Пара полицейскихъ такъ били мужика, что онъ умеръ, и, не довольствуясь этимъ, дѣйствительно имѣли смѣлость возить тѣло отъ одной деревни къ другой, какъ описано выше, и собирать дань съ несчастныхъ крестьянъ.

Вы скажете «жаловаться». Но какъ? Съ такимъ же правомъ вы могли бы сказать, что крестьяне, о которыхъ я рассказывалъ, что они выпили камфорное масло, должны были прочесть ярлыки на пузырькахъ. Крестьяне не могутъ ни читать, ни писать; да если бы даже они и *могли* это, то кто же бы сталъ печатать ихъ жалобы? Мѣстная газета? Мои читатели, Россія не Англія. Редакція газеты, напечатавшей подобныя письма, была бы закрыта и распоряженіемъ чиновника выходъ ея былъ бы приостановленъ.

Мѣстный цензоръ, обыкновенно губернаторъ или во всякомъ случаѣ его чиновники, не допускаетъ, чтобы сообщалась правда о бюрократическомъ режимѣ, и потому жалоба не можетъ быть услышана. Если какая нибудь газета, болѣе смѣлая чѣмъ другія, рискнетъ выпустить номеръ, не представивъ его предварительно на разсмотрѣніе цензора, и если въ этомъ номерѣ окажутся нападки на несправедливый режимъ, то эта газета тотчасъ же закрывается навсегда, а редакторъ въ

большинствѣ случаевъ сажается въ тюрьму какъ революціонеръ.

Въ теченіе всего прошедшаго года и еще въ настоящее время всѣ газеты, письма и памфлеты, проникающіе въ русскія деревни, подвергаются строгой цензурѣ. Я знаю много примѣровъ, что въ какой нибудь деревнѣ просвѣщенный землевладѣлецъ учреждалъ небольшую библіотеку, для того чтобы ею пользовались мѣстные крестьяне и крестьяне окрестныхъ деревень. Къ чему же это вело? Въ деревню приходила полиція, забирала книги и штрафовала землевладѣльца.

Одна моя знакомая дама въ Орлѣ сняла четыре комнаты и приспособила ихъ къ тому, чтобы онѣ служили клубомъ и читальней для крестьянъ и рабочихъ. Три дня спустя послѣ того, какъ были открыты клубъ и читальня, туда прибыла полиція, грубо разогнала тѣхъ, которыхъ она застала тамъ за чтеніемъ, забрала книги и закрыла помѣщеніе. Такихъ случаевъ бываетъ легіонъ.

Одинъ знакомый мнѣ русскій землевладѣлецъ позволилъ крестьянамъ пользоваться обширной комнатою въ его загородномъ домѣ для того, чтобы собираться въ ней и обсуждать социальныя вопросы и деревенскія дѣла. Полиція не вмѣшивалась, покуда мой знакомый не прибылъ туда самъ, чтобы помочь крестьянамъ въ обсужденіи ихъ дѣлъ и такимъ образомъ содѣйствовать благосостоянію деревни. На слѣдующій же день ему объявили, что за то, что онъ бесѣдо-

валъ съ крестьянами о политикѣ, онъ долженъ или заплатить двѣсти рублей штрафа, или подвергнуться трехмѣсячному аресту.

При такихъ стѣсненіяхъ, какъ же можно ожидать, чтобы гуманные и просвѣщенные землевладѣльцы помогали крестьянамъ выйти изъ ихъ невѣжества? Какъ можно ожидать, чтобы сами крестьяне могли сдѣлать многое для того чтобы помочь себѣ? Съ раннихъ лѣтъ крестьянскій ребенокъ свыкается со своимъ рабскимъ положеніемъ, усваиваетъ себѣ ту рабскую покорность властямъ, которая дѣлаетъ его такимъ раболѣпнымъ существомъ, какимъ онъ является въ дѣйствительности.

Тѣмъ не менѣе, изъ русскаго крестьянина при хорошей подготовкѣ и умѣломъ руководствѣ выходитъ прекрасный солдатъ, хотя и лишенный инициативы. Такъ было съ давнихъ временъ. Свидѣтельствомъ этого служить дань уваженія, заплаченная ему поэтомъ временъ Екатерины, который писалъ:

„Русскій переноситъ голодъ, жажду, усталость и преслѣдуетъ своего врага по всякой пустынѣ; его не страшатъ неудачи, не страшитъ неотвратимая судьба; онъ не цѣнитъ свою жизнь и великъ въ своей храбрости. Скромный и въ то же время гордый, если руководить имъ, онъ, широко развернувъ свои знамена, покорить все міръ“ ¹⁾.

¹⁾ Намъ неизвѣстенъ русскій оригиналъ этого стихотворенія и мы приводимъ здѣсь переводъ англійскихъ стиховъ, которыми перевелъ его авторъ.

Прим. перев.

.
.
.

Поѣзжайте въ любую мѣстность Россіи, обратите вниманіе на любую отрасль управленія и поинтересуйтесь способомъ веденія дѣлъ. Такимъ образомъ вы скоро убѣдитесь, что Россія далеко отстала отъ всякой другой цивилизованной или сколько нибудь цивилизующейся страны въ мірѣ.

Остановимся для примѣра на русской почтѣ и войдемъ въ почтовое отдѣленіе небольшого, имѣющаго 5.000—10.000 жителей, города. Въ помѣщеніи царитъ темнота; масса людей, почти-тельно снявъ шапки, съ терпѣніемъ, на которое способны только русскіе, стоитъ въ ожиданіи передъ небольшимъ окошечкомъ, закрытымъ тусклымъ стекломъ, приблизительно въ квадратный футъ. Время отъ времени это окошечко отворяется и въ немъ появляется голова русскаго почтового чиновника, который сердито, какъ будто бы собравшаяся публика не имѣла здѣсь никакихъ правъ, спрашиваетъ, что нужно. «Нѣтъ ли писемъ, газетъ и т. п. въ деревню Х», говоритъ счастливецъ, стоящій первымъ въ длинной вереницѣ ожидающихъ. «Такъ», отвѣчаетъ напоминающее сфинкса лицо; окно съ шумомъ захлопывается, и присутствующія въ отдѣленіи власти за папиросой и стаканомъ чая рѣшаютъ, не подозрительны ли требуемыя письма, и справляются, просмотрѣли ли онѣ все интересное въ газетахъ.

Терпѣніе съ одной стороны и приводящая въ отчаяніе медлительность съ другой; но вы не можете торопить русскаго чиновника, это было бы неслыханной дерзостью; онъ царь въ своемъ бюро и пользуется послѣднимъ для того, чтобы вмѣстѣ съ своими подчиненными спать, сидѣть, пить чай. Публика—мразь; на нее даже не стоитъ обращать вниманіе.

Спустя пять—десять минутъ стекло опять отодвигается и или выдаются письма или же, если начальникъ отдѣленія захочетъ быть придирчивымъ, онъ потребуетъ отъ васъ для удостовѣренія личности (хотя онъ знаетъ васъ уже много мѣсяцевъ) вашъ паспортъ; если же окажется, что несчастный получатель не имѣетъ при себѣ паспорта, то письма опять возвращаются въ ящикъ чиновника.

Далѣе, въ массѣ противорѣчивыхъ правилъ установленныхъ бюрократіей, всегда можно найти предлогъ къ тому, чтобы задержать письма или посылки и послать ихъ на разсмотрѣніе цензора, который можетъ открыть въ нихъ воображаемая беззаконія, революціонныя идеи или употребляемая нигилистами средства борьбы. На русской почтѣ, какъ и въ другихъ казенныхъ учрежденіяхъ, широко практикуется оттягиваніе дѣлъ.

На публику здѣсь не обращаютъ никакого вниманія; чиновникъ не придаетъ никакого значенія исполненію дѣлъ, по которымъ люди пришли

къ нему; онъ заботится только о томъ, чтобы поспать, посидѣть, покурить, попить чаю, поѣсть и наслаждается той непроницаемой таинственностью, которой окружена дѣятельность всякаго агента Правительства и которая внушаетъ девяти десятымъ обращающейся къ нему многочисленной публики смѣшанное чувство страха и уваженія къ этимъ людямъ, держащимъ совѣтъ подъ украшающимъ всякое русское казенное учрежденіе царскимъ портретомъ. Своей первой и самой священной обязанностью настоящій чиновникъ считаетъ *писать*. Зачѣмъ бы вы не обратились, за исключеніемъ покупки марокъ, все требуетъ цѣлыхъ страницъ письма, которое ничего не значитъ и ничего не гарантируетъ. Русскій чиновникъ говоритъ: «Да, но если вы не получите вашего письма или вашей посылки, мы заплатимъ вамъ десять рублей» или смотря по обстоятельствамъ и болѣе. Что же происходитъ въ дѣйствительности? Ваше письмо можетъ оставаться цѣлыя недѣли у цензора, покуда онъ удосужится прочесть его. Вы жалуетесь на то, что вы не получили письма. «О», говоритъ чиновникъ, «сейчасъ, сейчасъ; вы не можете знать потеряно ли ваше письмо. Подождите, ваши знакомые получаютъ его». Дѣйствительно, ваши знакомые, можетъ, быть, получаютъ его, спустя недѣли и мѣсяцы послѣ того, какъ оно было послано; и чиновникъ скажетъ вамъ съ торжествующимъ видомъ: «Видите, ваше письмо не было затеряно! Русская почта не дѣлаетъ ошибокъ».

Это правда: въ Россіи никогда ничего не теряется, тамъ только кладется на храненіе. Тамъ ни одинъ проектъ не отклоняется рѣшительнымъ образомъ, а только его выполненіе отсрочивается на неопредѣленное время. Ни одинъ русскій чиновникъ никогда не дастъ вамъ яснаго прямого отвѣта, онъ обыкновенно скажетъ вамъ: «Подождите немного, мы посмотримъ что тутъ можно сдѣлать». Всѣ литературныя произведенія, всѣ газеты, входящія въ страну, если по мнѣнію бюрократіи, они содержатъ въ себѣ прогрессивныя идеи, пачкаются невыводимыми черными чернилами, для того чтобы 140-милліонное населеніе страны, великій русскій народъ, не могъ получить иной духовной пищи, кромѣ той, которую считаетъ для него пригодной бюрократія, и главное, чтобы онъ не узналъ того, что для послѣдней всего страшнѣе,— Истины!

Взгляните на любое мѣсто той бюрократической сѣти, въ которой задыхается Россія, и повсюду вы увидите чиновника, сидящаго за своимъ маленькимъ окошечномъ и смотрящаго на міръ и на народъ такъ, какъ тюремный сторожъ смотритъ за преступниками. Повсюду распространена подозрительность, повсюду царятъ централизація и откладываніе дѣлъ. Прежде, чѣмъ не только удовлетворить, но даже обратить вниманіе на самыя простыя нужды, бюрократія должна исписать груды бумаги; одинъ чиновникъ за другимъ про-

сматриваютъ эти документы, ставятъ на нихъ новые непонятные гіероглифы.

Выполняя свои обязанности, чиновникъ, разумѣется, считается не съ интересами публики; онъ заботится только о томъ, что сдѣлаетъ стоящій надъ нимъ чиновникъ, потому что среди бюрократіи низкопоклонство передъ старшими развито въ такой же степени, какъ безграничное пренебреженіе къ народу. Бюрократія живетъ только для бюрократіи и ни для чего другого.

.
.

Первый русскій сатирикъ—Гоголь даетъ намъ точную картину русскаго чиновничества, каково оно есть въ настоящее время. Я рекомендовалъ бы обратиться къ его произведеніямъ тѣмъ изъ моихъ читателей,—которые хотятъ имѣть подтвержденіе написаннаго мною. Русскій народъ можетъ обладать всѣми достоинствами; что касается до меня, то я искренній другъ и доброжелатель *настоящаго* русскаго народа, но теперь всѣ вступающія въ сношенія съ Россіей имѣютъ дѣло не съ самимъ русскимъ народомъ,—практически дѣло складывается такъ, какъ будто бы его совсѣмъ и не существовало,—они имѣютъ дѣло съ русской бюрократіей, которая несмотря на наилучшія намѣренія Царя, перваго министра или центрального Правительства, въ настоящее время управляетъ Россіей; и покуда въ странѣ не будетъ правительства достаточно сильнаго и до-

статочно способнаго для того чтобы въ союзѣ съ объединеннымъ народомъ устранить бюрократическій режимъ, вырвать его съ корнемъ, до тѣхъ поръ для другихъ народовъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы заключать съ русскимъ народомъ соглашенія политическаго, соціальнаго или финансоваго характера.

.
.
.
.
.

Всякая книга о русскомъ крестьянинѣ будетъ неполной, если въ ней не упомянуть о диссидентахъ, извѣстныхъ подъ именемъ раскольниковъ. Послѣдніе откололись отъ русской православной церкви къ царствованію Алексѣя Михайловича, отца Петра великаго, вслѣдствіе того что они не могли примириться съ поправками старыхъ священныхъ книгъ, сдѣланными патріархомъ Никономъ; дальнѣйшими поводами къ разногласію послужили вопросы о способахъ исполненія обрядовъ, вопросы о томъ, сколько пальцевъ нужно складывать для совершенія крестнаго знаменія, сколько разъ нужно повторять «аллилуія», должны ли кресты дѣлаться четырехконечными, или осьмиконечными какъ слѣдуетъ писать имя Іисусъ.

Секта зародилась въ избѣ, т. е. въ самой колыбели невѣжества и слѣпота суетвѣрія. Она обязана своимъ происхожденіемъ не мышленію или литера-

турнымъ и теологическимъ познаніямъ, но твердой упорной привязанности ея приверженцевъ къ дошедшимъ до нихъ традиціямъ. Въ настоящее время между русскими крестьянами насчитывается отъ восемнадцати до двадцати милліоновъ раскольниковъ; число ихъ увеличилось несмотря на ужасныя преслѣдованія, которымъ они подвергались въ теченіе нѣсколькихъ царствованій, до самаго послѣдняго времени. Въ теченіе столѣтій удѣломъ раскольниковъ были изгнаніе, преслѣдованіе, смертная казнь и, несмотря на это, расколъ живетъ, хотя въ основѣ его лежитъ только суевѣріе.

«Поскребите русскаго и вы увидите передъ собою татарина». Поскребите раскольника и вы найдете самое темное невѣжество, полнѣйшее незнаніе имъ основаній его вѣрованія. Я часто спрашивалъ раскольниковъ, почему они раскольники, и въ большинствѣ случаевъ мнѣ вѣдѣчали: «Я не знаю, баринъ; мои отцы были раскольниками, а потому и я раскольникъ». Такимъ образомъ единственной причиной привязанности къ расколу является недостатокъ индивидуальности и инициативы. Талантливый русскій писатель Горбуновъ, писалъ въ 1888:

«Раскольникъ какъ бы окруженъ высокой стѣной, которая вполне изолируетъ его отъ внѣшняго міра, мѣшаетъ его глазамъ видѣть и его ушамъ—слышать. Содержаніе его вѣры сводится къ старымъ преданіямъ, изъ которыхъ онъ знаетъ только обряды; уда-

лите окружающую расколъ стѣну и вы увидите его внутреннее ничтожество. Онъ держится только благодаря невѣжеству крестьянъ. Освѣтите это темное царство свѣтомъ истины и его безсмысленная пустота будетъ очевидна всякому».

Три мѣсяца тому назадъ русское Правительство издало декретъ, дающій сектъ свободу дѣйствій; однако въ интересахъ нравственного, умственного и соціальнаго воспитанія крестьянина было бы много лучше, если бы раскола не существовало. Правда, раскольники крѣпче, трудолюбивѣе и воздержаннѣе чѣмъ ихъ принадлежашіе къ православной церкви собратья, но вѣроученіе первыхъ съ малолѣтства вселяетъ въ нихъ ненависть къ западнымъ обычаямъ, ко всему что приходитъ съ Запада, и это является сильнымъ препятствіемъ къ прогрессу, къ реформамъ, къ развитію самостоятельнаго мышленія. Цитирую опять Горбунова:

«Полнѣйшая темнота. Вынесите это ученіе на свѣтъ Божій и покажите всю его пустоту и беззаконія. Внѣшнія стѣсненія окружили эту религіозную твердыню своего рода непроницаемой стѣной; внутри—ничего кромѣ пустоты. А потому свѣта, больше свѣта!»¹⁾.

Но прежде ихъ нужно накормить, а потомъ уже и учить.

¹⁾ Эта цитата изъ Горбунова, также какъ и предыдущая, приведены здѣсь въ переводѣ съ англійскаго. Прим. перев.

Благодаря своему невѣжеству, русскіе крестьяне не могутъ даже добывать себѣ пропитаніе. Посмотрите, какъ они обрабатываютъ землю. Ихъ способы обработки представляютъ собою пережитки древности; употребляемые ими орудія годились бы для археологическаго музея. И они не будутъ употреблять другихъ орудій до тѣхъ поръ, покуда среди нихъ не распространится образованіе. Правда, каждый изъ нихъ въ отдѣльности слишкомъ бѣденъ для того, чтобы вести рациональное хозяйство, но съ другой стороны вѣрно и то, что громадное большинство ихъ не имѣютъ никакого желанія перейти къ болѣе совершеннымъ способамъ веденія хозяйства и, конечно, не имѣютъ знаній, необходимыхъ для того, чтобы умѣло работать съ другими орудіями, отличными отъ тѣхъ, съ которыми они работаютъ теперь и съ которыми ихъ предки работали сотни лѣтъ тому назадъ. Въ Россіи есть извѣстное количество интеллигентныхъ крестьянъ,—сливки ея сто-милліоннаго крестьянства, но объ этихъ людяхъ я поговорю нѣсколько ниже.

Что такое сельскохозяйственный годъ? Онъ начинается въ апрѣлѣ, когда таетъ снѣгъ. Какъ только послѣдній скроется съ глазъ, но ранѣе, чѣмъ онъ совершенно исчезнетъ, на деревьяхъ и кустарникахъ появляются почки и изъ земли, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, показывается зеленая трава.

17 апрѣля скотъ выгоняется на зеленныя поля;

несчастныя животныя имѣютъ жалкій, изнуренный видъ послѣ того полуголоданія, которое имъ пришлось перенести въ продолженіе длинныхъ семи зимнихъ мѣсяцевъ. При первомъ выгонѣ скота священникъ благословляетъ его и кропитъ его святой водой. Въ то же время происходитъ благословеніе воды, освободившейся отъ покрывавшаго ее зимою льда; соотвѣтствующій обрядъ совершается и зимою, когда рѣки и потоки только что покрываются льдомъ.

Паханье начинается 22 апрѣля,—почва готовится къ посѣву ярового. Этимъ дѣломъ крестьяне бываютъ заняты до конца мая. Затѣмъ они начинаютъ готовить оставшееся подъ паромъ поле подъ озимое. Это продолжается до Петрова дня, 29 іюня,—когда начинается косьба. Жатва начинается около половины іюля, обыкновенно послѣ Ильина дня (20 іюля), и продолжается до 31 августа; окончивъ за это время жатву и уборку, крестьянинъ сѣетъ озимое для будущаго года. Приблизительно къ концу сентября крестьянскія работы заканчиваются, и 1 октября происходитъ большое празднованіе. Въ это время уже близится зима, скоро выпадетъ снѣгъ; онъ покроетъ собой землю и крестьянскую избу и заморозитъ и ту небольшую энергію, на которую способенъ крестьянинъ. Для большинства крестьянъ наступаетъ семимѣсячный періодъ сна, лѣнтяйничества.

.

*

Каковы же теперь результаты того вліянія, которое оказали на крестьянина продолжавшееся вѣками насыщеніе его души суевѣріями и крѣпостное право, при господствѣ котораго онъ въ продолженіе вѣковъ долженъ былъ рабски повиноваться людямъ, смотрѣвшимъ на человѣческія существа, какъ на собакъ?

Отвѣтъ на это можетъ быть резюмированъ двумя словами:—Невѣжество и Меланхолія. Дѣйствительно, гдѣ можно найти такой меланхолическій народъ, какъ современные русскіе крестьяне? И помимо вліянія тѣхъ обстоятельствъ, на которыя я указалъ выше, самыя условія существованія русскаго крестьянина таковы, что predisposing къ меланхоліи. Россія съ ея безграничными степями и лѣсами представляетъ собою какъ бы особый міръ пустоты и одиночества, заколдованное царство меланхоліи; эта среда, вмѣстѣ съ той жизнью, которой жили многія поколѣнія крестьянъ, не только въ прошедшемъ были прямыми причинами ихъ угрюмага, унылаго и невеселаго характера, но и теперь еще являются главными обстоятельствами, поддерживающими такой характеръ. Въ прошломъ, самодержавіе уничтожило крестьянина, аристократія помогла этому, а духовенство получило надъ нимъ такую власть, которой онъ оказался не въ состояніи сопротивляться.

И въ результатъ всѣхъ этихъ воздѣйствій въ настоящее время крестьянинъ сталъ

только подобіемъ челоѣка, полуразумнымъ созданиемъ, челоѣкомъ, имѣющимъ очень мало челоѣческаго, ненормальнымъ существомъ, на-гражденнымъ жизнью, но задыхающимся въ тискахъ невѣжества и неразвитости; при такихъ условіяхъ къ двадцатому столѣтію меланхолія стала его второй природой. Всякій разъ, когда какой нибудь русскій поднимается надъ своей средой, получаетъ умственное развитіе, на которое онъ не могъ бы разсчитывать по условіямъ своего рожденія, и выражаетъ свои душевныя движенія въ стихахъ или въ прозѣ, на его произведеніяхъ лежитъ печать меланхоліи. Прислушайтесь къ пѣснѣ, которую поетъ крестьянинъ въ уединеніи своей избы вечеромъ, послѣ дневного труда, и вы замѣтите, что въ ней выражается главнымъ образомъ грусть. Исходите всю Россію и повсюду вы увидите, что преобладающей особенностью характера населенія является меланхолія. Да и какъ могло быть иначе? Къ перечисленнымъ выше причинамъ этой особенности національнаго характера нужно прибавить ужасно частые и все учающіеся періоды голода. И теперь, когда я пишу эти строки, Россія бьется въ мертвящихъ объятіяхъ Голода. На пространствѣ небольшой части страны (которая однако болѣе чѣмъ въ пять разъ обширнѣе Франціи) люди мрутъ отъ голода тысячами. Я пропу позволенія м-ра Виктора Мэрсдена въ Москвѣ, который знаетъ Россію и русскія дѣла,

быть можетъ, лучше, чѣмъ кто нибудь изъ живущихъ теперь англичанъ, привести здѣсь обширную цитату изъ его недавней статьи. Онъ пишетъ:

„Русское народное хозяйство организовано такимъ образомъ, что положеніе голодающаго крестьянина не дѣлается лучше отъ того, что у его сосѣда,—крупнаго землевладѣльца, на обширныхъ поляхъ котораго онъ по договору долженъ отработать опредѣленное число дней за сданное ему въ аренду небольшое количество акровъ земли,—оказался прекрасный урожай. Богатый землевладѣлецъ съ помощью своего капитала улучшаетъ землю и потому на его землѣ бываютъ такіе урожаи, на которые совершенно не можетъ разсчитывать никогда не имѣвшій капитала и всегда обремененный недоимками крестьянинъ. Далѣе, крестьянинъ не ѣстъ такого хлѣба, какой продается въ Лондонѣ. Онъ никогда не видитъ у себя пшеничнаго хлѣба или какого нибудь другого блага хлѣба; онъ употребляетъ чернѣйшій ржаной хлѣбъ. Русскій хлѣбъ, продающійся въ Лондонѣ, говоря языкомъ политической экономіи, производится для оплаты долговъ Правительства иностраннымъ заимодавцамъ и долженъ быть вывезенъ изъ страны для того, чтобы спасти послѣднюю отъ банкротства. И несмотря на неурожай и „мѣстный недородъ“, Правительство хорошо заботится, чтобы каждый унцъ зерна дошелъ до иностраннаго покупателя и называетъ тотъ годъ благополучнымъ, въ которомъ для уплаты по его иностраннымъ займамъ продано возможно большее количество хлѣба. Газетамъ запрещено писать о голодѣ, а губернаторы доносятъ центральному Правительству о „мѣстномъ недородѣ“ и этимъ дѣло заканчивается, или по крайней мѣрѣ *заканчивалось* до

тѣхъ поръ, покуда по странѣ пронеслась волна „свободы“ и по волю Царя населеніе получило большую свободу высказывать свое мнѣніе. Правительство, конечно, предпринимаетъ обширныя операціи по оказанію помощи. На оказаніе помощи во время „мѣстныхъ недородовъ“ оно ежегодно беретъ съ мужика особый налогъ. Въ доброе старое время этотъ налогъ собирался натурою; мужики каждой деревни имѣли свой хлѣбный магазинъ, въ который они ежегодно послѣ жатвы вносили запасъ, достаточный для ихъ пропитанія и на сѣмена для слѣдующаго урожая. Но уже много лѣтъ тому назадъ Правительство уничтожило эти мѣстные магазины. На какомъ основаніи? Въ политической экономіи, какъ она прилагается въ Россіи, основаній къ этому очень много. Главное основаніе заключается въ томъ, что зерно въ магазинахъ не растетъ, тогда какъ всѣ денежные сборы, которыми были замѣнены эти магазины, пошли въ Петербургъ.

Въ настоящее время въ Россіи голодаютъ 40.000.000 человѣкъ, а зима еще только началась, и до будущаго урожая остается еще семь или восемь мѣсяцевъ. Сѣмена съѣдены, а въ большинствѣ случаевъ съѣдена и рабочая лошадь. Сѣно и овощи уродили такъ же дурно, какъ и хлѣбъ, и помощи нѣтъ. Въ Россіи нѣтъ шоссеиныхъ дорогъ и очень мало желѣзныхъ дорогъ, такъ что если перевозка не была произведена въ опредѣленное время года, то оказать помощь уже не во власти смертныхъ. Деньги для оказанія помощи были выданы казначействомъ уже много мѣсяцевъ тому назадъ, а хлѣбъ на прокормленіе голодающихъ русскихъ еще находится за много миль отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ нуженъ, хотя на англійскій рынокъ, гдѣ не нужно считаться ни съ какимъ голодомъ, русскій хлѣбъ уже давно доставленъ. Подоб-

ная же исторія повторяется и въ другихъ случаяхъ; то же самое происходитъ и съ масломъ и яйцами: вывозъ всего этого даетъ большія суммы Правительству за счетъ здоровья и благосостоянія мужика. Богатѣйшая часть имперіи, бывшая нѣкогда житницей Европы, съ каждымъ годомъ дѣлается все замѣчательнѣе по вырожденію ея населенія. Такъ, напримѣръ, въ тучныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ бассейна Волги наблюдается все прогрессирующее вырожденіе населенія. Отчеты о призывѣ рекрутовъ въ упомянутыхъ губерніяхъ свидѣлствуютъ объ этомъ очень краснорѣчиво. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ среди земледѣльческаго населенія процентъ освобожденныхъ отъ службы вслѣдствіе физическихъ недостатковъ удвоился; процентъ тѣхъ лицъ обычнаго возраста, для которыхъ выполнение воинской повинности было отсрочено вслѣдствіе ихъ незрѣлости, тоже почти удвоился; въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, которыя кормятъ иностранцевъ, населеніе растетъ всего медленнѣе, а смертность всего выше. Нѣсколько болѣе года тому назадъ, на всякое усиліе со стороны частныхъ лицъ или общественныхъ учрежденій оказать помощь въ мѣстностяхъ, которымъ въ прошломъ году угрожала голодъ, Правительство отвѣчало приказами объ арестахъ и заключеніяхъ въ тюрьму, такъ какъ во всякомъ вступающемъ въ сношенія съ крестьянами оно подозрѣвало политическаго пропагандиста. Дѣти мрутъ какъ мухи, докторовъ мало, лѣкарствъ почти нѣтъ. Въ большинствѣ потерпѣвшихъ отъ неурожая губерніяхъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ; населеніе безпомощно, какъ только *могутъ* быть безпомощны люди въ этой обширной имперіи, гдѣ они не могутъ оставить мѣстности, въ которой ихъ ожидаетъ вѣрная смерть. Нѣтъ ни дорогъ, ни лошадей, оставшихся достаточно сильными, чтобы на нихъ можно было перевезти работниковъ или пищу. За исключеніемъ

Россія въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны, которая могла бы дойти до такого состоянія, и ни одно крестьянство на свѣтѣ не принимало бы смерть такъ спокойно какъ русскіе, которыхъ ихъ Правительство приучало къ этому въ теченіе жизни предшественнаго поколѣнія“.

Вотъ голая неприкрашенная правда, высказанная человѣкомъ, для котораго Россія раскрытая книга, который знаетъ ее лучше самихъ русскихъ. И потому, повторяю я, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что преобладающей чертой русскаго характера является меланхолія. Но если меланхолія представляетъ собою столь распространенную черту, можно ли сказать то же самое про невѣжество? Нѣтъ. Среди многочисленныхъ русскихъ крестьянъ встрѣчается много и такихъ, которые поднялись надъ окружающей ихъ средой, поняли и стараются улучшить тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ они выросли и которыя являлись помѣхой ихъ умственному развитію. Эти люди, между которыми есть молодые, люди среднихъ лѣтъ и старики, упорно стремились воспитать себя посредствомъ чтенія и письма и такимъ образомъ подготовиться къ роли, посылаемой имъ судьбой, — къ тому чтобы быть ядромъ имѣющей появиться великой расы. Въ настоящее время, несмотря на то что они представляютъ собою только едва замѣтное меньшинство крестьянскаго населенія, они образуютъ интеллигенцію, сильную умственно, нравственно

и физически, вполне способную выполнить взятый ею на себя трудъ—просвѣщать своихъ забытыхъ, отсталыхъ собратьевъ.

Мнѣ приходилось встрѣчаться со многими представителями этой интеллигенціи, въ особенности въ центральной Россіи, и я никогда не забуду сцены, которую мнѣ выпало счастье видѣть въ началѣ прошедшаго года въ одной изъ губерній Европейской Россіи. Я былъ секретно увѣдомленъ, что въ опредѣленномъ мѣстѣ соберется съѣздъ представителей крестьянъ со всей Россіи, для того чтобы обсудить крестьянскій вопросъ и выработать проекты реформъ, которые предполагалось представить на усмотрѣніе властей; участники съѣзда надѣялись, что осуществленіе этихъ проектовъ принесло бы практическую пользу ихъ менѣе просвѣщеннымъ собратьямъ.

Съѣздъ долженъ былъ собраться тайно; такимъ образомъ въ одну очень морозную ночь, при слѣпящей снѣжной бурѣ, въ парныхъ саняхъ, я отправился въ назначенное для него уединенное мѣсто. Я никогда не забуду этой поѣздки. За кучера со мной ѣхалъ староста одного большого села, котораго я здѣсь не назову,—очень интеллигентный человѣкъ; его выразительное лицо съ крупными чертами было окружено гладкими съдыми волосами, на которыхъ, какъ и на его заинѣвшей бородѣ, дрожали безчисленные ледяныя сосульки; нагнувшись впередъ, онъ, напоминая

собою возницу на древнихъ Олимпійскихъ играхъ, понукалъ возбужденными жестами съ трудомъ подвигающихся впередъ лошадей.

И до сего дня я живо помню всѣ подробности этого происшествія. Вдругъ мы подѣхали къ огромному овину, расположенному посреди открытой, бѣлоснѣжной, обдуваемой вѣтромъ равнины и отстоящему на цѣлыя мили отъ ближайшаго жилья. Староста громко постучалъ въ большія двери и изъ зданія вышелъ человѣкъ, который отвелъ измученныхъ лошадей съ санными въ близъ стоящій сарай. Мы вошли въ отворенныя двери и мой спутникъ нѣсколько разъ стукнулъ въ другую дверь внутри зданія. Едва замерло подъ крышей эхо отъ его ударовъ, какъ мы услышали звукъ отодвигаемаго желѣзнаго за-сова; кто-то отворилъ изнутри огромную дверь и передъ моими удивленными глазами открылось зрѣлище, которое никогда не изгладится изъ моей памяти.

При первомъ взглядѣ на него, въ моемъ умѣ промелькнула извѣстная картина, на которой изображена Тайная Вечеря. Я увидаль передъ собою огромное деревянное помѣщеніе, очевидно нѣкогда употреблявшееся для склада соломы на зимнее время; посреди огромнаго овина, подъ высокой крышей, державшейся на переплетѣ изъ массивныхъ, носящихъ на себѣ слѣды времени бревенъ и отражающей гулъ множества тихихъ голосовъ, былъ расположенъ большой грубый столъ,

состоящій изъ помѣщенныхъ на пустыя бочки досокъ. Полной темнотѣ мѣшали только двѣ длинныя свѣчи, находящіяся на одномъ концѣ стола; ихъ слабый свѣтъ придавалъ суровымъ профилямъ тихо говорящихъ крестьянъ что-то фантастическое; по мѣрѣ ихъ удаленности отъ свѣчей лица были освѣщены слабѣе, а въ мрачной глубинѣ сарая только блестящіе, сверкающіе отраженными лучами далекаго пламени, глаза и показывали, откуда шелъ тихій подавленный ропотъ невидимой толпы.

Картина прекрасно могла бы служить образцомъ для какой нибудь библейской сцены, а присутствующіе напоминали изображенія апостоловъ и древнихъ патріарховъ. Во всю мою жизнь мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе степенной, внушающей уваженіе группы людей, чѣмъ та, которую составляли эти простые крестьяне, въ возрастѣ отъ тридцати до семидесяти лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ бородатые и съ очень интеллигентными лицами, съ широкими лбами, рѣзко выступающими изъ-подъ шапокъ длинныхъ, нечесанныхъ, небрежно закинутыхъ за уши волосъ. Всѣ имѣли на себѣ обычные длинные овчинные полушубки; въ общемъ это была такая сцена, подобную которой рѣдко приходилось имѣть передъ собою художникамъ древности или настоящаго времени.

При нашемъ входѣ, престарѣлый, почтеннаго вида крестьянинъ, предсѣдатель собранія, под-

нился съ своего мѣста во главѣ стола, между двухъ свѣчей, и поздоровался съ нами. Для меня поставили скамью справа отъ кафедры и собраніе было открыто. Я приведу здѣсь только главныя мысли вступительной рѣчи и одну или двѣ изъ принятыхъ резолюцій.

Предсѣдатель, поднявшись среди мертвой тишины, сказалъ торжественнымъ и серьезнымъ тономъ. «Братцы, мы собрались здѣсь для того, чтобы образовать союзъ и обсудить мѣры, которыя позволили бы намъ и нашимъ братьямъ во всей несчастной, угнетенной Россіи бороться за свободу мыслить, дѣйствовать и жить какъ свободные люди. Я прошу васъ посвятить себя въ эту ночь и въ послѣдующее время достиженію этой великой цѣли и да поможетъ намъ Всевышній по Своей благодати и милосердію». Затѣмъ послѣдовали длинныя пренія и я кратко привожу нѣкоторыя резолюціи:

1. Задача учреждаемаго Общества состоитъ въ обсужденіи и выполненіи наилучшихъ мѣръ къ тому, чтобы защищать права нашихъ крестьянъ и чтобы довести до свѣдѣнія Его Величества Царя, нашихъ правителей и нашихъ товарищей крестьянъ слѣдующіе факты:

а) Мы просимъ свободы слова, свободы писать и читать, свободы учиться и образовываться и средствъ къ послѣднему. Мы клянемся работать вмѣстѣ для полученія этихъ правъ.

б) Мы были освобождены нашимъ Батюшкой

Царемъ въ 1861 г. и мы просимъ о принятіи мѣръ къ тому, чтобы сдѣлать насъ дѣйствительно свободными, свободными въ истинномъ значеніи этого слова.

Были приняты и другія столь же сильныя резолюціи, но я долженъ сказать, что, по моему мнѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ были выражены слишкомъ рѣзко, были слишкомъ необузданными, неполитичными и недипломатичными для того, чтобы быть дѣйствительно полезными крестьянскому дѣлу. Но на этомъ собраніи, какъ на всѣхъ собраніяхъ, были и слишкомъ возбужденные элементы, были умы, въ которыхъ преобладали пессимизмъ и врожденное чувство недовольства, воспитанное многолѣтними напрасными усиліями улучшить свое положеніе. Какъ ни серьезны были эти люди, они еще совершенно не могли цѣнить искусства выражаться дипломатично и это отразилось на выраженіяхъ, въ которыя они облекли свои мысли.

Какъ бы тамъ ни было, но я надѣюсь, что это краткое описаніе митинга русскихъ крестьянъ не будетъ лишено интереса для моихъ читателей, такъ какъ оно даетъ представленіе о томъ, какой матеріалъ можно найти даже между грубыми, некультурными массами русскаго сельскаго населенія.

Старается ли Правительство содѣйствовать этимъ людямъ въ ихъ стремленіи помочь себѣ? Для полученія отвѣта на этотъ вопросъ, обратимся къ статѣ, появившейся въ этомъ мѣсяцѣ

въ Times'ѣ, замѣтивъ при этомъ, что вскорѣ предстоитъ созывъ новой Думы и что бюрократія не хочетъ чтобы въ русскій парламентъ попали «нежелательные» элементы, потому что они могутъ надѣлать ей непріятностей. Послушаемъ, что говоритъ тотъ русскій, статья котораго помѣщена въ Times'ѣ.

„Министръ путей сообщенія постановилъ, чтобы ни одному изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ не было позволено уклоняться отъ исполненія служебныхъ обязанностей въ день выборовъ. Это значитъ, что болѣе 100.000 желѣзнодорожныхъ служащихъ будутъ лишены права голоса. Предприниматели, платящіе жалованье забастовщикамъ за дни забастовки штрафуются на 1.000 рублей. Руководители професіональных союзовъ арестуются массами и губернаторамъ предоставлена власть высылать изъ предѣловъ губерніи всѣхъ нежелательныхъ лицъ (и относить къ числу послѣднихъ всѣхъ безработныхъ)..... За недѣлю (съ 14 по 21 ноября 1906) въ различныхъ губерніяхъ было приостановлено десять газетъ, были конфискованы номера семи изданій, восемь изданій подверглись преслѣдованію; въ трехъ редакціяхъ были произведены обыски и три типографіи были закрыты. Изъ членовъ трудовой партіи послѣдней Думы, десять сидятъ въ тюрьмахъ, девять человекъ скрываются въ Россіи, четверо скрылись за границу, двое сосланы и одинъ сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ. Изъ шести входившихъ въ составъ Думы священниковъ, которые вадумали проповѣдывать о вещахъ, не имѣющихъ отношеніе къ спасенію душъ, одинъ былъ арестованъ, одинъ лишенъ духовнаго званія, тогда какъ всѣ бывшіе члены, которые занимали должности на общественной службѣ, были смѣщены съ нихъ соотвѣтствующими замѣстами

или городскими управленіями по указанію Правительства. Не позабыли и о бывших членах Думы дворянахъ. Тринадцать человѣкъ изъ нихъ были исключены дворянскими собраніями изъ списковъ дворянъ,—кара, которая лишаетъ ихъ всѣхъ политическихъ правъ“.

Такъ содѣйствуетъ Правительство зарождающемуся умственному развитію и помогаетъ крестьянскимъ массамъ и городскимъ рабочимъ интересоваться дѣлами страны. Но когда же крестьяне окажутся способными парализовать усилія ретроградной бюрократіи, принять участіе въ обсужденіи дѣлъ своей страны и широко воспользоваться образованіемъ, просвѣщеніемъ, всѣмъ, что ведетъ къ умственному прогрессу? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я цитирую анонимнаго французскаго автора «Секретныхъ мемуаровъ двора Екатерины II». Сто лѣтъ тому назадъ онъ писалъ:

Если, какъ это полагають нѣкоторые, французской революціи суждено распространиться по всему земному шару, то навѣрно можно сказать, что въ Россію она проникнетъ поздно, чѣмъ во всѣ другія страны. Это будетъ борьба дня и ночи, послѣдняя битва Философіи и Разума противъ Варварства и Невѣжества. Очень невѣроятно, чтобы въ Россіи теперь уже могла вспыхнуть революція, подобная французской, но тамъ возможна революція, до которой страна уже созрѣла,—революція болѣе просвѣщенной части аристократіи. Нужно признать, что другъ Россіи и свободы и не можетъ желать какой нибудь другой перемѣны тамъ въ настоящее время;—эта перемѣна единственно возможная въ этой обшир-

ной имперіи. Благодаря тому печальному положенію, въ которомъ тамъ находится народъ, онъ не способенъ быть свободнымъ; онъ долженъ быть подготовленъ къ свободѣ, прежде чѣмъ дать ему ее, его нужно воспитать такъ, чтобы онъ *пожелалъ* быть свободнымъ. Иначе онъ будетъ злоупотреблять свободой или, что еще хуже, откажется отъ нея. Дѣйствительно, можно сказать, что русское правительство не въ такой степени склонно къ тираниіи, какъ народъ склоненъ къ рабству. Съ такимъ народомъ теперь ничего нельзя сдѣлать. Самое большее, на что можетъ надѣяться Россія, эта на то, что на тронѣ когда нибудь появится императоръ, достаточно мудрый и великій, чтобы дать странѣ законы и самому подчиниться этимъ законамъ,—настолько великодушный правитель, что онъ устыдится безславно царствовать надъ лишеннымъ правъ народомъ, и способный съ вершины своего трона проложить легкій и удобный путь, безъ потрясеній ведущій къ свободѣ. При новой системѣ правленія русскіе могутъ подготовиться къ той великой революціи человѣческаго ума, къ которой нѣкоторые считаютъ ихъ готовыми уже теперь. Свобода и счастье рода человѣческаго могутъ быть достигнуты только тогда, когда народъ будетъ расположенъ въ пользу разумныхъ принциповъ государственнаго устройства. *Слѣдуетъ опасаться, что Россіи понадобятся еще долгіе годы для того, чтобы дойти до этого!* А потому не падайте духомъ, русскіе стараго режима, которые дрожали при успѣхахъ французской революціи. Прежде, чѣмъ дойти до этого пугающаго васъ возрожденія, вамъ нужно будетъ еще пройти черезъ всѣ ступени цивилизаціи. Прежде, чѣмъ просвѣтить націю, нужно вывести ее изъ варварства; ваша находится еще въ младенчествѣ. Прежде чѣмъ, получить разумное государственное устройство, она должна еще имѣть

королей, а у васъ были только самодержцы. Вы боитесь конституціи? Но у васъ нѣтъ еще законовъ. Васъ пугаетъ національное собраніе? Но у васъ еще нѣтъ парламента. Но въ концѣ концовъ критическая эпоха наступитъ и въ Россіи, какъ въ другихъ странахъ. Свобода совершаетъ свой путь такъ же, какъ время—медленно, но неуклонно, и когда нибудь она достигнетъ Сѣвера*.

Знаменательныя слова, сказанныя ровно сто лѣтъ тому назадъ. Къ чему же приводитъ сравненіе этихъ высказанныхъ сто лѣтъ тому назадъ утвержденій съ настоящимъ положеніемъ? Одно достовѣрно, что массы, т. е. громадное большинство русскихъ крестьянъ, совершенно не способны взять на себя какую нибудь отвѣтственность, связанную съ управленіемъ страной. Ихъ еще нужно образовать, превратить ихъ въ обыкновенныхъ интеллигентныхъ людей, привить имъ понятіе о человѣческомъ достоинствѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Деревенская жизнь	4
» II. Исторія	120
» III. Недугъ Россіи	193

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ т-ва «ОБЩЕ-
СТВЕННАЯ ПОЛЬЗА» (СПБ., Б. Подъяческая, 39).

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб. Большая Подъяческая, 39. *ca*

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

4 Aug 49 M

1 Aug 60 CTX

RET'D TO ART-
ANTHRO LIBRARY

L 8/38

LD 21-100m-9,'48 (B399s16) 476

YC 76836

M156415

DK32
K425

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

